

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

Б 82-15
62

С. З. ЗИМАНОВ

РОССИЯ И БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА · 1982

Зиманов С. З. Россия и Букеевское ханство. — Алма-Ата: Наука, 1982. — 171 с.

Букеевское ханство (1801—1845 гг.) — казахское государственное объединение, находившееся в районе нижнего течения Волги и Урала, в силу ряда обстоятельств ощущало интенсивное и разностороннее влияние России. В монографии рассматривается социально-экономическая и государственно-правовая структура ханства, ее эволюция и тенденции развития, обусловленные прогрессивным влиянием России, ее демократических институтов и передовой культуры.

Книга рассчитана на историков, правоведов и всех интересующихся данной проблемой.

З $\frac{11001-132}{407(07)-82}$ 25.81.1202000000

© Издательство «Наука» Казахской ССР, 1982.

ВВЕДЕНИЕ

История развития взаимоотношений Казахстана и России, с одной стороны,— история присоединения Края к Российской империи и превращения его в колонию, а с другой — история складывания и развития стабильных связей и межнационального общения. Важным звеном в цепи исторических событий, составляющих этот процесс, является история Букеевского ханства.

Букеевское ханство возникло в начале XIX в., когда связи Казахстана и России стали более тесными. Многие особенности этого периода, а именно: политика царского правительства в Казахстане, методы и формы ее реализации, втягивание казахского общества в орбиту интересов империи, а главное — объективные процессы, происходившие в различных областях жизни казахского народа, заметно отложились и на истории Внутренней орды.

Научный интерес к истории Букеевского ханства обусловлен тем, что оно в силу своего географического и политического положения первым из казахских ханств оказалось в структуре Российской империи, не теряя при этом некоторой своей политической обособленности во внутреннем управлении. Это обусловило более тесное, чем в других частях Казахстана, общение трудовых слоев казахского населения с населением русских крестьянских деревень и казачьих поселений, что привело к более сильному влиянию русского общества на казахское в сферах хозяйства и культуры, образа жизни и быта. В то же время Букеевское ханство рассматривалось царским правительством как арена для проведения коло-

ниальной политики, распространявшейся на весь Казахстан.

В истории Букеевского ханства наиболее четко, концентрированно отразились развитие русско-казахских отношений, изменения, которые происходили в системе господствующих патриархально-феодалных отношений, в сферах культурной и идейной жизни, хозяйства и быта казахского населения в условиях усиливающегося влияния России.

Хронологические рамки нашего исследования ограничены первой половиной XIX в. Букеевское ханство было образовано фактически в начале XIX в., юридически — в 1812 г. Хотя последний хан Букеевской орды умер в 1845 г., и ханская власть после него не восстанавливалась, вопрос о назначении нового наследника хана не снимался в правительственных органах вплоть до середины 50-х гг. С этого времени можно говорить об окончательном упразднении Букеевского ханства.

Историю возникновения, развития и упразднения Букеевского ханства нельзя рассматривать в отрыве от добровольного присоединения края к России. Существует довольно обширная литература, посвященная присоединению Казахстана к России, ее различным аспектам и периодам. Среди них наиболее значительными и важными были исследования Е. Б. Бекмаханова, Н. Г. Аполловой, В. Я. Басина¹.

Если говорить о трудах советских ученых, так или иначе рассматривающих вопросы истории Букеевского ханства, то следует отметить, что почти все они посвящены крестьянскому восстанию под руководством Исатая Тайманова, являющемуся важнейшей вехой в истории национально-освободительного движения казахского народа. Не только историки, но и литературоведы проявили значительный интерес к этому событию большого социального значения, чему в немалой степени способствовал тот факт, что один из руководителей восстания Махамбет Утемисов был талантливым поэтом-импровизатором, отразившим в своем искусстве пафос револю-

¹ Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948; Она же. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII—начале XIX в. М., 1960; Басин В. Я. Россия и Казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971.

ционной борьбы и трагедию борьбы за свободу народа в мрачные годы средневековья. Его деятельность и произведения занимают особое место в многочисленных исследованиях филологов.

Исследуя причины крестьянского восстания в Букеевском ханстве, авторы в большей или в меньшей степени освещали вопросы его экономического и социально-политического развития. Первым из советских историков, изучавших Букеевское ханство под углом зрения обострения социальных отношений в нем, был А. Ф. Рязанов. В работе, посвященной освободительной борьбе казахов Западного Казахстана в XVIII и первой трети XIX в., событиям в Букеевском ханстве он уделил значительное место. Он первым в советской литературе поставил и пытался решить ряд вопросов социальной и политической жизни ханства: причины его образования, характер ханской власти и учреждение Ханского совета, изменения в земельных отношениях и причины восстания под руководством Исатая Тайманова. Наряду с правильными положениями и догадками в этой работе имеется ряд существенных недостатков, связанных с тем, что автор рассматривал казахское общество XIX в. как родовую организацию. «Казахи жили родовым строем,— писал он.— Родовая организация как естественная форма кочевого общежития вполне соответствовала тогдашним формам хозяйственной жизни народа... Казахи сохраняли в неприкосновенности родовой строй»². Исходя из этого тезиса, он делает вывод, что причиной усиления власти хана Джангира в Букеевском ханстве был распад родового строя, в результате чего «родовые старшины с каждым годом теряли свое влияние и находились в полной зависимости от хана»³. Правильно подмечая новые явления в социальной и хозяйственной жизни региона, не характерные прежде для казахского общества, А. Ф. Рязанов не всегда их правильно объяснял. Так, по его мнению, с раздачи земель в личную собственность верхушке общества началось противопоставление интересов знати и рядовых кочевников. В результате такой земельной политики хана, как указывал автор, «привиле-

² Рязанов А. Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797—1838 гг.). Кзыл-Орда, 1926, с. 187.

³ Там же, с. 193.

гированные классы, «белая кость», были противопоставлены простому, или «черному» народу»⁴.

Позднее А. Ф. Рязанов опубликовал книгу «Восстание Исатая Тайманова»⁵, насыщенную интересными фактами и событиями, связанными с формированием и ходом восстания. Как и в первой работе, причины важнейших событий, в том числе восстания Исатая, он ищет в родовой организации, присущей якобы казахскому обществу рассматриваемого периода, и ее ломки в условиях Букеевского ханства. Основное зло, по его мнению, заключалось в том, что «Джангир-хан производил в Орде ломку этого строя, насаждая феодально-поместную систему, совершенно несоответствующую формам кочевого общежития»⁶.

Истории освободительного движения казахского народа в XVIII—XIX вв. посвятил ряд своих оригинальных трудов М. П. Вяткин. В работе «Батыр Срым»⁷ дана глубокая и широкая картина народного движения в Младшем жузе в последней четверти XVIII в., влияние которого определенным образом сказывалось на политической жизни Букеевского ханства. Эта работа была удостоена Государственной премии СССР. Собственно о Букеевском ханстве, об его истории интересные идеи и отдельные краткие описания содержатся в его обобщающем труде «Очерки по истории Казахской ССР»⁸. В них делались продуктивные попытки вскрыть общее и особенное в развитии земельных и патриархально-феодальных отношений в Букеевском ханстве, а также некоторых сторон политики царского правительства в этом регионе. Созвучны современной трактовке взгляды автора на развитие земельных отношений в ханстве: «Поражает, с какой легкостью совершался переход земель в частную собственность султанов и богатых казахов — баев,— писал М. П. Вяткин.— Отметить это обстоятельство следует потому, что оно косвенно подтверждает наличие у казахов своеобразной узурпации (захвата)

⁴ Рязанов А. Ф. Сорок лет борьбы..., с. 196.

⁵ Рязанов А. Ф. Восстание Исатая Тайманова (1836—1838 гг.). Кзыл-Орда, 1927.

⁶ Там же, с. 5.

⁷ Вяткин М. П. Батыр Срым. М.— Л., 1947.

⁸ Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941.

общинной земли, обусловленной кочевым характером хозяйства»⁹.

Автор высказывал верное мнение о том, что «резкое углубление феодальных отношений» в ханстве начинается с периода прихода к власти хана Джангира, вступившего в ханскую должность «с навыками и претензиями русского помещика-крепостника»¹⁰. Говоря об объеме его власти, М. П. Вяткин замечал, что «он держался как восточный деспот»¹¹, несмотря на то, что функции его как хана были царским правительством весьма ограничены¹².

В изучении социально-экономической истории Букеевского ханства в связи с главной задачей освещения восстания под руководством Исатая существенным шагом вперед была монография В. Ф. Шахматова «Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова»¹³, опубликованная в середине 40-х гг. Более половины ее объема посвящено материальным факторам, приведшим к восстанию. Работа написана на основе большого числа документов и материалов, которые впервые автор ввел в научный оборот. Более полно в этой книге освещены вопросы образования Букеевского ханства, внешние и внутренние факторы, обострившие земельные отношения в обществе. Разумеется, в фокусе исследования находились вопросы подготовки и хода восстания, причины его поражения. Уточнены и конкретизированы отдельные эпизоды и периоды развития восстания в ханстве, дана характеристика некоторых активных его участников.

И. Кенжебаев в своей книге «Тайманулы Исатай»¹⁴ широко привлек наряду с опубликованными и архивными материалами фольклорные и народные источники, передававшиеся из поколения в поколение, из уст в уста, имевшие прежде значение неписанной истории народа.

Наше исследование, таким образом, в определенной

⁹ Там же, с. 348.

¹⁰ Там же, с. 347.

¹¹ Понятие «восточный деспот» как форма политической власти имеет специфическое содержание и атрибуты. Наше исследование показало, что власть Джангир-хана мало походит на власть восточного деспота в ее традиционном значении.

¹² Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР, с. 247.

¹³ Шахматов В. Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946.

¹⁴ Кенжебаев И. Тайманулы Исатай. Алматы, 1977.

мере стало возможным благодаря трудам предшествующих авторов, на которые мы опираемся. Нами Букеевское ханство, его социально-экономическая структура и политико-правовой статус рассматриваются в связи с политикой русского государства на окраинах вообще, в Казахстане в частности, и в плане развития взаимоотношений между Россией и Казахским обществом. В данной постановке история Букеевского ханства прежде не освещалась в специальных исследованиях. Такие комплексные вопросы, как политическая организация ханства и влияние на нее царского правительства, а также вопросы воздействия русской культуры и просвещения на внутреннюю жизнь казахского общества и их прогрессивные последствия, не рассматривались вовсе.

В нашей работе использован большой круг источников и прежде всего архивные материалы, извлеченные автором из фондов Центрального государственного архива Казахской ССР, областных архивов Оренбурга и Астрахани, отчасти Центрального государственного военно-исторического архива и архива Министерства иностранных дел России в г. Москве. Особенно богат документами и материалами, относящимися к нашей теме, Центральный государственный архив Казахской ССР, его фонды 4 (Областное правление оренбургскими киргизами) и 78 (Временный совет по управлению Внутренней ордой). В них отложились ханский архив, в особенности со времени вступления на ханский престол Джангира (с 1825 г.), переписка и различные сведения, составленные Временным советом по управлению Внутренней ордой (Букеевским ханством), в которых встречается немало ценных фактических данных, относящихся к ханскому периоду. В фондах архива почти полностью сохранилось обширное делопроизводство Оренбургской пограничной комиссии, ее различных отделов (столов), осуществлявших контроль и надзор за Букеевским ханством, за деятельностью и политикой его правителей — ханов, а также за внутренней жизнью казахского общества этого региона. В свое время А. Ф. Рязанов, М. П. Вяткин, В. Ф. Шахматов и другие советские исследователи также оперировали этими фондами и использовали их в своих трудах. Но каждый новый исследователь открывает в архивных фондах немало новых материалов, фактов и сведений, подходит к изучению уже известных

документов и материалов с новой точки зрения. Именно этими соображениями руководствовались мы в наших поисках материалов в архивных хранилищах.

Значительную источниковедческую ценность для нашего исследования имели опубликованные до революции книги, статьи, обзоры, путевые заметки, хроники ученых-ориенталистов, путешественников, чиновников, купцов и офицеров, изучавших внутреннюю жизнь Букеевского ханства, или посещавших его по торговым и служебным делам, а также служивших в канцелярии хана. Эти публикации разбросаны в самых различных печатных органах — журналах и газетах, выходивших в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Астрахани, Уфе и Оренбурге.

Дополнительную группу источников составляли документы, опубликованные в материалах по истории Казахской ССР. Таких сборников только два. В четвертом томе «Материалов по истории Казахской ССР», подготовленных в 1940 г. под руководством М. П. Вяткина, имеется около 20 документов, связанных исключительно с земельным вопросом в Букеевском ханстве¹⁵. Несколько разнообразнее документы в сборнике, посвященном казахско-русским отношениям в XVIII—XIX вв.¹⁶ Однако в нем оказалось лишь несколько документов, содержащих отрывочные сведения о Букеевском ханстве.

¹⁵ Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.). Т. 4. М.—Л., 1940, с. 256—296.

¹⁶ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв. (1771—1867 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964.

Глава 1

БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО НА «ВНУТРЕННЕЙ СТОРОНЕ» РОССИИ

**Россия и Младший жуз
в конце XVIII — начале XIX в.**

К началу XIX в. значительная территория северного, северо-западного и центрального Казахстана фактически входила в Российскую империю в виде зависимых, колониально-зависимых владений. В то же время казахи оставались отгороженными от русского общества пограничными кордонами, пикетами, постами, крепостями и военными линиями. До конца первой четверти XIX в. колониальное управление казахской степью осуществлялось через ханов, в большей части утверждаемых царским правительством, и специальными органами, учрежденными колониальными властями. Значение последних в системе управления краем все больше возрастало и стало доминирующим после отмены ханской власти.

Основными центрами колониального управления Казахстаном были Оренбург и Омск. В Оренбурге функционировала Пограничная комиссия (с 1799 г.), а в Омске — Сибирская пограничная комиссия — Пограничное управление (с 1838 г.), осуществлявшие «надзор за правильным и успешным течением дел» в степи. Это были оперативные органы по делам Казахстана при губернаторах, сосредоточивших в своих руках высший надзор и руководство казахскими областями. По мере колониального подчинения края органы правительственного управления и местной администрации («туземное управление») сливались в единую систему государственного управления.

Колониальной политике русского государства, как и любой другой форме колониализма, были присущи

противоречивые тенденции: с одной стороны, колониальная держава стремится все больше усилить свое влияние на внутреннюю жизнь зависимой страны, навязать ей свою волю и интересы, с другой — народы колоний борются за сохранение своей свободы и независимости против колониального гнета, политического и экономического засилия. Именно такая ситуация была характерна для Казахстана первой половины XIX в.

На политику царского правительства в Казахстане, на русско-казахские отношения оказали определяющее влияние внешне- и внутривнутриполитическое положение самодержавия.

Политическая обстановка в стране была сложной и противоречивой: усиление и без того невыносимого крепостного гнета вызвало волну мощного протеста, завершившегося в 1825 г. восстанием декабристов. Реакция, наступившая после поражения восстания, сделала жизнь народа еще более невыносимой. В обществе зрели революционно-демократические силы.

Антинародная политика самодержавия внутри России продолжалась и на окраинах. Военно-феодальная монархическая система, охваченная внутривнутриполитическим кризисом, стремясь выйти из создавшегося положения, начала активную внешнюю политику, направленную на расширение пределов империи к югу.

Младший жуз, самый обширный из трех казахских жузов, занимал территорию около 850 000 кв. верст¹ — от Урала, Тобола до низовьев Сырдарьи. На юге он граничил с Хивинским и Кокандским ханствами и отдельными туркменскими, каракалпакскими владениями, а на севере примыкал к землям Астраханской, Саратовской и Оренбургской губерний, отделенным буферной укрепленной зоной, проходящей по р. Уралу и Илеку. На западе жуза находилось Каспийское море, а на востоке проходили земли Среднего и Старшего жузов. Население Младшего жуза в начале XIX в. по некоторым данным насчитывало более полумиллиона человек, или 100 тыс. кибиток. Оно состояло из трех крупных племенных объединений — байулы, алимулы и жетыру, каждое из

¹ Ханыков Я. В. О населении киргизских степей, занимаемых Внутренней, или Букеевской, ордою. — Журн. Министерства внутренних дел (МВД), ч. 8, 1844, с. 11.

которых, в свою очередь, включало в свой состав несколько родов.

Младший жуз первым среди казахских жузов принял Российское подданство в 30-х гг. XVIII в. Процесс этот был длительным. В течение десятилетий, постепенно, царское правительство усиливало свое влияние в казахском обществе. В начале XIX в. немногим более одной трети территории Младшего жуза входило в состав Российской империи. Значительные пространства в центральной и южной части региона — в бассейне Аральского моря и Сырдарьи, в районе Усть-Урта и Мангышлака — эпизодически попадали под власть Хивинского хана и выступавших в союзе с ним туркменских владельцев. Ряд казахских родов, кочевавших в этих районах, оставался независимым.

Младший жуз, таким образом, представлял наибольший интерес для царского правительства, поскольку здесь продвижение колониальных властей в глубь степи было более успешным и быстрым, а казахские ханы с середины XVIII в. превратились, по сути, в послушное орудие колониальной администрации. Влияние г. Оренбурга как политического, административного центра, расположенного на северной границе Младшего жуза, было более глубоким в этой части Казахстана, чем влияние других пограничных городов в Среднем и Старшем жузах.

Младший жуз занимал важное место в стратегических и экономических планах русского самодержавия на юге империи, в покорении среднеазиатских ханств. Именно поэтому свои многие начинания по колонизации казахских степей правительство опробовало в Младшем жузе.

Младший жуз в конце XVIII — начале XIX в. переживал один из наиболее трудных периодов своей истории. Внутриполитическая обстановка в нем была сложной и противоречивой. Усилилась политико-административная раздробленность региона, сказывались последствия длительной (1783—1797 гг.) народной войны под руководством батыра Срыма, направленной против ханско-султанской власти. Престиж ханской власти упал до такой степени, что царское правительство серьезно думало об ее упразднении. После убийства в 1797 г. повстанцами хана Есима был учрежден ханский совет,

председателем которого и одновременно в фамильном звании хана был определен престарелый султан Айчувак, но власть совета была малоэффективной. Отделившиеся от хана родовые объединения провозглашали своих ханов. Прямое вмешательство колониальных органов во внутреннюю политическую жизнь жуза еще более осложняло обстановку.

Один из известных дореволюционных исследователей истории колониальной политики России в Средней Азии Ф. И. Лобысевич, описывая создавшееся в 70—90-х гг. XVIII в. положение в Младшем жузе, писал: «Беспорядки и насилия в Малой орде с каждым годом все усиливались. В продолжение тридцати лет мы не достигли ни малейшего результата в отношении упрочения нашей власти в киргизских степях, а тратили немало денег на ограждение себя от «заграничных» подданных укрепленными линиями, на подарки и жалованья ханам и его родственникам... Отряды войск посылались в степь для наказания разбойничьих шаек, но удары их сыпались большею частью на невинных и тем только увеличивали беспорядки»².

Неустойчивый экономический потенциал казахского общества, связанный с кочевым экстенсивным скотоводством, был в сильнейшей степени расстроен и истощен в годы народной войны действиями царских и ханских карательных отрядов: Стихийные бедствия — джуты, постигшие Младший жуз в 1795/96, 1800/01 гг., еще больше усилили обнищание трудового населения. Граф Потоцкий в письме к Министру внутренних дел Кочубею в 1806 г. писал, что бедность казахов Младшего жуза «чрезвычайна, и одно зло рождает другое. Юрты или кибитки их, которые должны были бы состоять из хороших и плотных войлоков, покрыты лишь шерстяными тряпками, обратившимися в лоскутья. Сами киргизцы покрыты лохмотьями»³. Крайняя нужда вынуждала казахов продавать своих детей линейным жителям и хивинцам. Как указывает А. И. Левшин, в 1815 г. в районе г. Гурьева в течение только одного месяца было продано около 200 казахских детей. Причем «за маль-

² Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатически-военном отношениях. СПб., 1900, с. 51, 55.

³ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 236—237.

чиков платили по 4 и по 3, а за девочек по 3 и 2 куля ржаной муки»⁴.

Хивинский хан и туркменские владельцы, воспользовавшись внутренними неурядицами, усилили против Младшего жуза свои наступательные операции. Так, в начале 20-х гг. XIX в. хивинский хан с 10 000 войском неожиданно напал на казахские аулы, кочевавшие в долине Сырдарьи. Было убито около 350 казахов, взято в плен 1035 женщин, угнано 4173 верблюда, 7085 лошадей, 1138 голов крупного рогатого скота, 45 645 баранов. Кроме того, насильно в виде зякета было собрано в 100 аулах 17 573 барана, 2364 верблюда⁵. Оренбургский военный губернатор Волконский в 1804 г. писал, что «народ киргиз-кайсацкой Меньшей орды по причине междоусобной баранты не только потерял тишину и спокойствие, но уже стоит на краю гибели»⁶.

До начала XIX в. царизм прежде всего и больше всего заботился об укреплении своих политических позиций в Казахстане. Не подчинив себе край, нельзя было рассчитывать на него как на источник сырья для русской промышленности и тем более нельзя было обеспечить безопасность прохождения торговых караванов и военных отрядов, направлявшихся в Среднеазиатские ханства. Важные караванные пути, соединяющие Оренбург и Орск с Хивой, Бухарой и Ташкентом, а также Астрахань, Саратов с Хивой и Ургенчем, проходили по территории Младшего жуза.

Для осуществления намеченных целей царское правительство избрало путь нарастающего военного давления и союза с крупными местными феодалами во главе с ханом, постепенного превращения их в послушное орудие царской воли. Эти два способа реализации колониальной политики использовались одновременно.

Указом 1756 г. почти все правобережье Урала было объявлено землями Уральского и Оренбургского казачьих войск. В 70—80-х гг. лучшие пастбищные пространства между устьями рек Волги и Урала, протянувшиеся на 350 верст, были пожалованы русским помещикам.

⁴ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 3. СПб., 1832, с. 88—89.

⁵ Мейер Л. Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865, с. 37.

⁶ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 224.

Пограничная линия все более отодвигалась в глубь казахской степи. От возведения на ней военных крепостей, редутов, пикетов и форпостов правительство все больше переходило к созданию более подвижной военной линии, вдоль которой сосредоточивались крупные контингенты войск и откуда совершались вылазки военных отрядов для усмирения «неподатливых» казахских родов и аулов. При постройке Новолипецкой линии (20-е гг. XIX в.) территория между р. Илеком и Уралом, наиболее ценная в экономическом отношении, отошла в распоряжение колониальных властей. Так было и при возведении новой линии между крепостями Орской и Троицкой в 30-х гг.

Военное давление на население Младшего жуза осуществлялось не только и не столько сооружением укрепленных линий и продвижением их в глубь степи, сколько систематическими нападениями специально высылаемых вооруженных отрядов на казахские аулы, чтобы держать последние в страхе и повиновении. В одном из донесений батыра Срыма Екатерине II от 1790 г. сказано, что атаман Уральской крепости Дарыков с многочисленным отрядом «напал на безвинных ваших подданных киргиз-казахов, разгромил 225 кибиток, забрал все их имущество, убил 140 человек, увел 57 пленных и бесчисленное множество лошадей, верблюдов, коров и баранов»⁷. Нередко подобные набеги устраивались офицерами с целью обогащения. Это со временем серьезно стало беспокоить Екатерину II, которая вынуждена была издать в 1784 г. особый Указ о запрещении «своевольства против киргизцев» со стороны казачьего войска и о «жесточайшем наказании яко злейшего преступника, который поведением своим дает причину к нарушению спокойствия подданных»⁸.

Царское правительство делало все, чтобы привлечь на свою сторону хана и наиболее влиятельную султанобийскую группу. Эта политика имела по крайней мере две важные стороны: она ослабляла власть хана и, следовательно, ставила в зависимость от царизма. В свое время Екатерина II, задумавшая установить бесханское управление в крае, предписала оренбургскому генерал-губернатору: «Но буде бы необходимость обстоятельств

⁷ Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4, с. 137.

⁸ Там же, с. 111.

потребовала достоинство хана в орде восстановить, то и в таком случае полезнее держаться прежнего мнения об умножении их числа и чтобы каждый из таковых ханов не был силен в орде и зависел от вас, как и прочие подчиненные вам в губернии и по уездам»⁹. Докладывая императрице об исполнении ее указания и о своей политике в Младшем жузе, Оренбургский генерал-губернатор Игельстром в ходе подавления восстания под предводительством Срыма Датова писал, что он «отложившихся от хана старался сколько возможно не допускать примириться с ним, в чем руководствовало меня Ваше Императорского величества именное повеление от 27 ноября 1785 года... разделение киргиз-кайсацкой меньшей орды, конечно, выгодно для Вашего Императорского величества будет»¹⁰.

Курс, направленный на ослабление власти ханов и превращение их в послушную исполнительную силу, целеустремленно проводившийся царским правительством в течение десятилетия, завершился их упразднением в Среднем жузе в 1822 г., в Младшем жузе — в 1824 г., Букеевское ханство, выделившееся из Младшего жуза как «преданное престолу» продержалось еще 20 лет. После смерти хана Джангира в 1845 г. Управление ордой было передано Временному совету: вначале во главе с одним из родственников Джангир-хана, а затем во главе с русским чиновником, назначенным царским правительством.

Образование Букеевского ханства

В начале XIX в. значительные группы казахского населения Младшего жуза перешли во внутренние пределы Российской империи и образовали между низовьями рек Урала и Волги новую орду¹¹, получившую название Внутренней (по географическому расположению), или Букеевской (по имени первого хана Букея).

Как сообщают источники, вначале на правобережье

⁹ Там же, с. 76.

¹⁰ *Шахматов В. Ф.* Букеевская орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946, с. 8—9.

¹¹ Орда — относительно обособленная часть казахской земли, имеющая свой административно-политический статус; ханство — орда, возглавляемая ханом.

Урала перешло около пяти тысяч семей. В последующие годы население нового региона продолжало расти за счет притока людей из-за Урала. В 1803 г. здесь уже было 7500 кибиток¹². По подсчету чиновника Оренбургской пограничной комиссии Кузнецова, в 1825 г. население ханства насчитывало 10 490 кибиток¹³. По данным канцелярии Астраханского губернатора, в 1845 г. на внутренней стороне находилось уже 52 129 кибиток казахских кочевников¹⁴. Более скромную цифру называет полковник М. Иванин, управлявший ордой после смерти Джангир-хана. По его сообщению, в этот год население ханства составляло более 30 тыс. кибиток¹⁵.

Большинство дореволюционных авторов, описывая отдельные стороны жизни казахов Внутренней орды, связывали ее возникновение с личностью султана Букея. Так, по мнению А. Евреинова, переход казахов на правобережье Урала был связан в первую очередь с тем, что султан Букей «вернее других понял, что совершенное спокойствие можно снискать только под непосредственным покровом русского правительства»¹⁶. Т. Медведский, наоборот, делает акцент на корыстолюбии Букея, его жажде власти и богатства: «Букей, желая получить ханское достоинство, задумал перейти на правую сторону реки Урала», — отмечает он¹⁷. «Букей стремился, как и брат его султан Каратай, к достижению тем или иным путем ханского звания», — указывает известный исследователь А. Добросмыслов¹⁸. Л. Мейер возникновение орды связывает со смутами, происходившими в Малой орде¹⁹. М. И. Иванин еще более определенно говорит о междоусобице казахов как о первопричине образования орды: «Во второй половине прошлого столетия (т. е. XVIII в. — С. 3.) возникли между племенами киргизов междоусобия

¹² ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 66.

¹³ Там же, д. 284, л. 24—25.

¹⁴ Астраханский облархив, ф. 734, оп. 1, д. 11, л. 1.

¹⁵ Иванин М. И. Внутренняя, или Букеевская, киргизская орда. — Эпоха, 1864, № 12, с. 6.

¹⁶ Евреинов А. Внутренняя, или Букеевская, киргиз-казачья орда. — Современник, 1851, № 10, с. 51.

¹⁷ Медведский Т. Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении. — Журн. Министерства государственных имуществ (МГИ), 1862, № 8, с. 285.

¹⁸ Добросмыслов А. Тургайская область. — Известия Оренбургского отдела РГО, вып. 16, 1901, с. 231.

¹⁹ Мейер Л. Указ соч., с. 39.

и взаимные грабежи, почему в начале нынешнего века миролюбивый киргизский хан Букей, один из потомков Абулхаир-хана, спасаясь от демократической партии зауральских киргизов, с значительной частью султанов и оставшимися ему подвластными киргизами перешел в 1801 г. к нам на правую сторону реки Урала»²⁰. Автор старается показать Букея с подвластными ему казахами как нечто единое, в экономическом и социальном отношении целое, противостоящее «демократической партии зауральских киргизов».

В объяснении причин возникновения Внутренней орды нет единодушия среди советских исследователей. Автор специального исследования об истории освободительного движения казахов Младшего жуза А. Рязанов считал, что возникновение Внутренней орды явилось результатом междоусобной борьбы поколений жетыру и байулы. «Часть казахов байулинского поколения, — пишет он, — будучи стеснены семиродцами, откочевали во главе с султаном Букеем на внутреннюю сторону... и образовали здесь Внутреннюю, или Букеевскую, орду»²¹. Однако в последующем факты не подтвердили это положение. Перешедшие на правый берег Урала казахи принадлежали к поколениям байулинцев, семиродцев, хотя на начальном этапе преобладали первые. М. П. Вяткин считал, что возникновение этой орды было связано с жестоким хозяйственным кризисом, выразившимся, в частности, в росте земельной тесноты в результате углубления процесса феодализации²². В то же время М. П. Вяткин считал, что переход части населения Младшего жуза на правобережье Урала и образование особого ханства были логическим итогом того процесса, который берет свое начало в 50-х годах XVIII в.²³, т. е. он связан с борьбой за освоение новых кочевий, длившейся почти половину столетия. Несколько иную точку зрения развивает В. Ф. Шахматов. Образование казахского ханства между Волгой и Уралом он рассматривает в первую очередь как продукт колониальной политики царизма. «Образование Букеевской орды, — пишет он, — тесно связано с общим направлением колониальной политики царизма в Казах-

²⁰ *Иванин М. И.* Указ соч., с. 15.

²¹ *Рязанов А.* Сорок лет борьбы..., с. 178.

²² *Вяткин М. П.* Очерки по истории Казахской ССР, с. 242.

²³ *Вяткин М. П.* Батыр Срым, с. 174.

стане и с тем хозяйственно-политическим кризисом, который охватил Младший жуз в конце XVIII — начале XIX в. вследствие феодализации казахского общества»²⁴.

Мы уже высказывали мнение, что нельзя искать основные причины образования Букеевского ханства в колониальной политике царского правительства, тем более нельзя считать его непосредственным порождением этой политики. Решающим фактором образования Букеевского ханства была та острая социально-политическая ситуация, которая создавалась в Младшем жузе после подавления народного восстания под руководством Срыма²⁵.

Сходной точки зрения придерживался и Е. Б. Бекмаханов. «В действительности колониальная политика царизма, — указывал он, — не являлась главной причиной образования внутренней орды»²⁶. Образование Внутренней орды, по его мнению, «было вызвано глубокими социальными причинами, тесно связанными с напряженной внутренней и внешнеполитической обстановкой Младшего жуза в рассматриваемый период»²⁷. В одной из последних своих работ Е. Б. Бекмаханов уточнил эту мысль, указав, что главным в содержании этой напряженной обстановки было стремление казахских шаруа «избавиться от жестокого ханско-феодального гнета и разорительных набегов среднеазиатских правителей»²⁸.

Разумеется, колониальная политика царского правительства играла значительную роль в общественной и политической жизни казахского народа. Переселение казахов на правый берег Урала не противоречило направлению колониальной политики царизма и поэтому получило известную поддержку у пограничных властей.

Судя по источникам, образование Букеевского ханства происходило следующим образом. Командир Астраханского казачьего полка полковник Попов, «имея доверие хана, батырей» Младшего жуза, в 1799 г. «начал предлагать киргиз-кайсацкому хану, брату хана Букею,

²⁴ Шахматов В. Ф. Указ. соч., с. 8.

²⁵ Зиманов С. З. К вопросу о предпосылках и образовании Внутренней орды. — Вестник АН КазССР, 1956, № 1, с. 46—57.

²⁶ Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России, с. 68.

²⁷ Там же.

²⁸ Бекмаханов Е. Б. Очерки истории Казахстана XIX в. Алма-Ата, 1966, с. 44.

Нуралиеву, чтобы он с его подведомственными перешел на свою сторону Урала для кочевания», т. е. в зону двуречья между Волгой и Уралом, которая к этому периоду не была занята и считалась казенной территорией. Полковнику Попову, действовавшему с согласия Астраханского военного губернатора Кнорринга, без особого труда удалось склонить султана Букея²⁹. Султан Букей, в свою очередь, стремился к власти и, не рассчитывая получить ее в Младшем жузе, решил воспользоваться представившимся случаем и с помощью правительства обосновать на правом берегу Урала свое отдельное ханство. Как трезвый и расчетливый деятель он понимал, что его шаг найдет поддержку и среди части казахского населения, ищущего выход из создавшегося критического положения в Младшем жузе. Один из современников событий указывал, что султан Букей решился перейти на внутреннюю сторону «вследствие разных дружеских советов и внушений» со стороны царских чиновников³⁰. Об этом факте писал позже и султан Шигай — брат Букея, один из непосредственных участников этих переговоров. «Покойный брат мой хан Букей Нуралиев прошлого, 1801 года... приглашен был Астраханским военным губернатором Кноррингом через присылаемого астраханского кордона начальника бывшего генерала Попова перейти на внутреннюю сторону реки Урала во всегдашнее подданство России... Хан Букей перешел со мною и другими султанами — братьями нашими и с подвластными киргизцами с десятью тысячами кибиток, со всем скотом и имуществом»³¹.

Султан Букей написал письмо на имя Астраханского военного губернатора с изъявлением желания «быть с подвластным ему народом во подданстве Государя Императора Всероссийского и о позволении ему и народу киргизскому кочевать навсегда между Уралом и Волгою»³². Письмо свое султан Букей закончил просьбой

²⁹ Об ориентации султана Букея говорит его письмо военному министру Вязмитинову от 22 февраля 1806 г. Он писал: «Будучи столь усердно расположен к России, что посвятил себя по смерти свою быть в послушании его И. В. и высочайшим его узаконениям» (Материалы по истории Казахской ССР, т. 4. М.—Л., 1940, с. 267).

³⁰ Небольсин П. И. Очерки волжского низовья. — Журн. МВД, т. 39, 1852, с. 225.

³¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 8, л. 5.

³² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. 24. Спб., 1830, с. 571, 572.

определить при нем казачью сотню из состава Астраханского полка и пограничное управление новой Казахской ордой поручить полковнику Попову. Военный губернатор Кнорринг письмо и представление направил на рассмотрение царю. 11 марта 1801 г. царь Павел I издал указ: «Председательствующего в Ханском совете киргиз-кайсацкой Малой орды Букея султана сына Нуралы-ханов принимаю к Себе охотно, позволяю кочевать там, где пожелают, и в знак моего благоволения назначаю Я ему медаль Золотую с Моим портретом, которую носить на шее на черной ленте; Астраханского же казачьего войска командиру Попову пожаловал Я чин генерал-майора, в награждение за усердное его и успешное поведение в усмирении киргиз-кайсацких народов; ваше же представление по поводу сего во всей силе утверждаю»³³.

В указе Павла I явно просматривается заинтересованность правительства в переходе части казахского населения на правобережье Урала под предводительством хана Букея. Как недвусмысленно явствует из документа, царь связывал это «с усмирением киргиз-кайсацких народов» и считал серьезным успехом его колониальной политики в крае.

В дореволюционной и советской литературе, как указывалось нами ранее, получил распространение взгляд, по которому образование Букеевского ханства рассматривалось как продолжение и определенный итог сезонного кочевания казахских аулов на внутренней стороне, имевшего место еще в середине XVIII в. Сторонники этого взгляда считали, что интересы сугубо хозяйственного освоения новой территории — этот традиционный мотив — был главным при переходе казахского населения на правый берег Урала.

Территорию между низовьями рек Волги и Урала, где впоследствии образовалось Букеевское ханство, почти до конца XVIII в. временами, по сезонам занимали кундровские, астраханские татары и калмыки, ведущие кочевое хозяйство. В источниках того времени этот регион (районы Нарынкума и Прикаспия) именуется Астраханской степью. Здесь не было постоянных поселений кочевнико-скотоводов. Отдельные казачьи и крестьянские поселения и промыслы по добыче рыбы располагались вдоль р. Ура-

³³ Там же, с. 572.

ла и по берегам моря. По официальному исчислению, в Астраханской губернии, преимущественно на левом берегу Волги, было более 32 млн. десятин пустопорожней земли ³⁴.

Судя по архивным источникам, байские аулы, зимовавшие недалеко от р. Урала, спасая многочисленный скот в суровую зиму 1748/49 г. с разрешения оренбургского губернатора Неплюева, впервые перешли на правый берег р. Урала. В 1755 г. хан Нуралы добился от губернатора права зимовать со скотом на внутренней стороне ³⁵. В 1758 г. в г. Оренбурге на приеме у генерал-майора Тевкелева и советника Рычкова Нуралы-хан представил только своих братьев и просил «о допущении с их кайсацким народом к Яику реке в зиму кочевать, скот на внутренней стороне содержать» ³⁶. Годом раньше оренбургское начальство по просьбе Нуралы-хана распорядилось, чтобы на правый берег «в случае суровой зимы пропускались только табуны ханской фамилии» ³⁷. Во всех этих случаях вопрос о переселении казахов на постоянное местожительство не ставился, речь шла о временном пастбищном содержании скота крупных феодалов, в особенности в зимний период. Главным образом этого и добивались Нуралы-хан, его родственники и влиятельные султаны в интересах своих хозяйств. Трудовая часть крестьянства переходила постольку, поскольку была связана с султанскими хозяйствами. Источники сообщают, что перегонялись на зиму в основном табуны лошадей, принадлежащие хану и его братьям. Из неоднократных обращений Нуралы-хана к пограничным властям видно, что он преследовал узко личные интересы.

Оренбургская пограничная администрация, проводившая в жизнь колониальные устремления царизма в Казахстане, вела двойственную политику. С одной стороны, она всецело стояла на стороне хозяйственных интересов жителей военных казачьих поселений, уже возникших во внутренней стороне, с другой — нуждалась в услугах влиятельной части казахской знати. Только совместные усилия царских колонизаторов и казахских феодалов могли на деле обеспечить реальное осуществление поли-

³⁴ ПСЗ, т. 24. Спб., 1830, с. 291 (№ 22135).

³⁵ ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, д. 21, л. 62.

³⁶ Там же, д. 6, л. 3.

³⁷ Там же, д. 21, л. 6—8.

тики правительства. В силу этих причин пограничные власти вынуждены были порой пропускать скот казахской знати в районы двуречья.

С конца XVIII в. характер, масштаб и мотивы перехода казахов на правый берег Урала, на внутреннюю сторону, изменились. Процесс стал трудно регулируемым, во многом стихийным и массовым. Изнуренные невзгодами люди, несмотря на препятствия, осваивали новый район. Так постепенно встал вопрос о постоянном заселении этого района. Это движение народных масс было столь значительно, что царское правительство не могло уже не считаться с ним, не рискуя потерять влияние в казахской степи.

После кровавого подавления народного восстания, руководимого батыром Срымом, переселение части населения Младшего жуза на внутреннюю сторону стало необходимостью и явилось своеобразным продолжением этой борьбы, но в других условиях и на другом уровне.

Вооруженное массовое выступление против ханской власти, с особенной силой проявившееся в последней четверти XVIII в., пошло на убыль. Ханы, султаны и их окружение, против которых было направлено народное восстание, учинили жестокий террор. Гонения и преследования участников восстания и родовых коллективов, сочувствовавших ему, приняли широкие масштабы. Как всегда в таких случаях, ханские люди и колонизаторы старались столкнуть казахские роды и отделения между собой. Спокойствие и привычный хозяйственный ритм кочевника были нарушены. Разруха хозяйства и страдания трудовых масс были так велики, что вопрос выжить, пережить трудный период стал для них самым главным.

Правительство в новых условиях сочло необходимым пойти «навстречу» желаниям казахского населения. Этим оно рассчитывало войти в доверие к народу, что было важно для успешного проведения колониальной политики. Уступая территорию, правительство намеревалось также в той или иной степени разрядить напряженность социальной борьбы в Младшем жузе, принимавшую антиколониальный характер.

Царское правительство своевременно позаботилось о том, чтобы переселение прошло организованно, во главе с вожаком, который был бы надежным исполнителем во-

ли пограничных властей. Такой личностью оказался султан Букей, председательствовавший в то время на ханском совете. По характеристике начальника Оренбургского края он был предан «престолу высокомонаршему»³⁸.

Первые и многие из последующих переселенцев в основной своей массе имели очень мало скота, вместо кибиток — тентовые лачуги (курке), т. е. представляли собой бедные и беднейшие семьи. «В эпоху перехода поколения, составлявшие Внутреннюю орду, были беднейшими из кайсаков», — писал один из очевидцев³⁹. В донесении асессора Кузнецова на имя губернатора Эссена от 1825 г. говорится, что «приход их (казахов Букеевского ханства. — С. З.) из-за Урала, по разведанным моим от достоверных и знающих людей сведениям, был настолько беден, что весьма немногие из ордынцев пригнали не более 100 баранов»⁴⁰. В 1809 г. было взято на учет 946 кибиток, перешедших из-за Урала в район Нарынкума. При этом у них было всего 434 верблюда, 1567 лошадей, 1124 головы рогатого скота и 15 273 барана⁴¹, т. е. на каждую кибитку приходилось в среднем менее двух лошадей, одна-две коровы и по 16 голов баранов. Такое хозяйственное положение было результатом крайнего обнищания. Если иметь в виду, что скот распределялся между одноаульцами крайне неравномерно и что среди бедных были «богатые из бедных аулов», то можно реально себе представить картину, при которой многие среди указанных семей были безлошадными, бесскотными или почти бесскотными. Сенатор Энгель после обстоятельного ознакомления на месте с внутренней жизнью Букеевского ханства в 1828 г. в своей записке отмечал, что казахи при переходе на земли между Волгой и Уралом находились в «совершенной нищете»⁴².

Неправомерно утверждение некоторых дореволюционных авторов, что переселенцы во внутреннюю сторону России составляли проханскую группу, противостоящую «демократической партии» зауральских киргизов. «При-

³⁸ Ханыков Я. В. Очерк состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г. — Записки РГО, 1847, кн. 2, с. 45.

³⁹ Сведения о Внутренней Киргизской орде. — Журн. МГИ, ч. 1, 184, с. 26.

⁴⁰ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 291.

⁴¹ Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, д. 513, л. 15—19.

⁴² Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 292.

чиной отделения этой части (т. е. образования Внутренней орды. — С. З.), — указывает один из них, — были возникшие в конце прошлого столетия в Малой киргизской орде смуты, распри и междоусобия, вследствие чего приверженные к ханам и преданные к русскому правительству киргизы подвергались нападениям и грабежам мятежников»⁴³. Надо заметить, что такое мнение даже среди царских чиновников, непосредственно наблюдавших переход казахских аулов в район междуречья, встречается очень редко. Попытка представить переселенцев как «приверженцев ханов и преданных русскому правительству» в основе своей имела стремление выдать желаемое за действительное и представить в розовом свете политику русского государства на восточных окраинах.

Факты говорят о другом. Откочевщики в основном были непосредственными участниками движения Срыма. Род байбакты, бывший ядром народного восстания в Младшем жузе, возглавил переселенческое движение и составил одну из самых многочисленных групп. На внутреннюю сторону к 1814 г. из рода байбакты перешла 641 кибитка⁴⁴, а к середине XIX в. они составили около 3 тыс. семей⁴⁵. Сам батыр Срым, завоевавший большое уважение народа и признанный им организатор и руководитель борьбы с ханской властью, и многие его ближайшие сподвижники были активными агитаторами за переход населения в пределы России. Как писали современники событий, султан Букей в первую очередь заручился поддержкой батыра Срыма и «вместе с ним стал склонять народ к согласию на перекочевку»⁴⁶.

Царское правительство неоднократно указывало, что переходящие на правый берег Урала казахские аулы были из бедных. В предписании царя Александра I, данном сенату 23 мая 1808 г., указывалось, что «из донесений оренбургского военного губернатора и других дошедших к нам сведений, мы усмотрели, что киргизцы из подданных наших поблизости к оренбургской линии и по всей границе от Каспийского моря до Сибири кочующие, пришли по разным случаям в столь бедственное состояние,

⁴³ Троицкий Н. Взгляд на Внутреннюю киргизскую орду. — Отечественные записки, 1848, т. 8, № 6, с. 98.

⁴⁴ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 15, л. 4.

⁴⁵ Иванов М. И. Указ. соч., с. 11.

⁴⁶ Евреинов А. Указ. соч., с. 52.

что, не находя средств к пропитанию, многие из них покушаются даже на продажу детей своих в рабство хивинцам, по торговле туда приезжающим»⁴⁷. На это указывал царь в повелении, данном в том же году оренбургскому военному губернатору Волконскому⁴⁸.

Среди причин, повлиявших на массовый переход казахского населения на правобережье Урала, указываются и взаимная борьба, беспокойствие, которые царили в конце XVIII и начале XIX в. в Младшем жузе. Так, Л. Мейер, положительно отзываясь о личности султана Букея, в то же время возникновение орды связывает со смутами, происходившими в Малой орде⁴⁹. Более ясно говорит о междоусобице казахов как о первопричине образования орды М. Иванин⁵⁰.

А. Евреинов, хорошо знавший жизнь орды, по его словам, достоверно узнал от султана Чуки Нуралиханова, являвшегося приближенным лицом и переводчиком султана Букея в момент его перехода во внутреннюю сторону, что, «убедив советами и доводами султана Шигая и Срыма-батыра, — сильных влиянием на киргизов, — Букей вместе с ними стал склонять народ к согласию на перекочку»⁵¹. Этот наблюдательный, добросовестный в передаче сведений исследователь считал, что влияние батыра Срыма имело решающее значение в переходе части населения Младшего жуза на правобережье Урала. Говоря о снятии с обжитых, привычных мест тысячи семей, он писал: «Такое событие для человека, знающего родовую привязанность киргиза к раздолью и безграничной степи, где он всегда имел возможность уйти за сотни верст от постылого места, кажется с первого взгляда странным. Как бы ни была смутна, тревожна жизнь киргизов за Уралом, для них еще открывалось обширное пространство, на котором могли они беззаботно кочевать, что и сделали многие, тогда как здесь, ясно видели они, приходилось отказаться от дикой свободы. Понять истинную пользу дела ордынцы не могли, а между тем добровольно оставляли свои родные степи и родственников, которые не пожелали участвовать в переходе. Это объясняется

⁴⁷ ПСЗ, т. 30, с. 275 (№ 23038).

⁴⁸ Там же, с. 276 (№ 23039).

⁴⁹ Мейер Л. Указ. соч., с. 24.

⁵⁰ Иванин М. И. Указ. соч., с. 15.

⁵¹ Евреинов А. Указ. соч., с. 52.

только влиянием на народ немногих чтимых им лиц»⁵². По его мнению, одного влияния султана Букя для перехода было мало. «Потребовались резкий пример, сильная воля. То и другое представлял в себе Срым-батыр — лицо замечательное в событиях Малой орды второй половины XVIII столетия. Одаренный от природы непомерными физическими силами, обширным умом, сильной волею, отважный, предприимчивый, хитрый и честолюбивый, он был, так сказать, народным кумиром. Ордынцы видели в нем свою славу, потому что самим простым своим происхождением Срым принадлежал им»⁵³. Он, «одобряя мысль султана Букя... стал содействовать ему в склонении киргизов к перекочевке. Его желание и речи имели сильнейший успех»⁵⁴.

В переходе казахов во внутренние пределы Империи важную роль играл земельный вопрос. Скотоводы надеялись получить пастбища, поправить свое хозяйство. Однако не это было главным поводом к перекочевке массы казахских аулов. Правобережье Урала было хорошо известно казахам, и иллюзий они себе не строили. Известно, что земельные отношения во Внутренней орде оставались не менее сложными, чем в Младшем жузе. По почвенным, климатическим и иным естественно-географическим условиям территория Внутренней орды была не лучше, если не хуже территории, занимаемой переселенцами до откочевки. При всем своем определяющем значении в жизненном цикле скотовода вопрос о пастбище в конкретных условиях переселения не выдвигался на первый план.

Территориальные пределы Букеевского ханства были определены правительственным Положением о назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской, утвержденным царем 19 мая 1806 г. В нем было сказано, что казахам «под предводительством султана Букя дозволяется кочевать, начиная от реки Узенья до горы Богды..., а от сей горы через Чапага на Ватагу Дудацкую или Телепневу до моря»⁵⁵. Им разрешалось иметь зимовку при море, пользоваться в этих целях и другими местами, заросши-

⁵² Там же, с. 52—53.

⁵³ Там же, с. 53.

⁵⁴ Там же, с. 54.

⁵⁵ ПСЗ, т. 29, с. 289 (№ 22135).

ми камышом, «какие свободными и в казенном ведомстве состоящими найдены будут». В Положении также указывалось, что отведенную для казахов территорию, «однако, не отдавать им в удел, доколе они на сей стороне Урала во всегдашнем требовании не остепенятся»⁵⁶. Из общей площади ханства, исчисляемой около 6 500 тыс. десятин, считалось лугов 100, камыша — 12, пригодных для пастбища земель — 5 200 тыс. десятин, «в числе которых много солонцов, мелких соленых озер и соляных грязей, бесплодной степи — 192 тыс., песку — 420 тыс. десятин»⁵⁷.

Вдоль северной и северо-восточной границ ханства протекали две реки — Большой и Малый Узень, бережья которых изобиловали сенокосными угодьями и служили укрытием для скота зимой. Такую же хозяйственную ценность имели районы Камыш-Самарских озер. Эти участки длительное время были объектами споров между казахами и казачьими поселениями и в конце концов отошли к последним. Районы, прилегающие к Каспийскому морю, чередующиеся с камышовыми зарослями, служили естественным укрытием для скота во время зимней стужи и буранов. В низинах рек Паники и Торгунь находились небольшие луга. В центральной части ханства простирался огромный песчаный массив, называемый Нарынкум (Нарын-пески). Чиновник Оренбургской пограничной комиссии Кузнецов, несколько раз лично осмотревший землю Букеевского ханства, описывает ее следующим образом: «Степь сия или вообще песчана, где произрастает редкий и низкий подножный корм и в засушливые годы без дождей в иных местах по жаркому климату выгорающий до основания, или наполнена великими пространствами солонцевато-глинистой земли, неудобной ни к чему, на коей произрастает одна только низкая и редкая полынь, по нужде употребляемая в пищу для скота зимою, когда от морозов не столько делается горькою»⁵⁸. М. Иванин, живший в течение ряда лет во Внутренней орде, отмечал, что территория орды годна «только при кочевой жизни, и она может доставлять населению средства к их существованию только при уме-

⁵⁶ ПСЗ, т. 29, с. 289 (№ 22135).

⁵⁷ Евреинов А. Указ. соч., с. 58.

⁵⁸ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 289.

ренности их в пище и ограниченности их нужд и потребностей»⁵⁹.

Образование нового ханства не сразу было признано правительством, хотя султан Букей с момента перехода на правобережье Урала именовал себя ханом. Правда, астраханский военный губернатор Кнорринг в своем представлении царю в начале 1801 г. называл султана Букея ханом Киргиз-кайсацкой орды⁶⁰. До официального провозглашения ханства (1812 г.) в официальных документах он проходил как «султан Букей с подвластными» или «султан Букей с народом».

Царским указом от 17 июля 1808 г. было установлено двойное подчинение Букеевского ханства — Астраханскому военному губернатору и Оренбургской пограничной комиссии, специальному органу по Управлению казахами Младшего жуза⁶¹.

Букеевское ханство: его место в политике русского государства и в истории Казахстана

Букеевское ханство территориально располагалось в пределах метрополии России, на землях, называющихся прежде Астраханской степью. Оно имело общую границу с помещичьими, казачьими и крестьянскими поселениями Астраханской, Саратовской и Оренбургской губерний. По своей территории, населению и управлению ханство было небольшим политическим образованием. Близость русских поселений, тесные контакты казахов с его жителями оказали значительное влияние на развитие Букеевского ханства. Оно развивалось более ускоренно, чем Зауральская степь.

Царское правительство, принимая «к себе охотно султана Букея с подвластными», первоначально надеялось этой мерой, с одной стороны, укрепить подорванные в результате участия в подавлении народного восстания позиции, а также предотвратить возможное отчуждение части населения от «верных» ему степных наместников, с другой стороны, проводя политику усиления прямого управления казахским обществом путем ослабления и

⁵⁹ *Иванов М. И. Указ. соч., с. 7.*

⁶⁰ ПСЗ, т. 26, с. 571 (№ 19773).

⁶¹ ПСЗ, т. 30, с. 435—437 (№ 23164).

последующего упразднения власти ханов в Младшем жузе, оно рассчитывало раздробить власть, умножить число отдельных владений, что позволяло укрепить влияние здесь русского государства. Правительство хотело также разрядить политическую обстановку в казахском обществе, обострившуюся в результате восстания, длившегося 14 лет.

Идея использования Букеевского ханства в качестве «показательного» владения, служащего для других казахских земель образцом того, что может дать политика русского государства кочевому народу, возникла в ходе расширения притока сюда населения из-за Урала. В основе этого замысла лежали сугубо практические интересы: усиление и углубление влияния колониальной политики царизма в казахском обществе.

Правительство рассчитывало, что казахская знать и степное население, видя «тишину и спокойствие», рост обмена и торговли, скотоводческого хозяйства и «справедливое» под надзором правительства управление, все больше будет тяготеть к царскому правительству, активнее принимать его сторону. Руководствуясь этими соображениями, царское правительство установило самый тесный контакт с ханом Букеевской орды, проводило покровительственную политику по отношению к ханству.

Правительство рассчитывало образовать также из среды казахских султанов, биев и старшин, преданных его политике, группу, которая проводила бы политику царской администрации среди казахского населения Оренбургского ведомства. Эту задачу намного легче было решить в условиях Букеевского ханства, поставленного под непосредственный надзор оренбургской колониальной администрации.

Султан Букей в свою очередь стремился укрепить собственные позиции не только на правобережье Урала, но постепенно распространить влияние и на казахов Младшего жуза, кочующих в Зауралье. Эти притязания в какое-то время были реальными. Росло число кочевых коллективов, оставляющих или желавших оставить своих ханов в Младшем жузе и перейти во внутреннюю сторону. Султан Букей рассчитывал на поддержку этой части населения. Еще одно обстоятельство укрепило его позиции. После убийства в 1812 г. хана Младшего жуза Джанторе одна из двух группировок родов избрала сво-

им ханом султана Букея, кочевавшего на другой стороне Урала. В связи с этим перед оренбургской администрацией встал трудный вопрос: насколько эффективна будет его власть на обеих сторонах Урала — во Внутренней орде и в Младшем жузе. В указе 1812 г. об официальном признании султана Букея ханом Внутренней орды оговаривалось, что его власть распространяется и на роды Младшего жуза. В конце концов, однако, было решено, что целесообразнее султана Букея оставить ханом Внутренней орды.

Расположение Букеевского ханства в непосредственной близости и под контролем пограничных органов тем более было важно для царского правительства, что его влияние на казахское общество в целом, в Младшем жузе в частности, оставалось в то время номинальным. Характеризуя уровень развития казахско-русских отношений этого периода, В. Я. Басин справедливо считает, что «для XVIII и начала XIX в. употребление термина «подданство» по отношению к казахам представляется неправомерным. Здесь речь идет о российском протекторате. Говорить о российском подданстве правомерно лишь со времени распространения на казахов общероссийских законов, то есть — не ранее середины 50-х гг. XIX в.»⁶².

Экономические интересы в качестве первоочередной задачи на начальном этапе образования и сложения Букеевского ханства царским правительством не выдвигались, хотя всегда имелись в виду. Астраханский военный губернатор Завалишин запросил в 1803 г., в разгар переселенческого движения, мнение командира астраханского казачьего полка Попова, который был одним из инициаторов «приглашения» султана Букея, о том, «какой пользы... на предбудущее время для России от них (т. е. переселяющихся казахов. — С. З.) ожидать можно?»⁶³. На это генерал-майор Попов ответил: «Польза, ожидаемая от них, та, что, когда они с таким великим числом скота останутся, какой при них был прежде, то оный будет в России и не будут пользоваться им хивинцы и бухарцы, как до сего делалось; народ же сей, когда обрусееет, то останется на таком точно основании, как и

⁶² Басин В. Я. Указ. соч., с. 258.

⁶³ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 256.

другой в астраханской губернии азиатский народ, кочевые калмыки и трухманские татары»⁶⁴.

Начиная с 20-х гг. Букеевское ханство становится значительным поставщиком скота и продукции из него для метрополии. Сенатор Энгель, обследовавший ханство в 1828 г. по заданию Министерства иностранных дел, сделал заключение, что «торговля сия весьма важна и достойна особенного внимания и поощрения»⁶⁵. Ежегодно из ханства вывозилось в Россию по крайней мере 300 000 голов баранов, стоимость которых составляла не менее 1 800 000 руб. и продукции скотоводства более чем на 200 000 руб. Важной мерой поддержания скотоводческого хозяйства казахов и его дальнейшего развития Энгель считал расширение пастбищных угодий казахов за счет возвращения захваченных уральским войском земель и наделения их новыми участками.

В отчете Оренбургской пограничной комиссии за 1839 и 1840 гг. о положении в Казахской степи, направленном в Азиатский департамент МИД, есть специальный раздел, названный «Польза от киргизов». В нем говорилось: «Хотя государственная казна не получает от народа этого значительного, прямого денежного дохода, но киргизцы, продавая и променивая произведения скотоводства своего, приводят в оборот важный капитал и потребляют значительное количество произведений фабрик и внутреннего сельского хозяйства, водят караваны и тем способствуют торговле России со Средней Азией, которая без посредства их едва ли была бы возможна»⁶⁶.

В политике России, проводимой в Букеевском ханстве, имелись как удаchi, так и промахи. Правительство настолько приблизило к себе ханскую власть, что вопрос об удержании ее в «постоянном послушании», как таковой, был снят. Как султан Букей и его брат Шигаи, так и Джангир — сын Букея, поочередно занимавшие должности хана, оставались усердными и надежными проводниками царской власти. Хозяйственная жизнь в ханстве стабилизировалась: были осуществлены распределение и перераспределение пастбищных и сенокосных угодий между родовыми подразделениями и крупными аулами,

⁶⁴ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 257.

⁶⁵ Там же, с. 293.

⁶⁶ ЦГА, КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 337, л. 55.

пресекался самовольный захват пустующих земель, удалось привязать хозяйственные коллективы к определенным местностям и кочевым путям, была ограничена барымта (угон скота за неуплату куна). Внутренняя торговля и торговые связи с русскими губерниями приобрели устойчивый характер, были изжиты ограбления иноземных торговцев и торговых караванов. Усилия правительства и его пограничных органов, осуществлявших руководство ханством, были в целом успешными. На основе традиционной организации была создана более действенная, с точки зрения правительственных органов, система власти и управления в ханстве.

К неудачам правительственных мер, осуществленных в союзе и совместно с ханской властью, можно отнести курс на централизацию власти и управления в орде в руках хана и его ближайших сановников; ориентацию хана на колониальную власть и ослабление его традиционных связей с кочевыми коллективами и их предводителями; навязывание населению воли пограничных органов и ханской власти; стремление ханской власти перестроить земельные отношения, с тем чтобы поставить трудовые кочевые и аульные коллективы в полную или, по крайней мере, в значительную зависимость от хана, ханской фамилии и его приближенных.

Царское правительство, увлеченное мерами «приобщения» ханства, не предвидело последствий, к которым могли привести и привели эти меры. Добиваясь усиления и эффективности действия ханской власти, правительство само стало причиной потери ее авторитета в народе и ослабления. Царизм хотел превратить Букеевское ханство в «благодатное общество», выращенное под своей эгидой. Вместо этого он получил бунтующее общество, обнажающее и разоблачающее антинародную сущность этой политики. Крестьянское восстание под руководством Исатая и Махамбета в 1836—1838 гг., направленное против хана, султанов и бийской знати, а также против колониальной политики царизма, серьезно пошатнуло устои режима в ханстве и заодно во многом опрокинуло планы правительства в этом регионе.

Букеевское ханство занимает особое место в истории Казахстана. Сам факт перехода значительной группы кочевников-скотоводов в пределы России и образование там нового казахского ханства с 200-тысячным населением представляет исключительное явление.

Если рассматривать это событие на фоне той политической обстановки, которая сложилась в Казахстане в конце XVIII — начале XIX в., когда то и дело вспыхивали местно-монархические и сепаратистские движения и было значительным противодействие колониальной политике царизма в крае, когда отсталое и подавленное казахское трудовое население было опутано идеологией институтов патриархально-феодальной системы, то значение образования Букеевского ханства на внутренней стороне России можно расценивать как новый этап в многовековой истории казахско-русских отношений.

Переход части населения Младшего жуза на правобережье Урала и образование там нового ханства были сопряжены со многими трудностями. Наибольшей из них было сопротивление монархических групп с антирусским настроением, пытавшихся сорвать этот процесс. Они неоднократно покушались на жизнь султана Букея и его приближенных, убивали их представителей, проводили агитацию с целью организовать обратную откочевку переселенцев. О них султан Букей писал инспектору Астраханского кордона Завалишину в письме от 15 декабря 1803 г.: «Они намерены посягнуть даже на жизнь мою за противность, что я с моими благомыслящими подвластными предался в подданство Его Императорского Величества и от зависти, что весь народ киргизский более имеет ко мне склонности, нежели к прочим султанам»⁶⁷.

Русское государство обладало огромными потенциальными возможностями влияния на казахское общество в политической и военной, экономической и культурной областях. Это влияние усиливалось из года в год и все больше определяло развитие края. Политическое влияние, связанное с проведением колониальной политики и направленное на уничтожение казахской национальной государственности и на превращение края в обычную колониальную территорию с вытекающими отсюда последствиями, имело негативное значение. Наоборот, экономические связи и идейное общение русского, имевшего богатые демократические и революционные традиции, и казахского народов и связанное с ними хозяйст-

⁶⁷ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 261.

венное, культурное и идейно-политическое влияние на казахское общество имели не только общецивилизаторское значение.

Значение Букеевского ханства в истории Казахстана заключается в том, что оно явилось той частью Казахстана, которая наиболее наглядно отражала плодотворность и перспективность углубления русско-казахских отношений. Здесь воздействие и влияние России и русского общества на все пласты и области внутренней жизни казахского общества были наиболее активными и повсеместными. Позитивные изменения в хозяйстве, мироощущении, идейной жизни, культуре и нравах населения со временем стали реальными явлениями и факторами общественной жизни.

Глава 2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ БУКЕЕВСКОГО ХАНСТВА И ВЛИЯНИЕ НА НЕЕ РОССИИ

Экономические связи России и ханства

Экономические связи между Россией и ханством складывались и развивались и в рамках официальной политики, и вне их, нередко в противовес этой политике.

Политика правительства часто не совпадала с развитием экономических связей двух обществ, а потому служила препятствием на этом пути. Не всегда результаты этой политики соответствовали тем планам и намерениям, которые закладывались в нее по линии государства. На этой основе возникали противоречия между официальной экономической политикой царизма и порожденными ею последствиями. По мере укрепления и расширения хозяйственных и экономических связей между русским и казахским населением возникали стихийные явления, выходящие из-под управления, но влияющие на официальную экономическую политику.

Говоря о внешней экономической политике царского правительства вообще, в Казахстане в частности, мы должны иметь в виду, что в основных своих чертах она отражала конкретный хозяйственный строй самодержавия, его противоречия и реальные интересы тех классов, которые занимали доминирующее положение в структуре этого строя и находили полную поддержку со стороны правительства.

В недрах феодально-крепостнического строя русского государства интенсивно развивались буржуазные отношения. С 1800 по 1860 г. число предприятий в стране возросло в 7 раз и составляло 15 тыс., а количество рабочих, занятых в них, за это время увеличилось в 4 раза

(около 800 тыс. чел.). Более $\frac{1}{3}$ из них были наемными рабочими¹. «Всякая страна,— указывает В. И. Ленин,— с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги»². Эта характеристика приложима и к колониальной политике самодержавной России.

В инструкции, данной Министром коммерции Н. П. Румянцевым поручику П. Я. Гавердовскому, который в 1802 г. отправлялся в Бухару, говорилось, что при прохождении через кочевья казахов Младшего жуза необходимо сделать наблюдения «...положения мест, свойства в народах киргизских и касательно средств к обеспечению нашего торгова... при выезде Вашем из Орска примечания достойны при вершинах реки Ори и Эмбы горы Мугоджарские, где, по многим удостоверениям, скрыты богатые руды»³. По прибытии в Бухару ему предписывалось добиться от хана охранительных листов для российского купечества «когда оно или лично или особенно, или целым караваном вознамерится предпринять путь в Кабул, Кашемир, Кандагар, Тибет и в прочие прилежащие индейские или персидские владения»⁴. Определяя перспективу развития внешних экономических связей на юге, министр коммерции указывал, что «Бухара сама по себе не заслуживала бы дальнего внимания, если, как уже сказано, не была она пунктом соединения путей, к китайскому, персидскому и индейскому торгу ведущих»⁵. Командующий войсками Сибирской линии Г. И. Глазенап, как это видно из его письма министру иностранных дел Н. П. Румянцеву от 30 сентября 1811 г., неоднократно получал от последнего повеление «о распространении торговли в Сибирском краю»⁶ путем вовлечения в нее наряду с казахской степью и Кокандского ханства.

¹ Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. М., 1974, с. 10.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 379.

³ Внешняя политика России XIX—начала XX в. Серия 1, т. 1. М., 1960, с. 333.

⁴ Там же, с. 335.

⁵ Там же, с. 336.

⁶ Там же, серия 1, т. 6. М., 1962, с. 185.

Экономическая отсталость, патриархальный быт и непросвещенность колонизируемых восточных окраин не только не служили препятствием успешному осуществлению колониальной политики, но являлись благоприятными условиями для проведения экономической политики царского правительства. В. И. Ленин указывал на полуфеодалную эксплуатацию «инородцев»⁷ как на одну из черт колониальной политики царизма.

Экономический потенциал Букеевского ханства почти исключительно составляло скотоводство и его продукты. Считалось, что начиная со второй четверти XIX в. поголовье скота в нем стабильно держалось на уровне двух миллионов голов. Ханство ежегодно обменивало на продовольственные и промышленные товары до 400 тыс. голов разного скота и другой скотоводческой продукции, включая шкуры и шерсть. Причем все это шло в Россию.

В соответствии с климатическими, природными и хозяйственными условиями разведению мелкого скота (баранов) и лошадей уделялось в ханстве большое внимание. Масштабы этого хозяйства видны из следующих данных *:

Год	Верблюды	Лошади	Крупный рогатый скот	Мелкий скот	Всего голов
1803	—	—	—	—	Более 2 млн.
1814	63 338	350 562	135 856	1 476 948	2 026 704
1825	51 850	491 100	105 100	1 924 000	2 572 050
1830	45 000	250 000	150 000	1 500 000	1 945 000
1839	91 000	300 000	180 000	1 500 000	2 071 000

* ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 284, л. 24—25; *Ханыков Я.* Очерки состояния Внутренней киргизской орды..., с. 55—56.

Скотоводческое хозяйство, занимавшее монопольное положение в экономической структуре общества, носило экстенсивный характер и покоилось на кочевой и полукочевой системе, определявшей быт населения. Земледелие не имело существенного значения в системе общественной экономики. Уровень развития производительных сил, в частности орудий и средств производства, оставался низким. Ремесленное производство было примитивным и

⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 318.

не имело самостоятельного значения. Оно не развивалось дальше домашних потребностей и базировалось на несовершенных орудиях производства.

Расширение торговли было главной целью в экономической политике царского правительства. Уже в царском Указе 1806 г., определившем территориальные пределы ханства, содержалось указание об учреждении постоянного торгового пункта и ярмарки в районе среднего течения реки Актюбе и в других местах внутри ханства.

На территории ханства в 30-х гг. появились торговые центры с большим оборотом. Интенсивное развитие торговли, однако, не повлекло за собой развитие ремесел, как это обычно бывает, что объяснялось характером торговых отношений в орде. Развитие торговли основывалось на растущих потребностях в скоте и продуктах, вырабатываемых из него.

Одним из наиболее значительных торговых центров была Ханская ставка. Учрежденная в 1832 г. ярмарка при ней функционировала два раза в год: весной — с 15 апреля по 15 мая, и осенью — с 15 сентября по 15 октября. По сведениям ханской канцелярии, только в 1839 г. на эти ярмарки из глубины степи поступило на продажу 4122 головы крупного скота (верблюдов, лошадей и рогатого скота), 68 498 баранов, 6419 пудов шерсти, разных шкур 30 009 штук. В свою очередь иноземные торговцы и русские крестьяне привезли на ярмарку промышленных товаров и хлебных продуктов на 2 420 700 руб. ассигнациями. Причем из них были реализованы товары на сумму 1 237 400 руб.⁸ В 1851 г. объем торгового оборота на ярмарках при Ставке составил более 1 млн. руб. серебром.

Торговые ярмарки в ханстве становились все более многолюдными и разноразличными. Здесь налаживались контакты, обмен товарами, сходились лицом к лицу степные кочевники и горожане, скотоводы и земледельцы, аульные кустари и мастера городских цехов, опытные купцы и неискушенные в торговле нерасчетливые пастухи, российские промышленники и степные богачи, крестьяне и казахские шаруа. Словом, эти ярмарки были важны не только в экономическом плане. Они вместе с тем знакомили и сближали людей разных местностей и

⁸ Сведения о Внутренней киргизской орде.— Журн. МГИ, 1841, ч. 1, с. 274.

национальностей, способствовали взаимному познанию.

Достаточно сказать, что в 1845 г. на весенней ярмарке при Ханской ставке приезжих торговцев было до 1000 чел. из 15 губерний России⁹, в 1847 г. — более 1500, а в 1851 г. — более 2000 чел.¹⁰ Эта ярмарка пользовалась широкой известностью далеко за пределами ханства. Так, в наиболее многолюдной из них, весенней ярмарке 1846 г. приняло участие 3883 чел., из которых 2700 чел. составляли местные жители — казахи, а 1183 чел. приезжие — русские купцы, мещане и крестьяне; татары, армяне, калмыки — 65, туркмены — 10, хивинцы, казаки¹¹. Вот как описывает очевидец эту ярмарку: «Огромные стада курдюков покупаются и вымениваются приезжающими в орду русскими купцами, казаками и татарами и пригоняются на Урал и за Волгу — в Астрахань, Камышин, Самару». По его словам, татары, перегоняя скот внутрь России, «занимаются довольно успешно салотоплением, деланием свечей и мыла, а также обработкою кож», а купленных у казахов лошадей они «переторговывают в русских селениях Саратовской губернии и других... Крестьяне предпочитают киргизских лошадей всяким заводским для земледельческих работ»¹².

Ханская ставка была не единственным торговым местом. Казахи вели оживленную торговлю в Астрахани, Саратове и Уральске, участвовали в Булхонской и Новоузенской ярмарках¹³. Районы кочевьев аулов также были покрыты густой сетью передвижных торговых точек. Титулярный советник Пограничной комиссии Кузнецов в 1824 г. доносил, что торговые люди, приезжающие со стороны Волги и Урала, ездят «по пространству всей орды», и что они за наличные деньги покупают у местного населения от 100 до 150 тыс. баранов.

Место и значение Букеевского ханства в торговой политике царского правительства вообще, в снабжении метрополии скотоводческой продукцией в частности,

⁹ ЦГА, КазССР, ф. 78, оп. 1, св. 5, д. 38, л. 296—297.

¹⁰ *Алекторов А. Е.* Из письма хана Джангира к графу Перовскому. — Астраханский листок, 1892, № 258.

¹¹ *Киттары М. Я.* Ставка хана Внутренней киргизской орды. — Журн. МВД, т. 28, 1849, с. 182—183.

¹² *Есипов Г.* О киргизах орды Джангира Букеева. — Журн. МГИ, 1841, ч. 3, с. 295.

¹³ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 29.

более наглядно выступают на общем фоне развития русско-казахских торговых связей. По данным М. П. Вяткина, из Казахстана в Россию было вывезено основного торгового вида скота — баранов: в 1803—1807 гг. — 406 715, в 1808—1812 гг. — 318 202 головы¹⁴. А из одного Букеевского ханства, по неполным сведениям его правителя султана Шигая, в 1814 г. переправлено в Россию 277 100 баранов¹⁵.

По данным оренбургской таможни, на меновых дворах и торговых пунктах при Орской, Илецкой, Уральской, Калмыковской и Гурьевской заставах, а также при самой таможне в 1841 г. было выменено 116 832 головы баранов¹⁶. Согласно журнальной записи департамента мануфактуры, в 1827 г. в Россию было переправлено из Букеевского ханства около 400 тыс. баранов, 3000 голов лошадей и различных продуктов скотоводства на общую сумму 2 925 000 руб.¹⁷

При этом надо иметь в виду, что оренбургская таможня обслуживала обширные зоны Младшего жуза и северо-западную часть Среднего жуза, территория и население которых во много раз были больше, чем в Букеевском ханстве.

До упразднения ханской власти царское правительство не имело прямой экономической выгоды от Букеевского ханства: ханство не облагалось сборами и пошлинами, оно не несло официальной материальной повинности перед казной русского государства. Торговля считалась главным каналом экономической связи между Россией и ханством. А. Евреинов, очень хорошо знавший положение в этой части, указывал, что «орда скотом своим, сырыми произведениями, салом и шерстью снабжает не только прилегающие к ней губернии, но привлекает к себе потребителей изнутри Империи, скупая от них предметы своих нужд, и таким образом является замечательным торговым движителем»¹⁸.

В отдельные годы по просьбе пограничных властей производился сбор верблюдов для нужд царских военных экспедиций и отрядов. Так, в 1829 г. Джангир-хан

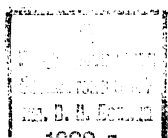
¹⁴ Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР, с. 215.

¹⁵ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 15, л. 12.

¹⁶ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 1550, л. 165.

¹⁷ Приводится по кн.: Левшин А. Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб., ч. 3, 1832, с. 234.

¹⁸ Евреинов А. Указ. соч., с. 60.

передал оренбургскому губернатору 500 верблюдов «для нужд России», купленных им в казахских аулах на сумму 56 053 руб.¹⁹

Контакты Казахстана с Россией, которые становились из года в год более активными, отразились в некоторых изменениях в формах и структуре экономической жизни Букеевского ханства. Причем эти изменения, поскольку они явились результатом влияния более развитой системы экономики России на отсталую экономику кочевого, полукочевого казахского общества, выступали как прогрессивные и перспективные.

Заметно изменился быт казахов. Под влиянием русских поселенцев и с одобрения правительства степная знать стала строить дома и хозяйственные постройки. Это способствовало оседанию кочевников. В 30—40-х гг. домостроительство стало довольно распространенным явлением в Букеевском ханстве. Родоначальники и султаны, бии и старшины, прежде изредка сооружавшие на зиму землянки, теперь стремились строить и добротные дома. Лес и другой строительный материал доставлялся в орду с берегов Волги, из Новоузенского, Николаевского, Камышинского, Черныярского, Царицынского и Астраханского уездов, входивших в состав Саратовской и Астраханской губерний.

Новым явлением в экономике Букеевского ханства были первые опыты сооружения с помощью приглашенных русских специалистов плотин на реках и артезианских колодцев для орошения полей. С помощью плотины, сооруженной на р. Торгунь в 30-х гг. XIX в., удалось поднять уровень воды на 3 сажени и образовать пруд длиной 25 верст и шириной до 40 саженой. Плотина была построена наемными рабочими и стоила хану около 6 тыс. руб. ассигнациями. Пруд использовался для орошения низменности и ежегодно на этой территории скашивалось до 600 стогов сена, а цена одного стога сена зимой доходила иногда до 100 руб. серебром²⁰. Из двух вырытых артезианских колодцев один, в урочище Жас-Кус, давал воду. По свидетельству современников, «для орошения полей от засухи... Джангир-хан предполагал строить в разных местах артезианские колодцы»²¹.

¹⁹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 146.

²⁰ *Иванов М. И.* Указ. соч., с. 16.

²¹ *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1867, с. 218.

Делались попытки в ханстве улучшить местные породы лошадей путем приобретения жеребцов с государственных заводов. Профессор ветеринарии Э. Островский, посетивший Внутреннюю орду в середине 50-х гг., после осмотра табунов лошадей, принадлежавших хану Джангиру, отмечал, что «появились в них новые виды аргымаков под влиянием жеребцов благородной породы», приобретенной из Императорского орловского конного завода ²².

Влияние России на структуру экономической жизни патриархально-феодального казахского общества было благотворным, но значение его нельзя преувеличивать. Оно наталкивалось на отсталость, косность, консерватизм, характерные для Казахстана первой половины XIX в. И все же уже в тех незначительных экономических и социальных изменениях просматривалось будущее развитие отношений между Россией и Казахстаном.

Тенденция к оседанию кочевого аула

В Младшем жузе земледелие не было развито. Казахи до перехода на внутреннюю сторону оставались в полном смысле слова кочевым народом. За отдельными исключениями, они не заботились о постоянных жилищах, не заготавливали корма для скота на зиму, скотоводство носило экстенсивный характер. Такое положение в основном сохранялось всю первую половину XIX в. В очерке о Младшем жузе М. Михайлов (1867) сообщал, что казахи жили круглый год в кибитках ²³. М. И. Иванин, который в начале второй половины XIX в. непосредственно изучал быт казахов, также подтверждал, что жители Младшего жуза «вели совершенно кочевую жизнь, не заботясь о запасе сена на зиму» ²⁴. Л. Арасанский (1868 г.) отмечал, что в Младшем жузе казахи переходят к полuosедлой жизни только вынужденно,

²² Островский Э. Поездка во Внутреннюю киргиз-кайсацкую орду с ветеринарной целью. — Журн. МВД, ч. 34, 1859, № 5, с. 36—37.

²³ Михайлов М. Киргизы. — Литературная библиотека. Спб., 1867, июнь, с. 285.

²⁴ Иванин М. И. Указ. соч., с. 14.

из-за бедности, а кочевой образ жизни является привилегией зажиточной части населения²⁵. В полевом журнале экспедиции 1824 г., составленном капитаном Вильховским и подполковником Балкашиным, записано, что экспедиция проехала по р. Уилу, Тайсойган к Калмыковской крепости, прошла десятки урочищ, которые являлись зимовыми местами зауральских казахов, однако только на одном из них были обнаружены признаки заготовленного сена. Хозяйство населения было примитивным и находилось почти в полной зависимости от природных условий. В неблагоприятные годы, в период гололедицы, джута, стихийных бедствий хозяйства казахов терпели огромный ущерб.

В Букеевском ханстве намного раньше, чем в Младшем жузе, начался процесс перехода кочевых аулов в полuosедлое состояние. На это были свои причины: ограниченность территории ханства, сделавшая невозможными далекие сезонные переходы по пастбищам с юга на север; относительно ускоренное формирование общественного мнения о преимуществе полuosедлого и оседлого образа хозяйствования и жизни под воздействием суровых материальных испытаний и растущего общения с оседлыми и полuosедлыми народами России, в первую очередь — с русской деревней. Не последнюю роль в этом процессе играла официальная политика ханской власти, поддержанная правительственными органами и направленная на определенное поощрение перехода казахского кочевого населения к оседлости и полuosедлости.

Уже в 30-х гг. стала заметной тенденция к оседанию кочевников. Быстро увеличивалось число домов и землянок²⁶. К 40-м годам XIX в. территория ханства покрывалась сетью разбросанных по урочищам многочисленных глиняных и бревенчатых изб, землянок, среди которых размерами и отделкой особенно отличались дома султанов и родовой знати. Так, вблизи Камыш-Самарских озер с 1820 г. по 1850 г. было построено более ста жилищ, в

²⁵ Арасанский Л. Причины волнения в киргизских степях. — Деятельность, 1869, № 98.

²⁶ До возникновения Букеевского ханства эта территория представляла собой безлюдную пустыню, покинутую кочевниками-калмыками. Сенат в докладе Императору Александру I в 1803 г. писал, что там «нигде и никаких селений не заведено» (Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4. М.— Л., 1940, с. 257).

том числе немало добротных деревянных и глиняных. Принадлежали эти дома в основном местной знати. В урочищах «Теректы» имелось около 30, Мечеть — 44, Дуйсе — 35, Тулубай — 15, Умирбек и Темирбек — 20, в долине реки Узени — 15 землянок²⁷. В 50-х гг. постоянные зимние жилища с хозяйственными пристройками имели $\frac{2}{3}$ населения²⁸.

В середине кочевьев казахских родов возникали населенные пункты, которые впоследствии стали административными, торговыми и культурными центрами. Наиболее значительным среди них было селение Хан-Кала (Жангир-Кала), или, как в русских источниках, Ханская ставка. Его основание началось в 1826 г. Вначале Джангир-хан построил для себя небольшую избу, а через два года, на дарованные средства Императора и с помощью русского инженера возвел деревянный ханский дворец с боковыми флигелями²⁹. Вокруг этой постройки оседали родственники и люди хана, русские, армянские и татарские торговцы, уральские казаки и др. В 1841 г. здесь насчитывался уже 41 дом, а в 1846 г. — 89. Эти дома распределялись следующим образом: хану принадлежали 6 домов, султанам — 4, азиатским чиновникам ханской канцелярии, приглашенным из Оренбурга, — 4, русским — 10, казанским татарам — 13, армянам — 2, астраханским мещанам — 5, казахам — 41, 2 дома занимали казачьи отряды. Кроме того, при этих домах имелось 46 лавок³⁰, а через 5 лет, т. е. в 1851 г. их было уже 152, из них 114 деревянных³¹.

В Ханской ставке кроме администрации хана размещались ахун — главный мулла ханства, для которого была построена мечеть, школа для казахских детей с обучением на казахском и русском языках, собрана коллекция древнего казахского оружия, размещались ханские туленгуты — служители ханского двора. Население было многонациональным. По данным 1851 г., в Ханской ставке проживало: 346 казахов, 193 татарина, 120 рус-

²⁷ ЦГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 11, л. 193—196.

²⁸ Медведский Т. Указ, соч., с. 295.

²⁹ Он состоял из 23 комнат и бани; в центральном корпусе было 7 комнат, в мезонине — 2, в пристройке по обоим бокам — 6, в двух флигелях — 8 комнат.

³⁰ Киттары М. Я. Указ. соч., с. 111.

³¹ Иванин М. И. Указ. соч., с. 15.

ских, 13 башкир, 15 армян, кроме того, 134 уральских и астраханских казаков, несших военную службу³².

Вторым по величине населенным пунктом был Торгунь-Кала, или Летняя ставка, находившийся к северо-западу от Ханской ставки, на берегу р. Торгунь. Это селение возникло в середине 30-х гг. в качестве летней резиденции хана. В нем в 1846 г. насчитывалось 9—10 домов и несколько мелких хозяйственных построек, среди которых возвышался двухэтажный ханский дом, состоявший из 12 комнат. При нем, как описывает очевидец, имелся «сад с решеткою и рвом, обсаженный вишневыми деревьями с купальнею»³³.

Обращает на себя внимание то, что в Букеевском ханстве в первую очередь строила дома, переходила к полuosедлой жизни зажиточная часть населения, знать «белой» и «черной» кости, тогда как раньше такой образ жизни был уделом жатаков, наиболее беднейших из казахов. «К оседлости прежде всего переходят бедняки,— писал академик Бартольд,— не имеющие возможности кочевать жатаки»³⁴. Другой характерной чертой этого процесса было то, что в Букеевском ханстве переход к полuosедлой жизни не был связан непосредственно с земледелием, как это наблюдается в жизни других народов и других районов Казахстана. Почвенные и климатические условия орды неблагоприятствовали ведению земледельческого хозяйства.

Переход к полuosедлому и оседлому образу жизни обусловил изменение цикла и формы хозяйствования. Сенокосение, оборудование зимних укрытий для скота начинают занимать значительное место в экономике скотовода. «Когда приходило покосное время, они (т. е. жители Букеевской орды — С. З.) отправлялись на свои покосы и скошенное сено свозили к своим зимовкам, для топки домов зимой они свозили к ним кизяк. Зимовки свои они обрывали канавами, устраивая из вынутой земли земляные валы, и через то делая ограды для охранения от сильных стуж хотя бы части более нежного и вновь родившегося скота»³⁵. Э. Островский, побывав-

³² *Иванов М. И.* Указ. соч., с. 15.

³³ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 104.

³⁴ *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, с. 120.

³⁵ *Иванов М. И.* Указ. соч., с. 16.

ший в Букеевской орде в 1859 г., отмечал: «Летом киргизы начинают запасаться сеном для зимы и начинают иногда луга вблизи своих зимних кочевков»³⁶. О том же писал И. Казанцев, служивший в течение 20 лет при канцелярии оренбургского губернаторства и хорошо знавший внутреннюю жизнь орды. «Многие киргизы стали заготавливать корм и устраивать зимовки»³⁷. «Уже некоторые из кочующих,— подтверждал А. Терещенко, побывавший в Орде в начале 50-х гг. XIX в.,— начали заводиться домиками и землянками, строить хутора кибиточные, приучаться к косе и сохе»³⁸. Жители Букеевской орды «...всегда запасают на зиму сено,— писал один из очевидцев,— как подспорье подножному корму и как средство поддерживать силы животного в трудные периоды зимнего времени»³⁹.

Тенденцию к оседанию кочевого аула, ставшую к середине XIX в. значительной, дореволюционные авторы, многие из которых состояли на службе у царского правительства, стремились всецело связывать с политикой Джангир-хана, его личностью и убеждениями⁴⁰. «Хан старается,— писал Г. Есипов,— убеждением и увещанием приучить киргизов к одной весьма важной мере в этом отношении, а именно: к постоянным зимовым кочевьям»⁴¹. «Джангир, чтобы стимулировать домостроительство в Ханской ставке, наделял желающих землею безвозмездно»⁴²,— указывает другой автор. Еще больший акцент на это делает М. Троицкий. «В последнее двадцатилетие,— читаем в его записке,— под благоразумным управлением хана Джангира Букеева, генерал-майора русской службы, развилась в киргизах склонность к оседлой жизни»⁴³.

Нетрудно понять этих авторов — они были заинтересованы в хане Джангире, верном проводнике правительственной политики во Внутренней орде. Этим мы не

³⁶ Островский Э. Указ. соч., с. 76.

³⁷ Казанцев И. Указ. соч., с. 218.

³⁸ Терещенко А. Указ. соч., с. 75.

³⁹ Медведский Т. Указ. соч., с. 293.

⁴⁰ Бытовало мнение, что Джангир-хан, женившись на дочери оренбургского муфтия Фатиме, воспитанной в условиях оседлой городской жизни, стремясь угодить ей, стал сторонником оседания кочевников и возведения постоянной ставки управления.

⁴¹ Есипов Г. Указ. соч., с. 299.

⁴² Евреинов А. Указ. соч., с. 62.

⁴³ Троицкий Н. Указ. соч., с. 99.

хотим сказать, что ханская политика не играла никакой роли в объективном процессе оседания кочевников-скотоводов. Убеждения хана Джангира, связанные с признанием пользы перехода кочевников в полuosедлое состояние, а также его политика в этом направлении играли положительную роль в развитии этой тенденции, но не определяли ее зарождение и оформление как общественного явления.

Хан Джангир видел в оседании кочевников не столько пользу «гражданского устройства» населения, сколько выгоды управления им. В одной из своих записок он писал: «Пример, который я подал к домозаведению, и мои личные убеждения побудили родоначальников и некоторых старшин к постоянному устройству на зимовках домов и землянок с некоторыми хозяйственными принадлежностями. При дальнейших внушениях и убеждениях очевидностью удобства и пользе этого, киргизы начали мало-помалу устраивать землянки. Стремление к таким постройкам при почти всегдашних зимних холодах развивалось столь быстро, особенно в Нарын-песках и к Малому Узеню, что я сам изумлен был многочисленностью землянок: число их далеко заходит за тысячу. Каждый зажиточный киргиз думает и старается, несмотря на трудности доставки и дороговизну леса, сделать себе землянку. Все эти жилища в орде можно разделить на зимовые ставки родоначальников и зимовки старшин и простых киргизов. Первые находятся на зимовых местах, занимаемых родоначальниками, и состоят из небольшого дома для самого родоначальника, двух-трех землянок для других помещений и самых необходимых небольших хозяйственных построек. Вторые расположены на участках, назначаемых мною отделениям родов для зимнего их кочевья: эти зимовки состоят из глины и небольших домов. На зимовки султаны, старшины и киргизы прикочевывают с наступлением осенних холодов; кто имеет дома и землянки — живет в них, а у кого их нет, тот по-прежнему живет в кибитке до наступления теплого весеннего времени. С этой поры все выходят со скотом на летние пастбища, в степь, и кочуют опять с лета до холодов»⁴⁴.

Многие современники переход казахских кочевников к полuosедлости и оседлости, домостроительству и сено-

⁴⁴ Небольсин П. И. Указ. соч., с. 235—236.

кошению связывают с массовой гибелью скота в зимние месяцы 1827 и 1828 гг. Колоссальный урон, понесенный в эти годы скотоводами, заставил их искать пути самосохранения. По данным Астраханского губернатора, в 1827 г. от бескормицы — джута — в ханстве пало до 111 тыс. лошадей, 45 тыс. голов крупного рогатого скота, около 6 тыс. верблюдов и 220 тыс. баранов⁴⁵, а в 1828 г., как сообщает чиновник оренбургского губернаторства, в результате жестоких и длительных буранов жители Букеевского ханства потеряли 10 500 верблюдов, 280 500 лошадей, 75 480 голов скота и 1 012 000 баранов, т. е. больше $\frac{2}{3}$ всего поголовья скота. В период вьюги, как описывает тот же автор, «весь скот шархнул к северу, в Саратовскую губернию, частью попадал в овраги и рытвины, частью замерз на голой степи, частью был утаен поселенцами разных деревень»⁴⁶. Массовая гибель скота в результате бескормицы и стихийных бедствий наблюдалась и в последующие годы. Так, в одном из донесений было сказано, что только в течение трех дней — 21—23 марта 1833 г. — от сильного мороза с бурей, который ударил после сильного дождя, погибло более 15 тыс. лошадей, а также баранов «во всей орде великое число»⁴⁷. В суровую зиму 1832 г. скотоводы в районе приморья потеряли почти половину всего скота, а казахи северной части орды в массовом порядке начали переходить в пределы соседней Саратовской губернии⁴⁸. В зиму 1840—1841 гг. в ханстве погибло более 150 тыс. голов разного скота⁴⁹.

Казахские аулы, не успев оправиться от одного джута, попадали в другие, не менее опустошительные. В этих условиях культивирование сенокосения там, где было возможно, постройка пусть даже примитивных укрытий для скота и возведение зимних жилищ — явились необходимостью в хозяйственном и жизненном цикле кочевников-скотоводов. В Букеевском ханстве быстрее, чем в Зауральских степях, эта необходимость становилась реальностью. Имеющиеся в архивах материалы содер-

⁴⁵ Цитируется по кн.: Вяткин М. П. Указ. соч., с. 248.

⁴⁶ *Бларамберг И. Ф.* Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. Ч. 2. Спб., 1848, с. 38.

⁴⁷ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 6, л. 38.

⁴⁸ ЦГДА, ф. 186, оп. 1, д. 11, л. 55—56.

⁴⁹ *Есипов Т.* Указ. соч., с. 297.

жат немало сведений о планомерной заготовке сена казахами не только в районах стойбищ, но и на арендуемых землях. Так, на землях князя Юсупова и графа Безбородько, что лежали на побережье Каспийского моря, казахи систематически заготавливали сено⁵⁰. В 1830 г. они накосили на этих землях около 550 тыс. снопов⁵¹.

Тенденция к оседанию и переход части казахских семей в полуоседлое и оседлое состояние внесли определенные изменения в структуру их хозяйственной жизни, расширили и сделали более разнообразными потребности хозяйственного и домашнего обихода.

Полуоседание кочевников привело к некоторому росту числа возделываемых полей около зимних жилищ, хотя почвенные и климатические условия здесь были крайне неблагоприятны для развития земледелия. И. Ф. Бларамберг отмечал, что территория, занимаемая ими, является «совершенно неудобной для хлебопашества и почти безводная»⁵². Об этом же писал и Г. О. Есипов. По его мнению, «орда рассеяна по огромной степи совершенно неудобной для хлебопашества и годной единственно для скотоводства»⁵³. Царское правительство не было заинтересовано в развитии земледелия в казахских степях, в нем оно видело причину нарушения системы колониальной торговли, рынков сбыта. «Существует мнение, — писал чиновник из центрального статистического комитета А. Артемьев, — что киргизов необходимо отвлекать всеми мерами от земледелия, что развитие его между ними причинит вред русским, сделает подрыв нашей меновой торговли, потому что прилинейные жители тогда не будут иметь возможности сбывать свой хлеб киргизам»⁵⁴. Правда, этот взгляд мало повлиял на жизнь Букеевского ханства.

Начиная с 30-х гг. земледельческое производство получило некоторое развитие⁵⁵. В процессе перехода к полуоседлой жизни казахи, хотя еще в незначительных размерах, начали обрабатывать целину. В летнее время

⁵⁰ ЦГДА, ф. 1290, оп. 2, д. 452, л. 5.

⁵¹ Там же, л. 7.

⁵² Бларамберг И. Ф. Указ. соч., т. 14, ч. 3, с. 26.

⁵³ Есипов Г. О. Указ. соч., с. 294.

⁵⁴ Артемьев А. Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства. — Журн. МВД, октябрь, 1859, с. 37.

⁵⁵ См. Иванин М. И. Указ. соч., с. 15.

при зимовках оставались семьи, которые занимались посевом⁵⁶. Некоторые султаны нанимали для земледельческих работ русских крестьян. В урочищах Каракуль, Пороги, Сарай-Шиганак, в окрестностях форпоста Талового, по берегам р. Большой Узень отдельные семьи занимались обработкой полей и сеяли просо и хлеб⁵⁷. Орудия труда и способы земледелия у казахов были примитивными.

В связи с ростом потребностей населения в ремесленных товарах, что было обусловлено переходом населения в полуоседлое состояние и влиянием быта оседлых соседей на образ жизни казахов в Букеевской орде начиная со второй четверти XIX в., несколько увеличилось значение ремесленного дела. Советник Букеевской орды С. Бабаджанов в своих письмах сообщает, что хан Джангир в свою бытность на Кавказе пригласил в орду золотых и серебряных дел мастеров, которые обучали своему искусству казахов⁵⁸. Журнал «Сын Отечества» в 1840 г. писал, что казахи орды «получили посредством русских познания во многих ремеслах»⁵⁹, но в целом ремесло, как и земледелие, в первой половине XIX в. в орде развивалось медленно и сохраняло в основном бытовой характер, уровень навыков производства оставался весьма низким.

Процесс оседания населения и связанные с ним изменения экономической жизни общества оказали влияние и на жизнь казахского аула, внутренние и межаульные отношения.

Аул являлся первичной хозяйственной ячейкой в кочевом казахском обществе. Вместе с тем он был социальной клеточкой и низовой, простейшей структурой общественного управления. При всем этом главным фактором, определявшим внутреннюю жизнь и организацию аула, оставались интересы ведения скотоводческого хозяйства, основанного на кочевой и полукочевой системе.

По своему быту и организации он был подвижным и мобильным, и, несмотря на отсталость, патриархаль-

⁵⁶ Шахматов В. Ф. Указ. соч., с. 40.

⁵⁷ Оренбургский листок, 1887, № 29; Журн. МВД, 1859, февраль, с. 70.

⁵⁸ Северная пчела, 1861, № 4.

⁵⁹ О Внутренней, или киргиз-кайсацкой, орде.— Сын Отечества, 1840, ч. 5, с. 233.

ность, обладал значительной чувствительностью к изменениям внешних условий. Он реагировал на происходящее вокруг и на политику властей, относящуюся к внутренней жизни аула, почти мгновенно и непосредственно. Это имело свои плюсы и минусы.

Число хозяйств, входящих в казахский аул в различных частях края, зависело от многих причин: от состоятельности его членов, времени года, травостоя, безопасности кочевой полосы, длины перехода и т. д. «Аулы, или лучше сказать, семейства,— писал Г. Броневский (1830 г.) о Среднем жузе,— бывают, смотря по величине фамилии, от 5 до 70 юрт»⁶⁰. «Стан от 10 до 100 и более кибиток с семействами, происходящими от одного поколения и кочующими всегда вместе, называется улусом, или аулом, и заведывается большей частью аксакалом, белобородым стариком преклонных лет»,— писал журнал «Сын Отечества». Судя по этим и другим данным⁶¹, крупные аулы, каждый из которых имел в своем составе от 50 до 100 семейств, были нередкими в Среднем и в Младшем жузах. В то же время стало заметным дальнейшее уменьшение аула всюду. Мейер, служивший в пограничных органах и изучавший жизнь казахов, сообщает, что в 50—60-х гг. в Зауральской степи много было аулов по 15 кибиток в каждом⁶².

В Букеевском ханстве процесс дробления аула был особенно сильным. Причину такого положения следует искать в особенностях внутренней жизни казахского общества этого региона, в режиме и формах его хозяйствования. Имели значение и ослабление феодальных и межродовых усаобиц, известная стабилизация общественной жизни в ханстве. На факты дробления аулов во Внутренней орде указывали многие исследователи⁶³. Так, Э. Островский писал, что по дороге из Астрахани в Букеевскую ставку «через каждые 20—30 и более верст встречается по одной или по несколько киргизских кибиток, составляющих их аулы». Дробление хозяйственной ячейки — аула — на мелкие части нельзя расценивать иначе как стремление отдельной семьи отпочковаться в аул. Это

⁶⁰ Броневский Г. Записка о киргиз-кайсацкой средней Орде.— Отечественные записки, 1830, ч. 42, с. 186.

⁶¹ Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. Спб., 1867, с. 34.

⁶² Мейер Л. Указ. соч., с. 247.

⁶³ Островский Э. Указ. соч., с. 66. Медведский Т. Указ. соч., с. 290; Иванов М. Указ. соч., с. 24; Евреинов А. Указ. соч., с. 84.

было одной из общественно-хозяйственных особенностей Внутренней орды первой половины XIX в.

Исторически в основе формирования аула лежали кровнородственные связи его членов. В рассматриваемый период в составе большинства аулов нередко доминировали группы хозяйств, связанные непосредственными и дальними родственными отношениями. Это давало повод многим русским путешественникам и чиновникам видеть в казахском ауле подобие союза кровноблизких семейств или большой патриархальной семьи. Царский офицер, в течение ряда лет участвовавший в управлении Казахской степью Сибирского ведомства, Г. Броневский писал, что «аул как бы одно семейство, дети и близкие родственники суть подчиненные бия-старшины»⁶⁴. А. Евреинов также усматривал в ауле нечто единое. По его словам, аул в Букеевском ханстве составляет «почти всегда одно семейство, где старший, как глава его, распоряжается всем. Голос его — закон остальным»⁶⁵.

От аула как начальной общественной организации и хозяйственной ячейки с низовым управлением следует отличать выбившиеся из аула по разным причинам небольшие семейные группы или отдельные семьи, жившие в отдельные сезоны года обособленно в пространстве и по-своему вольно. Но и эти кочевники всегда имели своего покровителя из знати, независимо от того, кем он приходился им с точки зрения родства и где кочевал в данный момент.

Структуру аула того периода можно представить как ядро и его окружение. Ядро аула выступает доминантой во внутренней жизни коллектива: оно осуществляло власть, сосредоточивало скот и владения пастбищными участками и зимовкой. Нередко в ядро аула входили хозяйства, имеющие родственные связи, как правило, не далее третьего колена. Это, однако, не делало отношения между ними в сфере социально-экономической жизни кровнородственными, хотя в определенной мере «смягчало» их, придавало им патриархальный характер. Родственные отношения больше всего сказывались в сфере быта, традиций и патриархальных общественных учреждений. Среди членов ядра аула, как бы они не были близки

⁶⁴ Броневский Г. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды. — Отечественные записки, 1830, т. 42, с. 91.

⁶⁵ Евреинов А. Указ. соч., с. 84.

друг другу по родственной линии, существовала имущественная обособленность и имущественное различие, которые и определяли место каждого из них в социальной жизни как внутри ядра аула, так и в ауле в целом.

Окружение ядра аула составляли дальние родственники и так называемые крме — пришельцы из других родовых групп, занимающие подчиненное, номинальное положение по отношению к основной группе, составляющей ядро аула.

Процесс смешения выходцев из разных подродовых ветвей при формировании аулов в Букеевском ханстве также был более глубоким, чем в Зауральской степи. На это обращали внимание многие современники, участвовавшие в управлении ордой после смерти Джангир-хана. Так, М. Иванин указывал, что в Букеевской орде «почти нет ни одного отделения, в котором значительное число кибиток не кочевало бы в других отделениях и родах, перемешавшись по всей орде»⁶⁶.

Своеобразием аульной организации в Букеевской орде являлось также выделение богатых хозяйств с работниками из крупного аула в подаул с целью получения привольных пастбищ.

К рассматриваемому нами периоду казахские аулы перестали быть кровнородственной организацией, в которой доминировали отношения родственной солидарности. Аул представлял собой малое сообщество собственников, богатых и бедных, знати и тружеников, влиятельных и подданных. Хозяйства, объединенные в аулы, находились в состоянии хозяйственной, экономической и социальной зависимости друг от друга. Аул был не только хозяйственной ячейкой, но и организацией низового самоуправления, во главе которой стоял предводитель, старейшина, аксакал, обладающий определенной прерогативой власти в системе отношений господства и подчинения, часто прикрытыми патриархальной оболочкой.

Новое в земельных отношениях

Земельные отношения в Букеевском ханстве имели свои внутренние и внешние проблемы. Через всю его историю проходят территориальные споры между ханством,

⁶⁶ Иванин М. П. Указ. соч., с. 18.

с одной стороны, и уральскими, астраханскими казачьими поселениями, прикаспийскими помещичьими владениями — с другой. Хан Букей через своих депутатов, направленных к царю в 1814 г., передал жалобу, что «некоторые частные люди завладели землями, издавна киргиз-кайсакам для кочевья в Астраханской губернии пожалованными»⁶⁷. Султан Шигай, исправлявший ханскую должность после смерти Букея, в 1819 г. сообщал Оренбургскому военному губернатору, что землемер из Астраханской губернии отторгнул из владения ханства полосу на его западной территории шириною до 40 верст. К тому же, как он писал, плодородные обширные участки по р. Большой Узень захвачены Уральским войском вопреки царскому Положению об отводе земель казахам⁶⁸.

По предписанию Министерства иностранных дел, куда стекались жалобы о захвате части территории Букеевского ханства, создавались комиссии астраханского и оренбургского губернаторств, посылались группы землемеров для уточнения, в который раз, земельных пределов ханства и рассмотрения споров. Ответственный чиновник Оренбургской пограничной комиссии Кузнецов в донесении губернатору от 20 июля 1825 г. указывал, что одна спорная территория — это участок между р. Большого и Малого Узень, простирающийся до Камыш-Самарских озер, имеющий в поперечнике 30—50 верст, в длину около 150 верст, где зимуют ежегодно около 3000 кибиток со скотом, «зимнее пребывание их сохраняет скотоводство, но и здесь неизвестно, почему Уральское казачье войско их не допускает»⁶⁹.

Казахские аулы и роды, перекочевывавшие во внутреннюю сторону, по своему хозяйственному укладу, образу жизни, традициям и обычаям в первое двадцатипятилетие оставались такими же, какими были до перехода. Они оставались кочевыми скотоводами и изредка занимались земледелием на небольших оазисных участках среди песков. Освоение новых территорий под пастбища проходило по традиционной схеме: сильные кочевые коллективы обосновывались на лучших угодьях и устанавливали на них свои права, а вновь прибывающие аульные группы осваивали периферийные, свободные, менее

⁶⁷ Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4, с. 276.

⁶⁸ Там же, с. 277.

⁶⁹ Там же, с. 288.

ценные пастбищные массивы. Правители (султан Букей, а после него султан Шигай) не меняли складывающиеся земельные отношения. «Так как число переселившихся было незначительно, сравнительно с пространством представленных им земель, то Букей не видел надобности прибегать к особым наделам отдельным общинам и лицам: киргизы разместились по степи, как хотели. Они часто переходили с места на место, но споров из-за отдельных участков не возникало. Короче, при Букее и после — в первое двадцатилетие настоящего столетия о наделах, а следовательно, и о поземельной собственности не было и речи» ⁷⁰.

Такое «мирное», во многом стихийное освоение нового района продолжалось недолго. В связи с приливом новых групп кочевников из-за Урала, а также с выдвижением родовых коллективов, претендующих на лидерство, на особое положение в новом ханстве вообще, система землевладения, ее структура и содержание стали претерпевать изменения.

Ограниченность пастбищных угодий с самого начала образования орды на первый план выдвинула проблему интенсивного вместо традиционного пространственного их освоения. Надо также иметь в виду, что царское правительство собиралось сделать Внутреннюю орду «примерным» уголком Казахской степи в смысле управления и пользы колониальной опеки. Эта политика существенным образом опиралась на земельные отношения.

Среди ответственных царских чиновников, проводивших колониальную политику в Казахстане, было распространено мнение, что традиционное казахское землепользование подвижно и неопределенно, что вносило хаос в управление и затрудняло выполнение задач царского правительства в Казахстане. Было решено на территории Букеевского ханства испытать новый подход к казахскому земельному вопросу. Отдельные земельные участки официально закреплялись за местной знатью и определенными кочевыми коллективами. Теперь они могли кочевать только в пределах отведенных им земель.

Сенатор Энгель после ознакомления на месте с положением в ханстве 4 февраля 1828 г. подал записку управляющему Министерством иностранных дел графу Нес-

⁷⁰ *Медведский Т.* Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении. — Журн. МГИ, 1862, с. 286.

сельроде, в которой проводил идею, что кочевое казахское население орды «не иначе основаться может, как приобретением собственности, охраняемой законами»⁷¹. «Можно бы представить главному над ними начальству испытать следующий способ, — писал он. — Киргизы летом кочуют по всей степи на так называемых общих пастбищах, но зимою каждый род привык «отходить» в свои места, расположенные в Рын-песках, в районах моря и Камыш-Самарских озер. Найдутся в других местах годные участки для зимования, закрепить бы эти участки желающим иметь в их исключительную собственность». Отвечая на вопрос, какие последствия могут иметь эти меры, сенатор Энгель рисовал такую картину: «Новые собственники сии, заведя какое-либо хозяйство и со временем построив жилые дома, не станут, вероятно, покидать заведения свои без надзора во время отсутствия на летнее кочевье и будут оставлять при оных караулы, да и сами возвращаться по временам для кошения сена и уборки хлеба и огородов. Постепенно заботливость подобная, естественно, возрастать должна и, наконец, понятие о собственности исключительной и неотъемлемой под защитою законов, привяжет и киргиз к месту, которое содержит в себе прочное благосостояние, чего они теперь вовсе чужды, не быв привязаны к месту общего владения, где после потравы корма не оставляют они ничего, чем бы дорожить могли. Надеяться можно, что тогда будут берегаемы леса, растущие по многим местам, теперь без пощады истребляемые и сжигаемые»⁷².

Этот план нашел положительный отклик и был санкционирован оренбургским губернатором, под надзором которого находилось Букеевское ханство. Расчетливый хан Джангир усмотрел в этом плане возможность для создания и упрочения социальной опоры ханской власти в лице крупных землевладельцев, возможность усиления влияния центральной ханской власти и для ослабления позиции «старой знати» в родах, не оказывающей поддержку его многим нововведениям в ханстве.

Хан Джангир осуществил этот план иначе, чем предлагало правительство. Он раздал в собственность не только незанятые зимние места, но распределил и перераспределил почти все лучшие и удобные уголья, наде-

⁷¹ Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4, с. 295.

⁷² Там же.

лив ими главным образом султанов, ходжей, наиболее влиятельных биев и старшин. Хан в письме от 12 декабря 1830 г., адресованном председателю Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генсу, напоминал ему: «Вы мне советовали приступить к сей мере, особенно же к султанам-родоправителям»⁷³. Далее хан откровенно заявлял, что этими мероприятиями «между разными народными выгодами доставился бы мне способ устранять некоторых из султанов, кои по многочисленности своей чувствительно уже начинают становиться в орде лишними»⁷⁴.

В результате земельной реформы луговые места и лучшие пастбищные массивы оказались сосредоточенными в руках самого хана и крупных феодалов. Сам хан официально закрепил за собой 400 тыс. десятин лучших угодий, где были посажены его туленгуты, слуги с хозяйствами. Ханское владение имело все черты феодального домена с особенностями кочевого общества. В письме к правителю нескольких родов Тауке Букейханову в 1841 г. хан, указывая точные границы своего владения в районе Камыш-Самарских озер, требовал от него объявить всем подвластным султанам, старшинам и населению, кочующим в том районе, «осуществлять просмотр и охрану этих участков, не пользоваться ими без разрешения»⁷⁵. За султанами Мушегали и Шингали Урмановыми было закреплено 700 тыс. десятин, земельное владение брата хана султана Менлигирея Букейханова и тестя Караулходжи Бабаджанова составляли по 400 тыс. десятин угодий. «И многие другие стали собственниками более или менее в огромных размерах»⁷⁶. Для рода ногай, самого малочисленного, но самого близкого хану за заслуги перед ханом, было отведено 1800 тыс. десятин. Военный оренбургский губернатор в 1847 г. писал, что «Ногаевский род владеет почти $\frac{1}{4}$ всех поземельных угодий в орде, а остальные 16 родов пользуются $\frac{3}{4}$, не стоящими по удобству одной четверти, отведенной нагайцам»⁷⁷. В итоге в исключительном владении крупной знати и рода ногай оказалось в общей сложности около 60—70% всех угодий, которыми располагало ханство.

⁷³ Приводится по кн.: *Шахматов В. Ф.* Указ. соч., с. 49.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 32, л. 1.

⁷⁶ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 50, 42, л. 19.

⁷⁷ Там же, д. 2435, л. 2.

После смерти хана было установлено, что он «большую часть земель этих или раздал по своему произволу и усмотрению родственникам и приближенным своим, или продал отделениям разных родов и даже нередко богатым ордынцам в исключительное каждому пользование»⁷⁸. В результате этого оказалось, как признал сам губернатор, «у одних земли чрезвычайно много, а другие не имеют ничего и вынуждены платить за кочевку свою по произволу тех, у коих занимают места»⁷⁹.

Щедры были наделены землей влиятельные родовые начальники. В ряде случаев, согласно ханскому акту, они являлись собственниками не только лично им принадлежащих луговых и зимних участков, но и всей площади, отведенной подвластным им кочевникам. Это усилило не только значение родовых управителей, превратившихся уже в наместников ханской власти, но и эксплуатацию трудовых крестьян, злоупотребления со стороны этой группы знати в распределении кочевьев между аулами и отдельными хозяйствами.

Наряду с крупным землевладением формировались мелкое крестьянское землевладение, которое распространялось в основном на места зимних стоянок, и сенокосные луга. В отношении сенокосения «у киргизов нет общинного владения в том виде, как оно существует у русских, — писал Т. Медведский. — Нет, например, передела сенокосов, равномерного распределения паев, каждое семейство пользуется клочками земли, раз навсегда отведенными ему под сенокосение. Поэтому семейство, которому раз достался плохой или богатый надел, остается при нем постоянно»⁸⁰. Распределением участков, удобных для зимования и сенокосения внутри рода и общины в большинстве случаев ведал сам хан. Уполномоченные им люди, родоуправители, претворяли указания хана в жизнь. Архивные материалы в качестве таких представителей упоминают имена султана Менлигерее, Чуке Идилбаева, бия Кенжегали Курманхожаева⁸¹ и др. Наделение земель было важной статьей доходов ханской казны. Давшие хорошие «подарки» получали хорошие участки. В одном из донесений ханский служащий Чуке

⁷⁸ Там же, д. 50, л. 19.

⁷⁹ Там же, д. 2435, л. 2.

⁸⁰ Медведский Т. Указ. соч., № 8, с. 309.

⁸¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 42, л. 42.

Идилбаев писал, что только за то, что он определил границу отведенного ханом участка одному из отделений (35 хозяйств) рода байбакты получил в «благодарность» пять верблюдов⁸².

Наделение земель кочевников проводилось с особой тщательностью. Границы земель нередко отмечали вежами, колышками, отмеривали веревкой и шагами⁸³, особенно, когда речь шла о крестьянских наделах. Размеры этих наделов были невелики. Так, в 1834 г. некоему Темирову был отведен участок для зимования и сенокосения длиной 5 верст и шириной 3 версты⁸⁴, Батанбаеву — длиной и шириной по одной версте для зимования, сенокосения и возведения жилища⁸⁵. У родственников хана, султанов, биев, старшин, мурз и богатых скотовладельцев каждая семья владела несколькими урочищами или крупным урочищем с водой и колодцами.

Каждое распределение земли оформлялось письменным актом, а ее владельцам выдавались на руки свидетельства (куалик-нэме), официальная бумага (нэме-кагаз) либо разрешение (руксат-нэме), которые юридически узаконивали право использования указанных в них участков. Таких актов в ханской канцелярии за время с 1830 по 1844 г. накопилось 1517⁸⁶. Среди них было немало выданных на отмену прежних, взамен ранее выданных или новых актов, уточняющих владение. Поскольку эти ханские акты — явление уникальное в истории казахских ханств и не практиковались прежде в земельных отношениях в степи, на наш взгляд, интересно привести несколько фрагментов из них.

Листы, выданные ханом: а) Почетному султану Тауке Букейханову⁸⁷ (на исполнение). По воле нашей и принимая во внимание просьбу (указанного ниже султана) даю разрешение ему на владение (землею) на Камыш-Самарских, на острове, называемом Ак-Крме, на участке, где находится известная могила и песчаные холмы, далее колодец в песках и вдоль могил Уш-Кемпир и Шапа, к востоку от нее к пескам, от последних к западной окраи-

⁸² ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 42, л. 37.

⁸³ Такой порядок был внедрен и узаконен самой ханской властью (ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 29, л. 23).

⁸⁴ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2А, д. 42, л. 39—40.

⁸⁵ Там же, л. 41.

⁸⁶ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2435, л. 37.

⁸⁷ Один из ближайших и влиятельных родственников хана.

не песков Кок-терек, оттуда к месту находящейся там одиночной могилы, а затем в направлении к двум колодцам, стены которых обложены плетью, с тем чтобы султан Мэзкур Букейханов пользовался этими местами и охранял их от потравы со стороны других. Поручаю Вам ставить в известность об этом почтенных, уважаемых людей и всех казахов, находящихся под вашим управлением. Писано свидетельство 5 сентября 1841 года, о чем я, хан Джангир Букейханов, приложил свою печать⁸⁸; б) Выдано Манапу Алдиярову из тайфы орыс рода маскар на владение землею с его подвластными, ограниченной с одной стороны дорогой Хан Келген, проходящей по песку Борлы, а с востока — тропой, лежащей на урочище Асаубай, с третьей стороны — линией, указанной старшиной Шоканом по местности Конур-Тобе и могилой Байнеке, далее на протяжении одной версты по песку Борлы, что было указано в свидетельстве, выданном в 1834 г. Подтверждено в 1841 г.⁸⁹

Свидетельства, выданные ханским служащим Шока Идилбаевым: а) Согласно распоряжению Высокостепенного, на месте ознакомился со свидетельствами, выданными прежде ханом на владение участками земли киргизам байбактинского рода и каждому из них (всего 8 человек. — С. З.) заново отвел участки с указанием границ. 1840—1841 гг.⁹⁰; б) Свидетельство дано Шомхар Башанбаеву из тайфы бесары рода тана. На месте осмотрел и закрепил за ним участок земли длиной в один верст, шириной в один верст. Границы намечены вехами. Служащий (хана) из караши Шока Идилбаев приложил свою печать⁹¹.

Территория, занимаемая Букеевским ханством, считалась государственной собственностью России, а ее верховным распорядителем было русское самодержавие. Однако царское правительство не вмешивалось в систему землевладения в орде и в сферу деятельности хана в земельном вопросе, считая это внутренним его делом. «Русское государство с самого начала отклонило от себя всякое вмешательство во внутренние дела киргизов по

⁸⁸ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 32, л. 1.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же, д. 25, л. 2.

⁹¹ Там же, оп. 2, д. 42, л. 25.

предмету разверстания земельных угодий между различными родами»⁹².

Система частного и фамильного землевладения, которой были охвачены самые лучшие в хозяйственном отношении и обширнейшие угодья, нанесла ущерб общинно-родовому принципу землепользования у казахов. Участки, оставленные на общее пользование кочевых коллективов, составляли менее $\frac{1}{3}$ площади ханства⁹³. Они находились преимущественно в пустынной и песчано-полупустынной зоне и использовались в основном как летние пастбища малосостоятельными кочевыми коллективами, не наделенными пастбищными массивами на основании особого ханского акта. Эти общинные земли, в свою очередь, распределялись между родовыми подразделениями, имели четкую определенность. Ханыков Я. В. писал, что «кочевья их (казахских аулов. — С. З.) обозначаются бесчисленными, разноименными урочищами»⁹⁴. «Хотя киргизы переходят с места на место, — указывал Э. Островский в 1859 г., — но перекочевки их ограничены известными правилами, так что каждый киргиз пользуется только определенным для него поземельным участком, как для летней, так и для зимней кочевки»⁹⁵.

Земли, отведенные под общее пользование, настолько были малы или неудобны, что ни в какой степени не могли удовлетворить потребности кочующих там коллективов. Преобладающее число аулов так или иначе оказывалось на землях частных владельцев; уходя из одного владения, попадали в пределы владения другого собственника и в конце концов оказались вынужденными платить определенную подать, арендную сумму владельцу угодий за пользование и кочевание на их землях. «...Некоторые роды до такой степени стеснены были в поземельных угодьях, — говорится в одном из очерков о Букеевском ханстве, — что бедным киргизам решительно негде стало пасти свои стада, и они начали искать убежища и приюта у соседних владельцев»⁹⁶.

Крупные землевладельцы постоянно стремились расширить границы своих владений за счет земель мало-

⁹² Медведский Т. Указ. соч., с. 286.

⁹³ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5042, л. 19.

⁹⁴ Ханыков Я. В. Очерк состояния Внутренней киргизской орды..., с. 30.

⁹⁵ Островский Э. Указ. соч., с. 77.

⁹⁶ ЦГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 11, л. 19.

мошных общин, а также за счет внутриобщинных и пастбищных угодий, принадлежащих коллективу.

Зажатые в тиски трудовые массы часто целыми аулами, общинами уходили за пределы ханства в поисках пастбища и оказывались вовлеченными еще в большей мере в сферу феодальных отношений. Казахи переходили в Саратовскую губернию, в астраханские степи, снимали в аренду обширные приморские участки у помещиков Безбородко и Юсупова⁹⁷. На землях последних, по сведениям астраханского губернатора, постоянно кочевала почти третья часть населения орды.

Создавшееся положение вызвало к жизни новые социальные противоречия в аулах, усилило процесс разрушения родовой компактности расселения населения, ослабила патриархально-родовые учреждения и обычные правовые институты. Резко сократилось количество скота. Если в 1822 г. на одну кибитку приходилось по 267 голов разного скота, то в 1840 г. — 153, а в начале 60-х гг. всего 37 голов скота⁹⁸.

В Букеевском ханстве сложилась иерархия землевладельцев. Самым крупным из них был хан. Внизу иерархической лестницы находился шаруа со скромным наделом для зимней стоянки, почти полностью зависимый от феодала, на земле которого он жил. Земля превратилась в объект торговли, злоупотреблений и тяжбленных дел. Сам хан Джангир считал, что 6—7 тыс. семей, т. е. около $\frac{1}{4}$ населения, не имели земли⁹⁹.

Таким образом, в Букеевском ханстве существовали следующие формы землевладения:

владения крупных землевладельцев — ханского дома, султанов, влиятельных биев, перешедших на службу к хану;

владения средних и низовых слоев феодального класса. Как правило, они находились во главе небольшой группы хозяйств, аулов. Зимовки и сенокосные участки,

⁹⁷ Эти владения занимали лучшие угодья по побережью Каспийского моря, между устьями Волги и Урала. Их протяженность составляла 300 верст и в глубь степи от 10 до 35 верст, а всего, по исчислению Астраханской казенной палаты, — 331 942 десятины. Они управлялись приказчиками, и на них в 1825 г. проживало всего 80—90 семей (ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 284, л. 28—29).

⁹⁸ *Алекторов А.* Внутренняя Букеевская орда. — Деятельность, 1887, № 22.

⁹⁹ *Небольсин Г. И.* Указ. соч., с. 235.

отводимые этим хозяйствам, закреплялись за феодалами. В свою очередь, феодал отводил площадь каждому хозяйству, при этом в силу первоначального акта он являлся носителем права собственности на весь участок с вытекающими отсюда последствиями;

владение крестьянского двора. Многие крестьянские хозяйства имели определенный участок, на котором возводили зимнее жилище, иногда косили сено. Крестьянские владения по сути своей были феодальными наделами и связаны с несением «добровольной» повинности;

общинное владение, устанавливаемое на ограниченных районах летних и осенних пастбищ.

Некоторые казахстанские историки процессы, происходящие в области земельных отношений в Букеевском ханстве, считают аномалией в истории кочевого и полукочевого казахского общества. «Существование частных земельных владений в Букеевской орде было временным явлением, оно продолжалось всего 16 лет»¹⁰⁰, — писал В. Ф. Шахматов.

С. Е. Толыбеков утверждает, что система феодального землевладения вообще чужда кочевому казахскому обществу и поэтому земельная действительность в Букеевском ханстве носила исключительный характер. «Вся история кочевого ханства казахов, — пишет он, — не знает никакого сословно-монопольного ханско-султанского землевладения, нам не известен ни один случай прикрепления к земле кочевника-скотовода, т. е. крепостничества»¹⁰¹. Не отрицая наличия феодального землевладения в Букеевском ханстве, он целиком связывает его с волей царского правительства. «Букей и его потомки во Внутренней Букеевской орде приобрели право владельцев на эту землю на основании русского государственного законодательства, а не по древним обычаям кочевого общества казахов»¹⁰². Авторы допускают фактические неточности, а неверные посылы не позволяют им сделать правильные выводы. Землевладение в Букеевском ханстве представляло собой определенный этап исторического развития казахского общества. Это было не временное

¹⁰⁰ Шахматов В. Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964, с. 106.

¹⁰¹ Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата, 1971, с. 389.

¹⁰² Там же, с. 385.

явление, оно не только закреплялось, но и развивалось в последующие этапы истории орды, т. е. это было исконно казахское явление, а не привнесенное русским законодательством.

Исследователи часто оперируют жесткими схемами феодального общества, наиболее характерными для его развитой стадии, такими, как прикрепление к земле и его юридическое оформление, крепостничество, полномочия государей — земельных собственников. В том факте, что казахских ханов в XVII и XVIII вв. не раз покидали кочевые коллективы, С. Е. Толыбеков усматривает их неполновластность: «Если бы казахские ханы были полновластными государями, а кочевники-казахи — крепостными, прикрепленными к земле, находившейся в монопольной собственности у ханов-султанов, то этого могло и не случиться»¹⁰³. Но автор не учитывает того обстоятельства, что феодальные отношения многообразны по форме и не бывает двух форм, похожих во всем одна на другую. Особенно существенно они различаются в кочевых и земледельческих обществах. В первых из них вовсе не обязательно наличие прикрепления непосредственных производителей к земельному наделу и установление на этой основе крепостнических отношений.

Кроме того, нередко внешние, историко-этнические наслоения в общественной жизни казахов вообще, в их земельных отношениях в частности рассматриваются как содержание этих отношений. Подобный подход к проблеме также не позволяет дать ее положительное решение. Известную свободу перемещения кочевых аулов они расценивают как всеобщую свободу в пользовании пастбищами. В отсутствии юридического закрепления угодий за представителями знати видят отсутствие феодального землевладения, в возможностях оставления кочевниками одних кочевых районов и ухода в другие — господство «неограниченной свободы» и «ничейного» права на пастбищные угодья, которые якобы оставались характерными для феодального казахского общества на всем протяжении его истории.

Земельные отношения в Букеевском ханстве не представляли принципиально нового явления в истории Казахстана, но здесь они получили более глубокое и ускоренное развитие, выступали в несколько очищенном от

¹⁰³ Там же, с. 389.

патриархальных наслоений виде, к тому же они получили четкое властноправовое оформление как системы феодальных и лично-крестьянских владений. Выданные на землевладение ханские ярлыки не устанавливали каких-то новых, ранее не известных в казахском обществе отношений. В земельных отношениях было узаконено то, что уже сложилось и фактически существовало в казахском феодальном обществе, но только в более размытой форме¹⁰⁴. Этой точки зрения придерживаются многие крупные исследователи истории дореволюционного Казахстана¹⁰⁵.

Ослабление патриархально-родовых учреждений и связей населения

Одной из характерных черт общественных отношений казахов была живучесть учреждений родоплеменной организации, пронизывающих все сферы жизни общества и быта населения. Более или менее свободной от патриархальщины областью общественных отношений были политические, а в них — властно-политические. Народные собрания, сходы, советы старейшин в рассматриваемый период в значительно измененных формах сохранились лишь в низовом звене управления — в аулах, в таких подродовых подразделениях ата-баласы, болим. На уровне ханской власти они давно перестали играть какую-либо роль и если изредка созывались, то в порядке соблюдения утвердившихся формальностей (например, при избрании нового хана). Менее важные старые установления в сфере управления, приспособленные к политике хана и султано-бийской знати, продолжали еще играть определенную роль.

Несмотря на известное ослабление патриархально-родовых учреждений, традиций и обычаев в целом и даже разложение отдельных их звеньев, к началу XIX в. они еще оставались существенными факторами в общественной идеологии и сознании народа, в социальных отношениях и в сфере общежития, в связях между членами

¹⁰⁴ Подробнее см.: *Зиманов С. З.* Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958, с. 129—183.

¹⁰⁵ См.: *Вяткин М. П.* Очерки по истории Казахской ССР. 1941, с. 348; *Бекмаханов Е. Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 68—70.

общества и в быту казахского населения. На фоне ускоренного изменения внешнеполитического положения Казахстана и переустройства внутренней жизни народа, в результате активного и все возрастающего влияния на нее колониальной политики царского правительства и проникновения в глубь степи русского капитализма патриархальные установления и нормы изменялись медленно, болезненно.

Патриархальные учреждения своими корнями уходили в отсталое кочевое и полукочевое скотоводческое хозяйство и в родовую номенклатуру, лежащую в основе социального деления населения. Местная феодальная знать цепко держалась за старые традиции и учреждения и прикрывалась ими для проведения своей воли и угнетения трудовых масс. Запутанные сетью патриархальщины в быту и в общественной жизни скотоводы-шаруа воспринимали патриархально-феодальные отношения как predetermined раз и навсегда. Они не только не сознавали тяжесть родо-племенных пережитков, а следовательно, и не поднимались в своем развитии до критического отношения к ним, но в ряде случаев даже выступали с протестом против крутого изменения официальной властью некоторых сторон родоплеменных традиций и институтов, не угодных, с точки зрения интересов царского правительства, и перешедших к нему на службу феодальных группировок.

В Букеевском ханстве, как и в Младшем жузе, всецело сохранялось родовое деление населения. Считалось, что ханство состоит из 20 родовых групп, основная масса которых кочевала в Зауральской степи. Официальный учет населения, его обложение и управление велись по родам. Каждый род продолжал иметь свой боевой клич (уран), свое знамя, под которым при необходимости собирались сородичи. Правда, многие из этих атрибутов больше относились к области традиции.

Каждый род имел отделения (тайфы, аймак — около 140), а отделения, в свою очередь, — подотделения (тобе, атабаласы — около 400). Низовым объединением населения был аул, включающий от 2—3 до 15—20 семей каждый. Число аулов в Букеевском ханстве в 40-х гг. XIX в. насчитывалось не менее четырех тысяч.

Родовая структура общества в Букеевском ханстве испытала ряд ударов. Наиболее ощутимым было изменение

ностях, разделенных владениями других кочевых коллективов. В документах дана следующая его характеристика: «51 хозяйство находится в песках Изтай и занимает там угодья длиной около 14 и шириной 5 верст, три семьи кочевали вместе с одним султаном; 30 семей занимают в песках Жиделы участок длиной 7 верст и шириной 3 версты; 6 хозяйств кочуют в песках Кулжахан и занимают землю в длину 2, в ширину 1 версту. Наконец, одно хозяйство находится в песках Айгыр»¹⁰⁸. Подотделение коссала этого же рода состояло из 64 семей-хозяйств, которые кочевали на 5 разделенных участках. Пять его хозяйств занимали урочище Тулеп длиной 7, шириной 3 версты, а другие 35 семей занимали в песках Рза пастбища длиной 5 и шириной 3 версты, 23 хозяйства находились на Камыш-Самарах на небольшом участке длиной 1 и шириной $\frac{1}{2}$ версты. Одно хозяйство находилось на Айгыр-Кумах, а три других вообще не имели определенных мест кочевания¹⁰⁹.

Такое положение, когда низовое подразделение рода (атабаласы или подотделение) не имело единой территории и хозяйственного цикла, вело к разрушению объединенного коллектива и к падению общественной роли старых отношений, унаследованных от общинно-родового строя.

При всем том патриархальная идеология в общественной жизни казахского населения была еще достаточно сильна. Кроме еще не слились с родами, среди которых они находились и от которых зависели. Они сохраняли право называться именем своего рода и в определенных случаях искали защиту и помощь у своих родовых групп, где бы они не кочевали и как бы далеко от них не находились. Родовые представления были наиболее консервативны.

Ослабление патриархально-родовых отношений в известной степени способствовало росту самосознания трудовых масс, осмыслению социальной действительности. Об этом свидетельствуют народные выступления, влившиеся позднее в первое в истории Казахстана крестьянское восстание, известное как движение Исатая Тайманова.

¹⁰⁸ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 552, л. 1—3.

¹⁰⁹ Там же, л. 4—5.

Расширение торгово-рыночных отношений

По мере усиления политического влияния русского государства в Казахстане и его продвижения в глубь степи расширялись торгово-рыночные отношения. Торговля и связанные с нею денежные отношения становились значительными факторами и существенными составными элементами социально-экономической жизни внутри самого казахского общества.

Но в различных частях и зонах Казахстана развитие товарно-денежных отношений шло неравномерно. Относительно активно втягивались в них пограничные районы, отдельные родовые коллективы, аулы и семейства, расселенные в зоне наибольшего влияния колониальной политики царского правительства, и намного слабее глубинные районы степного края¹¹⁰.

Несмотря на заметное расширение торговли, обменных и товарно-денежных отношений в целом, в их структуре обменные отношения, т. е. форма «товар — товар», почти без участия денежного эквивалента, оставались преобладающими, за исключением пограничных с Россией районов и городских ярмарок преимущественно в тех же районах. В 1846 г. поручик Аитов доносил, что в Младшем жузе (имелись в виду глубинные районы) «у киргизов не имеются в обращении деньги; они сбывают вещи своего произведения и скот променом на другие вещи и другого рода скот, в коем они имеют потребность»¹¹¹. В донесении Беглова (1846) говорится, что «торговля ордынцев в степи с посторонними народами производится через выменивание своих избытков на чужие произведения»¹¹². О меновом характере торговли в Зауральской казахской степи говорит и известный исследователь А. Левшин (1822): «У киргиз-кайсаков она (торговля. — С. З.) еще находится в том первобытном виде, которая имела у всех народов во время их младенчества. Короче сказать, она заключается не в

¹¹⁰ Рассматривая развитие товарно-денежных отношений в казахском обществе, мы исходим из местных масштабов, характерных для этого кочевого и полукочевого патриархально-феодального общества с соответствующей социально-экономической структурой.

¹¹¹ Материалы по обычному праву казахов, т. 1. Алма-Ата, 1948, с. 81.

¹¹² Там же, с. 86.

продаже или покупке, но в мене одной вещи на другую»¹¹³.

Иначе развивалась торговля в Букеевском ханстве. Здесь два обстоятельства имели существенное значение в развитии товарно-денежных отношений: территориальная близость орды к промышленным и торговым центрам России и безопасность путей сообщения между Россией и ордой, с одной стороны, торгово-покровительственная политика ханской власти и пограничных органов в этом регионе — с другой. В ханстве товарно-денежные отношения развивались не только гораздо интенсивнее, но и повсеместно. Здесь как бы в чистом виде наблюдаются процессы, связанные с царской колонизацией в области торговли. Во всяком случае к 40-м гг. употребление денежных эквивалентов в торговле становится уже преобладающим, а натуральные повинности стали вытесняться денежными.

Применительно к Букеевскому ханству можно говорить уже о вовлечении масс казахского населения в рыночные отношения. Определенные изменения в хозяйственном укладе и быте народа, развивающийся процесс оседания кочевников, влияние культуры соседних оседлых жителей обусловили возрастание внутренней потребности в рыночных товарах. Ханская власть, проявлявшая особую заинтересованность в развитии торговли, основанной на денежном эквиваленте, серией мер еще более усилила вовлечение масс в эти отношения.

В глубине ханства, в кочевьях крупных родовых объединений возникли значительные торговые центры, которые прежде функционировали только в пограничной с Россией зоне, при городах и пунктах, основанных и населенных русскими и другими оседлыми народами. Основной формой ведения торговых операций в кочевьях, казахских аулах оставалась развозная, подводно-вьючная, преимущественно мелкими товарами и в незначительных размерах.

Ведущим и самым значительным торговым пунктом в ханстве являлась Ханская ставка, при которой в 1833 г. была учреждена ярмарка, скоро превратившаяся в одну из наиболее крупных ярмарок во всем Казахстане, включая сюда меновые дворы в Оренбурге, Омске и Астраха-

¹¹³ Левшин А. Указ. соч., с. 216—217.

ни. Она действовала во всем объеме весной (с 15 апреля по 15 мая) и осенью (с 15 сентября по 15 октября).

Местное население привозило на ярмарку скот и скотоводческую продукцию (шкуры, шерсть, сало и т. д.), а иноземные торговцы доставляли промышленные товары (преимущественно ткани, выделанную кожу) и хлеб. Как видно, в торговых статьях казахов преобладали бараны, которых пригоняли на весеннюю и осеннюю ярмарки при Ханской ставке от 70 тыс. до 180 тыс. голов ежегодно.

О степени реализации и видах товаров на ярмарке можно судить из следующих данных.

На весеннюю ярмарку при Ставке в 1856 г. было пригнано казахами более 100 тыс. баранов, вырученная сумма от них составляла почти половину всей местной выручки. Скот и скотоводческая продукция на ярмарке раскупались полностью, а привезенные иноземные промышленные товары реализовывались на 60—70, хлеб — на 100%. Казахское население на этой ярмарке от продажи скота и его продукции имело выручку 863 316 руб. серебром, а потратило на приобретение промтоваров и хлеба 297 411 руб., т. е. $\frac{1}{3}$ полученной суммы. Правда, так было не всегда — в отдельные годы приобретение превышало сбыт. Постепенно казахи научились накапливать деньги, поскольку вносить подати деньгами, а не скотом было выгоднее. Кроме того, они часто ездили в соседние русские губернии за товарами и хлебом, за которые удобнее было расплачиваться деньгами, чем пригнанным с трудом туда скотом и его продукцией.

В 40-х гг. Ханская ставка превратилась в полном смысле слова в купеческое селение. Большинство ее жителей составляли купцы и коммерсанты. В 1846 г. из 89 домов 31 принадлежал торговцам. При них находилось 46 пристроенных лавок, 19 кладовых помещений для товаров. Один из купцов имел оборот 30 000, двое других — от 2500 до 3000, трое — от 1500 до 1800, торговый оборот 16 чел. колебался от 100 до 500, а остальные — от 25 до 75 руб. серебром¹¹⁴.

В 50-х гг. XIX в. у некоторых купцов оборотный капитал достигал полумиллиона рублей. Сам хан Джангир имел значительные торгово-деловые связи и высту-

¹¹⁴ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 2350, л. 489—491.

пал заодно с русскими купцами Измайловым и Портновым¹¹⁵. Он держал при себе специального приказчика по торговым делам¹¹⁶.

Ярмарки и сезонные торговые пункты действовали и в ряде местностей пограничной зоны, и в глубине степи. Среди них были значительные. Так, осенью 1851 г. на ярмарку вблизи Новоузенска жители орды пригнали: 14 тыс. голов лошадей, 3 тыс. рогатого скота, 70 тыс. баранов; привезли: 1500 пудов сала, 6500 штук шкур и 3 тыс. штук кошм. Сверх того, как говорится в донесении с места, «киргизами было привезено наличными деньгами 100 тыс. руб. серебром»¹¹⁷. Ими было продано скота и его продукции на 87 786, а куплено товаров и хлеба на сумму 187 786 руб. серебром¹¹⁸.

Главными покупателями казахского скота были гуртовщики Московской, Тамбовской, Саратовской, частью Симбирской, Пензенской и Казанской губерний, казаки Уральского войска и немцы-колонисты Саратовской губернии. Сами казахи на вырученные деньги закупали хлеб, выделанные кожи, шелковые и бумажные ткани, бархат, парчу, бухарские и хивинские халаты, сукно, холст, сахар, чай, железные изделия, деревянные принадлежности для кибитки.

Удобство и выгода ведения торговли в степи привлекали в орду большую массу людей с товарами. Только на одной весенней ярмарке при Ханской ставке было в 1846 г. до 1183 приезжих торговцев, а среди них — 87 купцов II и III гильдии. В 1847 г. их было уже 1500 человек¹¹⁹. Эта ярмарка была столь обширна, что на ее территории действовали около 300 постоянных лавок, построенных торговцами.

Значительные торговые операции производились по Узенской линии вблизи Глининского форпоста, по Ураль-

¹¹⁵ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 15, л. 30.

¹¹⁶ Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, д. 6488, л. 10.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Евреинов А. Указ. соч., с. 69.

¹¹⁹ Евреинов А. Указ. соч., с. 69; В правилах торговли, составленных ханом Джангиром, предусматривалось: «Чтобы обеспечить капитал торгующим, он (хан) обязывается по предварительной сделке купца с подвластным ему ордынцем в случае, если последний не имеет наличного скота или денег, давать первому расписку за своим ручательством. Если бы киргизец и не явился для уплаты в срочное время, без всякой проволоочки платит хан».

ской линии — от крепости Кулагинской до г. Гурьева, по берегу Каспийского моря и при Елтонском озере. Сложились торговые пункты внутри кочевьев казахов. Так, в урочище Уялы пришлые торговые люди в летнее время закупали до 75 000 баранов, в урочище Чапчаги — до 50 тыс. голов. Население пригоняло много скота и привозило продукцию животноводства на ярмарки Оренбургской и Саратовской губерний.

Возрастание роли рынка в жизни казахского населения имело ряд последствий, наложивших отпечаток на структуру и направление хозяйства, на социальные отношения. Повсеместное распространение получило развитие долговых отношений. Продажа товаров в долг, являвшаяся весьма редким явлением в прошлом, получила широкое распространение. Этому способствовали не только потребности местного населения и его расширяющаяся зависимость от рынка, но и ограниченность денежных эквивалентов, находящихся в обращении, которыми могли бы расплачиваться покупатели за приобретенные товары, и то, что казахское общество еще не имело опыта подобных отношений и не испытало их разрушительной силы. Местное население еще не представляло себе отрицательных последствий долговых отношений, и это было на руку кредиторам. Начиная с 1805 г. появляются сообщения об оставлении купцами товаров в долг казахам. Некий татарин Кадыров в 1806 г. отдал товаров «Умурзакову Касрану с его товарищами» из рода берш на 4 тыс. руб.¹²⁰ Купец Давид Измайлов в 1822 г. доносил, что «подвластные меньшей киргизской орды султану Шигаю Нуралиханову состоят мне должными по документам и без оных за полученные товары значительною суммою денег»¹²¹. В 1826 г. купцу Али-Аскеру Раджабову 16 казахов были должны 2049 руб.¹²² Почти каждый лавочник на ярмарке при Ханской ставке, а их было к середине XIX в. более 300, имел долговую книгу с именами сотен должников¹²³.

Кредиторами, за отдельными исключениями, являлись иноземные купцы и торговые люди. В начале 20-х гг., когда продажа товаров в долг стала получать заметное

¹²⁰ Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, д. 1158, л. 1.

¹²¹ Астраханский облархив, ф. 1, оп. 16, д. 240, л. 1.

¹²² ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 68.

¹²³ Там же, оп. 2, д. 80, л. 67.

распространение в ханстве, кредиторы, опасаясь неисправности должников, предпочитали действовать через ханскую канцелярию, родоправителей и старшин как поручителей, которые, в свою очередь, проявляли заинтересованность и даже поощряли такие отношения. Ханствующий султан Шигай 28 января 1822 г. дал так называемый открытый лист татарину Кажаяеву «для сбора долгов в управлении моей с киргиз-кайсаков с продажи товару»¹²⁴. В другом открытом листе, данном им 30 апреля того же года, говорилось, что выдан «астраханскому купцу Михайлову, сыну Элирову в том, что находящийся под управлением моим киргизец кордаринского рода Асан дал ему, Элирову, на татарском диалекте письменное обязательство в том, чтобы он на имеющийся на нем долг за взятый из лавки его товару на сумму 2600 руб., которого после зимы он — Асан — ему — Элирову — заплатит в 50 дней. А буде сего не уплатить, то по истечении он — Асан — поступит к нему — Элирову — в услужение со всем его семейством»¹²⁵.

Проливает свет на политику хана в торговых делах и другой документ. 1 августа 1824 г. хан Джангир дал свидетельство следующего содержания: «...позволяю Дубовского посада купцу Степану Бондареву и его уполномоченным приказчикам отныне впредь сколько он пожелает по всей подвластной мне орде производить всем киргизцам продажу всякого доставляемых из российских городов товаров за наличные деньги, на мену. По уважению сего через сие подтверждаю всем киргизцам, кто только за взятый у него, Бондарева, и его приказчиков товар ему одолжится, расплачиваться с ним честно... Для обзаведения торгового ево юрта землянкою и сараями, где он приличным найдет. На толику землянки рубить дрова и пользоваться покосом, где надобность потребует... За неуплатеж должниками на срок долгов после срока взыскивать ему, Бондареву, вдвое»¹²⁶.

В этих документах отражены покровительственная политика центральной власти и стремление ее в какой-то степени упорядочить долговые операции, постепенно ускользающие из-под контроля.

¹²⁴ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 16, л. 3.

¹²⁵ Там же, л. 16.

¹²⁶ Там же, д. 16, л. 19.

На должников заводились кредиторами особые, так называемые долговые книги, долговые расписки. Получает распространение заключение устного, «обещательного» соглашения, основанного на длительном знакомстве сторон и взаимном их доверии друг другу. Так, титулярный советник Уманцев в 1830 г. подал жалобу о том, что казах Юлдабай из рода ногай, получив товар под расписку, не возвращает ему долг¹²⁷. Купец III гильдии Д. Разоренов в 1840 г. предъявил четыре групповые расписки казахов о получении ими товаров в долг на 300, 857, 300 и 300 руб. серебром¹²⁸. В записях купца из Астрахани Курманалиева к 1852 г. имелись следующие данные о должниках, взявших товаров у него: «старшина Дюсембай — на 4 р. 20 к. ассигнациями, старшина Мекен — на 33 р. 80 к., Бектешев — 6 р. 1 к. и другие, всего более 20 чел. на сумму 2310 руб. ассигнациями, или 660 руб. серебром¹²⁹.

Должники оплачивали товары как деньгами, так и натурой — скотом. При обменной долговой операции за единицу оплаты брался ягненок-марха и товары давались под ягненка. Долги собирались кредиторами осенью. Это создавало широкие условия для неэквивалентной торговли и злоупотреблений со стороны купцов.

Всемерный рост торговли и активное проникновение товарно-денежных отношений во внутренние отношения кочевых аулов, неэквивалентный обмен и своеобразная форма продажи товаров торговцами в долг под скот местному населению привели к усилению эксплуатации масс по торговле и долговых отношений, к возрождению института ссужения денег под высокие проценты. В одном из донесений 1829 г. сказано, что многочисленные приезжие купцы и их люди развозят товары «по всем аулам и меняют на скот, на баранов, но большей частью отдают в долг, отчего киргизы входят в большие долги».

Долговые отношения со временем стали запутанными и породили массу жалоб как со стороны кредиторов, так и со стороны должников. Хан и Оренбургская пограничная комиссия не раз брались за расследование конфликт-

¹²⁷ Там же, д. 16, л. 32.

¹²⁸ Там же, оп. 2, д. 109, л. 5—8. Для сравнения можно указать, что стоимость одного барана на внутренних ярмарках в этот период колебалась от 1 р. 50 к., до 4 руб. серебром.

¹²⁹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 144, л. 8.

ных ситуаций, порожденных этими отношениями, и пытались разработать меры, ослабляющие их остроту. Один из посланников хана, побывавших в кочевьях аулов, в 1827 г. доносил, что многие астраханские торговцы «пораздавали в долги киргизцам свои товары, а после того не могут за оный выручить своего прибытка»¹³⁰. О казахских аулах, расположенных по соседству с линией Уральского казачьего войска, он далее писал, что и там «в разное время киргизцы забирали у жителей тамошних в долг как хлебом, так и разными товарами, с положенным на то между ими сроки». А между тем из-за того, что кредиторы злоупотребляли правом требовать долг, и многие должники не в состоянии были оплатить долг, как писал ханский чиновник, «выходит большая ссора». В качестве меры, предотвращающей споры и взаимные обвинения между сторонами в долговых отношениях, он предлагал хану «дать знать правителям Российских начальств о том, что торгующие разного сословия купцы в местах киргизских не решались бы в долги товары свои отдавать киргизцам»¹³¹. Однако долговые отношения остановить было уже невозможно.

Проникновение торгового капитала в казахское общество вызвало к жизни социальную прослойку людей, постоянно связанных с товарно-денежными отношениями — алып-сатар, саудагер. Чаше всего они были посредниками. Из вторых рук, иногда в Астрахани, Саратове, в Уральске они покупали товары для последующей реализации их по более высоким ценам среди кочевых аулов. Другая их часть занималась перепродажей скота. Хан Джангир в 1835 г. писал, что в городах Астрахани, Саратове «мена идет особливо и столько же значительно, если не более, чем при Ханской ставке»¹³². Советник Временного совета по управлению Внутренней ордой, учрежденного после смерти хана, Салих Бабаджанов также замечал, что некоторые казахи «гонят... верблюдов в Оренбург, где выручают денег в полутора раз более местной продажи», и что им известны «все ярмарки кругом орды верст на 90»¹³³.

¹³⁰ Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв. (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1964, с. 225.

¹³¹ Там же.

¹³² Алекторов А. Из письма хана Джангира к графу Перовскому. — Астраханский листок, 1892, № 258.

¹³³ Бабаджанов С. Указ, соч.

Торговцы из казахов, выполняющие роль посредников, связывали приезжих купцов с непосредственными владельцами скота или с потребителями товаров. Некоторые получали у купцов товары на комиссию, т. е. с обязательством уплатить стоимость после их реализации. Сенатор Энгель, побывавший в ханстве в 1827 г., писал, что «...беспрерывно разъезжают по орде купцы и даже киргизы с товаром, взятым от купцов на комиссию»¹³⁴. К 40 гг. среди мелких торговцев уже выделялись люди с самостоятельным торговым капиталом. «Нередко, в особенности весною, отправляются из главных мест линии небольшие караваны с навьюченными на лошадях товарами, состоящими большей частью из мелочи и на небольшие суммы, так что весь капитал киргизского торговца состоит из 20 руб... впрочем этого достаточно, чтобы проложить путь к богатству, потому что выгоды от этого мелочного торга обычно составляют 100 на 100»¹³⁵. Со временем некоторые из них становились владельцами солидных оборотных средств¹³⁶.

Сам хан Джангир превратил торговлю в одну из статей дохода ханского дома. Он имел людей из приезжающих торговцев, именовавшихся комиссионерами хана, которые доставляли ему нужные товары и за это получали от хана денежное пособие и право вести беспрепятственную торговлю в орде¹³⁷. Приказчик хана Тругустан Байзаков, в свою очередь, имел людей, ведших развозную торговлю по кочевьям¹³⁸.

Близко стоявший к ханскому дому Караулходжа Бабаджанов в 1817 г. заключил договор с княгиней Багратион о составлении «общего капитала для торговли хлебом и скотом». Княгиня на внесенную свою долю 11 697 руб. получила в 1818 г. с прибыли 15 706 руб. дохода¹³⁹. Бабаджанов развернул настолько активную торговую деятельность, что к 1822 г. его должниками стали султан Куваныш Джаналиев, султан Палван Джаналиев, старшина Исатай Тайманов¹⁴⁰. Однако таких торговых домов было немного в Букеевском ханстве.

¹³⁴ Материалы по истории Казахской ССР, с. 293.

¹³⁵ Рязанов А. 40 лет борьбы..., с. 285.

¹³⁶ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 38, л. 273.

¹³⁷ Медведский Т. Указ. соч., с. 331.

¹³⁸ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 26, л. 185.

¹³⁹ Там же, оп. 2, д. 25, л. 44.

¹⁴⁰ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 16, л. 23.

Проникновение товарно-денежных отношений в глубь казахских степей в единстве с общим процессом развития феодальных отношений породило новые формы зависимости беднейшей части населения. «Уступка» баями скота в пользу бедных сородичей для покрытия потребности последних через рынок была новой формой их закабаления. Семьи, вовлеченные в сферу этих отношений, лишались права оставления феодальных владений и превращались в лично зависимых людей.

Вовлечение массы населения в рыночную сферу серьезно подтачивало основы сохранившегося еще натурального хозяйства и пережиточных родовых отношений. Обострялись социальные отношения, что выражалось в выступлениях масс. Одной из форм протеста была откочевка скотоводов-должников значительными группами из своих кочевий. Один из чиновников Оренбургской пограничной комиссии писал, что казахи «входят в большие долги и впоследствии для избежания оных изыскивают случаи перейти за Урал тайно»¹⁴¹. Восставшие крестьяне во главе с Исатаем свой гнев направили в первую очередь против феодалов-кредиторов, какими, например, являлись Караулходжа Бабаджанов. Ханская власть, обеспокоенная последствиями долговых отношений, вынуждена была ограничить пределы распространения долга. Она установила, чтобы купцы «давали в одолжение подвластным киргизам товары с ведома (его) или родоправителей, и на законных актах»¹⁴². Пытаясь упорядочить долговые операции, ханская власть установила в отношении неисправных должников жесткие санкции: описание имущества должника¹⁴³, поступление в услужение со всем семейством кредитору¹⁴⁴ и др.

В торговых сделках с казахами активной стороной выступали в основном чиновники из пограничных властей, имущие слои Уральского казачьего войска, крупные и мелкие купцы и торговцы, которых привлекала широкая возможность легкой наживы. Населению орды они сбывали низкокачественные товары по максимально высоким ценам.

¹⁴¹ Цит. по.: *Аспандияров. Образование Букеевской орды и ее ликвидация*. — Канд. дис. на соиск. учен. степени наук. М., 1948, с. 118.

¹⁴² ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 71.

¹⁴³ Там же, ф. 78, оп. 2, д. 114, л. 25.

¹⁴⁴ Там же, оп. 1, д. 16, л. 6.

Неэквивалентный обмен товаров служил источником огромных доходов купцов. Один из правительственных чиновников после инспекторской поездки по орде вынужден был признать, что на Узенской линии «главное участие в сей торговле имеют обыкновенно местные начальники. Торговцы покупают товары в Уральске из третьих рук и променивают киргизцам всегда по высоким ценам и с довольно отяготительными условиями»¹⁴⁵. Наглядным примером этого могут служить данные, приводимые начальником таможни в Среднем жузе купцом Чернявским: «Чугунный котел менялся на меха, причем за каждую азиатскую четверть (5 вершков) в окружности брали одну лисицу или четыре корсака, или три-пять лучших тулупных мерлушек. При таком обмене котел весом в один пуд, имевший в окружности 10—12 четвертей, в переводе на деньги стоил около 50 руб., а покупался он на Ирбитской ярмарке за 2 р. 70 к.»¹⁴⁶. Не удивительно поэтому, что мелкие приезжие торговцы за короткий срок превращались в купцов с значительным капиталом. Купец III гильдии Д. В. Медведев, поселившись в Ханской ставке со времени ее основания, вступил в торговлю, имея только 30 руб. серебром, и в течение 20 лет довел эту сумму до 25 000 руб. серебром¹⁴⁷. Астраханский купец Д. Измайлов, начав самостоятельную торговлю в начале 1817 г. с капиталом в 64 000 руб., в том же году имел уже в обороте капитал в размере 1 195 000 руб., из коих 250 000 руб. принадлежали ему лично¹⁴⁸.

Ханская власть, всецело состоявшая на службе у царского правительства, ревностно проводила политику превращения Внутренней орды в сырьевой придаток российской промышленности. Она поощряла пребывание купцов, предоставляла им возможность беспрепятственной реализации товаров, устанавливала незначительные торговые пошлины.

Одним из последствий развития торгово-экономической связи населения Букеевского ханства с Россией было растущее общение с представителями трудовых слоев русского народа. В процессе торговли казахи встречались не только с купцами и торговыми людьми, но вели

¹⁴⁵ Материалы по истории Казахской ССР, с. 293.

¹⁴⁶ Там же, с. 4.

¹⁴⁷ Киттары М. Указ, соч., с. 177.

¹⁴⁸ Шахматов В. Указ, соч., с. 69.

оживленные обменные и эквивалентные операции с русскими крестьянами, которые на основе отношений соседства продукты своего производства (главным образом, хлеб) променивали на скот и продукцию скотоводства. Только в весенней ярмарке при Ханской ставке в 1846 г. участвовало 719 государственных и помещичьих крестьян¹⁴⁹. Заметный рост торговых и хозяйственных контактов с русскими крестьянами способствовал установлению деловых, духовных и идейных контактов между двумя народами.

Социальные отношения и их обострение

Между султанами и родовой знатью испокон века велась борьба за влияние и власть в кочевых коллективах. Время работало в пользу родовой знати. Султанам так и не удалось захватить власть в родовых подразделениях, хотя они постоянно доминировали в системе центральной власти.

Срастание верхушки родовой знати с султанами происходило и раньше, но касалось небольшой, наиболее богатой части родовой знати, тянувшейся за султанами и делившей власть с ними. С конца XVIII в., особенно с первой четверти XIX в., такое явление стало повсеместным. Причем изменился характер такого слияния. Теперь уже султаны опускались до средней и мелкой родовой знати. Правда, группа султанов, входившая в ханский дом или связанная с ним, по-прежнему олицетворяла аристократическую верхушку казахского общества, хотя былого престижа и влияния в обществе уже не имела.

Султанские семьи, лишённые власти и нередко опустившиеся до рядовых кочевников, были настолько многочисленны, что в Букеевском ханстве они образовали особое хозяйственно-кочевое объединение — род султанов, который мало чем впоследствии отличался от других казахских родов, хотя пользовался некоторым покровительством со стороны ханской власти и незначительными привилегиями.

Центральной фигурой в среде феодальной знати в Букеевском ханстве стал пастбищевладелец. Образовалась иерархия землевладельческой знати, среди которой

¹⁴⁹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 38, л. 296—297.

были крупные, владевшие до 400 тыс. десятин угодий. Таким образом, в Букеевском ханстве иерархия скотовладельческой знати дополнилась иерархией землевладельческой знати, вернее, на их базе появилась новая социальная прослойка — знать, владевшая землей и скотом на правах личной собственности. Не все, однако, представители феодальной знати владели землей-пастбищами на основании грамот ханской власти. Привилегией земельного «собственника» пользовались в основном те, кто перешел на службу к хану, поддерживали и проводили его политику в кочевых и полукочевых коллективах.

Формирование иерархии землевладельцев-скотовладельцев внесло изменение в структуру традиционных в казахском обществе социальных отношений. Усилилась эксплуатация шаруа, прежде четко прикрытая патриархально-общинными формами. Теперь земельные отношения стали основными в социальных отношениях.

Если раньше бедняки кедей, жарлы, консы в кочевом казахском обществе ассоциировались исключительно с бесскотными и малоскотными хозяйствами, то теперь под ними понимались и безземельные и малоземельные семьи. Если раньше благосостояние рядового кочевника шаруа, обладавшего в той или иной мере хозяйственной самостоятельностью, определялось по численности принадлежащего ему скота, то теперь на первый план выдвинулся фактор владения пастбищным участком.

Отношения пользования пастбищными, покосными угодьями и участками для зимней стоянки стали в Букеевском ханстве сосредоточением социальных противоречий, источником социальных конфликтов, фактором, определяющим состояние ханства.

В Букеевском ханстве в несколько раз было больше безземельных и малоземельных, чем бесскотных и малоскотных хозяйств. Это, с одной стороны, не могло не наложить отпечатка на структуру и механизм эксплуатации и закабаления трудовых масс, а с другой — намного усилило процесс социальной поляризации в обществе. Не обеспеченные землей и скотом шаруа шли к богатому сородичу или просто к владельцу обширных угодий и скотовладельцу. Часть их превращалась в придаток хозяйства последних, часть пользовалась чужим пастбищем за плату, за обязательства обслуживать хозяйства

владельца. В одном из отчетов говорилось, что «многие не только из султанов, биев или старшин, но и из простых киргиз на основании предписания хана владеют поземельными участками в столь обильном количестве, что при избытке представленных им земель, располагают ими по собственному своему произволу, допуская к кочеванию на этих землях тех или иных киргизов, или сгоняя их по личным часто и побуждениям и расчетам»¹⁵⁰.

Узурпация влиятельной знатью небольших общинных земель, еще сохраненных за аульными и подродовыми коллективами, в Букеевском ханстве приняла широкий размах. Этому способствовала не только политика царского правительства, поощрявшая частное феодальное землевладение, но и то обстоятельство, что земля все больше превращалась в основной и непосредственный источник извлечения материальных выгод и расширения феодального хозяйства. Группа аульных предводителей в 1853 г. жаловалась Временному совету: «Старшины адаева рода Саугабай Умбетов (на имя которого был выдан документ) и Сыпра Сариев, насильно присвоив все земли, представленные нам по документу для летней и осенней кочевки, ежегодно продавали за оброк нам самим наши же земли; начиная с 1846 г. по 1851 г. и в продолжение этого времени старшины Сыпра Сариев и Утамбек Сагубаев, Азберген Умбетов, Жаулыбай Нуртаев, Кубен Илемесов и Ектурган Таджиков ежегодно собирали с нас и подведомственных киргизов оброк — верблюдов, лошадей, деньги и другие вещи»¹⁵¹. М. Иванин писал, что «...появилось у киргизов неслыханное у них до того право, сходное с оброчным состоянием наших (русских. — С. З.) крестьян»¹⁵².

Казахское общество не было земледельческим. Основной и ведущей отраслью народного хозяйства оставалось скотоводство, для которого пастбищное пространство было неперменным и главным условием. Скот был непосредственным мерилем и источником благосостояния семьи. Оформление феодальной поземельной собственности еще более сосредоточило в руках немногих — хана, султанов, старшин, биев, баев и других представи-

¹⁵⁰ ЦГА КазССР, ф. 1, оп. 1, д. 3189, л. 2.

¹⁵¹ Цит. по кн.: *Шахматов В.* Указ. соч., с. 48.

¹⁵² *Иванин М.* Указ. соч., с. 18—19.

телей феодального класса — основной массы скота. Например, султану Джанбубеку Бигалиеву принадлежало одних лошадей 2300 голов, бай Руслан и Дюсен Жетибаевы имели в своем владении по 2000 голов лошадей, бай Карымсак Саржалин — 1500, султан Тауке Букейханов — 1000, старшина Маулиберды Жарылганов — 1000 голов лошадей¹⁵³. Сам хан Джангир являлся крупным собственником — имел 4274 головы лошадей, 232 верблюда, 719 голов рогатого скота и 17 097 баранов.

Большинство населения находилось в зависимости от крупных владельцев земель и скота. Так, например, 26 хозяйств из тайфы кияк рода жаббас имели всего 125 голов крупного и мелкого скота. В отделении байбатша тайфы караул того же рода было 49 семей. В официальных сведениях, составленных старшиной отделения, 26 семей, более половины членов коллектива отнесены к числу нищих (байгушей). Бедность их была настолько велика, что они были освобождены от обложений. Среди этих байгушей 11 семей не имели лошадей, 2 семьи совсем не имели скота. Остальные располагали преимущественно мелким скотом — от одной до 20 голов. Большинство тех хозяйств, которые не причислены к ряду нищих, были малоскотными, не способными существовать в полной мере самостоятельно. Так, 15 семейств из 23 в своих хозяйствах имели от 5 до 10 голов крупного и от 10 до 30 голов мелкого скота. Среди членов коллектива были относительно зажиточные. Так, во владении двух хозяйств имелось по 100 голов скота¹⁵⁴. Точно такое же положение наблюдалось и в других подразделениях рода.

Основная масса феодально зависимого населения объединялась под названием шаруа, шаруа-кедей, или просто кедей. Наиболее пауперизованную часть людей называли консы, байгуш. Шаруа имели некоторое число скота, а иногда и небольшие наделы для зимования и сенокосения. Среди них были и обеспеченные. Все они кочевали в составе аула более богатого родича. Они помогали ему в хозяйстве, пользовались его «помощью», несли в его пользу официальные и неофициальные повинности. В Букеевском ханстве среди зависимого населения обладали кедей — люди, которые не имели хозяйственной

¹⁵³ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 14, л. 26.

¹⁵⁴ Там же, д. 123, л. 26.

самостоятельности и во всем полагались на «помощь» зажиточных и обеспеченных одноаульцев, сородичей с вытекающими отсюда для них последствиями. Положение байгушей и консы было еще более плачевным. Они представляли собой степных пауперов в самом прямом смысле этого слова, превратившихся в постоянные придатки хозяйства знати. Они работали поденно у прилинейных жителей, иногда занимались домашним ремеслом, жили случайными заработками. Байгуши, как правило, не располагали своей кибиткой, и поэтому 2—3 семьи жили в одной юрте¹⁵⁵. Они, не имея войлока, свои жилища покрывали рогожами, дерном и камышом¹⁵⁶. Очевидцы свидетельствовали, что байгуши в Букеевском ханстве — самые бедные среди казахов — не имеют никакого скота для своего содержания и находят пропитание наймом или другими работами. «Байгуши, живя в ободранных кибитках, постоянно вблизи наших укреплений или станиц, и не имея возможности перевозить свои кибитки и имущество с места на место на верблюдах, переносят их на руках по несколько раз в год с одной местности на другую (сажень за 50 и более), чтобы сохранить хоть вид кочевки»¹⁵⁷.

Изменения в области социальной жизни населения происходили в рамках господствующих патриархально-феодальных отношений, представляли новый этап развития внутри этих отношений. В системе феодальных отношений еще были значительны патриархальные формы и институты, хотя их удельный вес намного уменьшился.

На рядовых скотоводов и аульные коллективы как на объекты эксплуатации наступление велось по разным направлениям: по линии ханской власти и его аппарата, со стороны пограничных органов, проводивших колониальную политику, со стороны целой иерархии местной знати, начиная от родоначальников до аульного старейшины, со стороны торговцев и кредиторов.

Доведенные до отчаяния люди не могли более мириться с существующим положением и поднимались на открытую борьбу.

¹⁵⁵ О внутренней, или Букеевской, киргиз-кайсацкой орде. — *Сын Отечества*, 1840, ч. 5, с. 234.

¹⁵⁶ *Левшин А.* Указ. соч., с. 20.

¹⁵⁷ *Иванов М.* Указ. соч., с. 14.

Накал освободительного движения

Внутриполитическая обстановка в Букеевском ханстве на всем протяжении его истории оставалась напряженной. Годы относительного затишья сменялись волнениями масс, доходившими до вооруженных выступлений против политического режима и ханской власти. Преследования и репрессии властей, следовавшие за каждым таким выступлением, еще более обостряли обстановку в ханстве.

Издержки и трудности освоения новых земель и основания нового обособленного политического объединения усугублялись проводимыми сверху реформами в области земельных, торгово-экономических и налоговых отношений, цель которых заключалась в том, чтобы превратить кочевников в своеобразное податное сословие, исправно несущее все возрастающие расходы ханско-султанского двора. Казахское трудовое население психологически было не подготовлено к принятию этих нововведений. Оно оказалось перед лицом реального факта, когда возникла опасность подрыва его жизненных устоев. Широкий размах приняла традиционная форма социального протеста — откочевка в другие места или под управление другого владельца, чаще всего обратно на левобережье Урала. С целью воспрепятствовать этому процессу правительственные органы избрали единственно эффективный в тех условиях путь — охрану всей линии по р. Уралу от г. Уральска до Гурьева военными отрядами. Однако эта мера насильственного удержания кочевых аулов в пределах ханства не смогла погасить волну социального недовольства. Тайные переходы, подкупы солдат и стражников на линии отдельными переселяющимися кочевыми группами оставались заметным явлением в жизни региона. Откочевка из Букеевского ханства целыми родовыми подразделениями приняла настолько большие масштабы, что царское правительство все вопросы, касающиеся перехода казахов в Зауральскую степь, взяло под свой контроль. Был установлен порядок перехода на левобережье Урала с санкции официальных правительственных пограничных органов. В 1819 г. по разрешению Оренбургской пограничной комиссии перешли обратно в Младший жуз из родов: тана — 511, алаша — 550, байбак-

ты — 550 кибиток¹⁵⁸. В 1820 г. в пограничные органы обратились с ходатайством разрешить перейти обратно на левый берег Урала 2333 кибиткам во главе с султаном Исенгазием Карабаевым, 600 — во главе с султаном Елтаем Нургалиевым, 1570 — со старшиной Есенгельды Жанмурзиным и 100 — из владения бия Байгалия Умурзакова. В общей сложности это составило около $\frac{1}{3}$ всего населения ханства¹⁵⁹.

Султаны и старшины, стоявшие во главе кочевых коллективов, пытались использовать это массовое движение в своих узких интересах, добиться выгодных для себя уступок и привилегий от хана и пограничных органов. Это, однако, не меняло общего характера движения.

Выступления шаруа против ханской власти и феодальной знати к середине 30-х гг. переросли в крестьянское восстание под руководством Исатая Тайманова.

В многовековой истории Казахстана было немало социальных выступлений, однако ни одно из них не поднималось до выступления широких трудовых масс, как это было в Букеевском ханстве в 1837—1838 гг., имевшего явно выраженный антифеодальный характер.

То, что движение это формировалось вначале как общенародное, а затем вылилось в крестьянское антиколониальное восстание, имело свои причины. Как справедливо отмечал М. П. Вяткин, период ханствования Джангира был «временем резкого углубления феодальных отношений в Букеевской орде»¹⁶⁰, сопровождавшегося системой мер по переустройству земельно-пастбищных отношений в угоду ханской власти и знати.

Очагом формирования и развития движения под руководством Исатая Тайманова был южный регион ханства. Земельные участки, примыкавшие к побережью Каспийского моря были наиболее удобными для ведения кочевого хозяйства в течение всего года. Сюда стекались многочисленные аулы со своим скотом, а также безземельные, малоскотные хозяйства, гонимые нуждой. В то же время именно в этом районе жизнь кочевых коллективов была наиболее нестабильной, неналаженной и беспокойной. Многочисленные представители местной власти

¹⁵⁸ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 7, л. 7.

¹⁵⁹ Там же, л. 49.

¹⁶⁰ Вяткин М. П. Очерки по истории Казахской ССР. Т. 1. М., 1941, с. 347.

думали только о своем обогащении за счет кочующих здесь казахских аулов.

Прибрежные, наиболее плодородные и обширные земельные угодья принадлежали русским помещикам, и пользоваться ими кочевники-скотоводы могли только с разрешения их управляющих на арендных началах, условия которых часто менялись. На этих частно-владельческих землях кочевало более одной трети населения ханства (около 7 тыс. кибиток). Ханская власть наводнила юг страны своими наместниками, сборщиками налогов, карателями. Под видом борьбы с преступниками, бунтовщиками и задержания «русских беглецов», якобы скрывавшихся в казахских аулах, пограничные органы снаряжали в этот район группу следователей, чиновников, военных отрядов, которые своими действиями наводили страх и нередко вызывали смятение среди местного населения. Все это создало такое положение на юге ханства, при котором двойной феодально-колониальный гнет был наиболее изощренным и глубоким.

Восстание в ханстве, как всякое крестьянское движение, было стихийным, малоорганизованным. К трудностям и недостаткам крестьянского движения вообще добавились специфические трудности развития казахского общества — его экономическая и политическая отсталость, колониальное положение края, кочевой образ жизни народа, значительное влияние патриархально-родового быта. Но отчаяние и ненависть к ханскому режиму и поработителям поднимали казахских шаруа на открытые выступления.

К весне 1837 г. сложилось несколько очагов вооруженного сопротивления, выходящего за рамки защиты местно-аульных интересов. Наиболее крупной была повстанческая группа, собранная под непосредственным руководством Исатая и Махамбета. В районах, охваченных движением, ханское управление почти полностью было парализовано: повстанцы сжигали дома, захватывали имущество у знати, сгоняли с кочевьев проханские аулы.

Создавшееся положение в ханстве серьезно беспокоило Оренбургское губернаторство. Правда, власти признавали, что силы были неравны и в любой момент при необходимости выступление казахских шаруа они могли подавить военной силой, поэтому вначале оно проявляло сдержанность в удовлетворении просьб хана о решитель-

ном подавлении мятежников, но усилило свою агентурную деятельность в лагере Исатая.

Крупные силы повстанцев несколькими группами во главе с Исатаем и Махамбетом постоянно передвигались, все больше приближаясь к Ханской ставке. По пути следования они громили аулы и имения ханских чиновников и знати, отбирали у них земли, в ряде мест назначали своих управителей в родовых подразделениях. В ходе движения повстанцы намеревались усилить свое влияние на кочевые коллективы, вовлечь новых людей в свои ряды. Входила, видимо, в их планы и демонстрация силы перед ханом с целью вынудить его пойти на реформы и удовлетворить требования повстанцев; 15—20 октября лагерь повстанцев уже находился в урочище Теректы-Кум, в 60—70 верстах от Ханской ставки, а 24 октября Исатай и Махамбет во главе повстанцев численностью, по одним данным, около 1500 чел., а по другим — 2500—3000 чел. находились в 40 верстах от Ханской ставки. Через 2—3 дня они разбили свои бивуаки в 4—7 верстах от нее. Осада продолжалась две недели.

В то же время Оренбургским губернатором проводился план окружения повстанцев и их уничтожения: выступили хорошо вооруженные регулярные и казачьи части и отдельные воинские подразделения из Кулагинской, Горской крепостей, Зеленовского форпоста, из Уральска и Астрахани. Из Оренбурга выехал подполковник Геке, руководивший всей операцией. Одновременно были усилены посты по всей Узенской и Приуральским линиям с целью перерезать пути отступления и перехода повстанцев на левобережье Урала. В середине ноября при битве в районе урочища Тастюбе повстанцы потерпели поражение.

Исатай и Махамбет во главе с небольшой группой повстанцев, потеряв надежду на успех в ханстве, стали искать пути перехода в Зауралье. Несмотря на плотную сеть воинских постов, расставленных по обеим сторонам реки Урала, им удалось в морозную и вьюжную ночь с 13 на 14 декабря 1837 г. вблизи Яманхалинского форпоста перейти в Зауральскую степь. Так завершилось крестьянское восстание в Букеевском ханстве и перекинулось на левобережье Урала.

Глава 3

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ХАНСТВА

Букеевское ханство как зависимое феодальное государственное образование

Букеевское ханство по форме организации высшей власти являлось монархией. Верховная власть в нем принадлежала хану и передавалась по наследству.

Если в первой четверти XIX столетия Букеевское ханство по структуре и механизму строения и обеспечения высшей власти ничем не отличалось от традиционных форм ханской власти в казахских жузах, т. е. оставалось раннефеодальной монархией с присущими ей основными институтами, султано-бийской системой управления и обособленностью крупных кочевых коллективов, то со второй четверти оно превращается в монархию с ярко выраженной централизацией власти. Родоправители и старшины больших родовых отделений назначались ханом, становились ханскими наместниками, свободных духовных лиц заменил институт указных мулл, назначаемых ханом. Прежняя самостоятельность родов была уничтожена, исполнительная и судебная власть из сферы общины перешла к хану. Все местные правители теперь подчинялись родоправителям и старшинам крупных родовых подразделений. В орде была установлена единая налоговая и финансовая система, а также осуществлялся план перераспределения и использования земельных угодий, включая и сезонные пастбища.

Султан Букей был провозглашен первым ханом Внутренней орды представителями знати ряда родовых коллективов с соблюдением старинного ритуала поднятия на белой кошке.

Возведение Букея на ханскую должность по инициа-

тиве только местной знати было продиктовано далеко идущими интересами султанской группы и самого Букея, стремившегося к ханской власти, а также крупной знати в родовых коллективах. В какой-то степени и народные массы, уставшие от нестабильности в управлении, стояли в этот период за учреждение единой власти, с которой связывали надежды на выход из состояния хозяйственного и политического кризиса. Этой мерой конкурентная борьба за верховную власть на новом месте во многом была снята.

Царское правительство делало вид, что ничего особенного не произошло, поскольку в данном случае его интересы совпадали с интересами местной знати — султан Букей был общим кандидатом в ханы.

Официальному признанию султана Букея ханом Внутренней орды предшествовала оживленная переписка между центральными правительственными учреждениями, оренбургским военным губернатором и военно-гражданскими чиновниками, осуществлявшими оперативный надзор за казахским населением Младшего жуза. Оренбургский военный губернатор князь Волконский в донесении Государю Императору от 15 октября 1811 года писал: «Султан Букей Нуралин, кочующий на астраханских степях, есть старший из султанов, благоразумен, опытен и предан к престолу высокомонаршему»¹.

7 июля 1812 г. в присутствии высших чинов Оренбургской колониальной администрации во главе с губернатором Волконским и многочисленной степной знати вблизи г. Уральска султан Букей был официально возведен в ханы Внутренней орды.

Хан Букей скончался 21 мая 1815 г. Жена хана Букея известила оренбургского губернатора о том, что ее муж назначил наследником сына Джангира, но поскольку сын еще был несовершеннолетним, то ханские обязанности передавались его опекуну султану Шигаю Нуралиеву, брату Букей-хана².

После смерти хана Букея началась борьба за власть. Образовались две группы. Одна во главе со старшими сыновьями хана султанами Тауке и Адилем хотела

¹ Приводится по кн.: *Ханыков Я. В.* Очерки состояния Внутренней киргизской орды, с. 44—45.

² Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 1, д. 1286, л. 7.

использовать брата Джангира. Под влиянием этой группы несовершеннолетний Джангир оставил учебу в г. Астрахани и подал реляцию оренбургскому военному губернатору о своей готовности исполнять обязанности хана. И хотя губернатор, согласно завещанию хана Букея, своим предварительным решением от 15 июня 1815 г. поручил управлять ордой султану Шигаю, 27 января 1816 г. он сделал запрос через Пограничную комиссию «О доставлении ему сведения об усердном служении султанов Джангира Букеева и Шигая Нуралиева»³. В это время силы, стоящие за спиной Джангира, вели активную деятельность: пытались созвать собрание части местной знати, чтобы утвердиться в ее мнении, вели переписку с Оренбургской пограничной комиссией о делах ханства, давая тем самым ей знать, что Джангир фактически осуществляет власть в орде. Двоевластие в ханстве могло серьезно отразиться на состоянии управления, и пограничные власти поспешили ликвидировать его, следуя завещанию хана Букея. 29 апреля 1816 г. последовало распоряжение военного губернатора «О недозволении султану Джангиру Букееву иметь с комиссией переписки по делам, относящимся до киргизов на внутренней стороне кочующих, так как оные по смерти хана Букея состоят под заведением султана Шигая»⁴. В начале августа того же года проводились формальные выборы султана Шигая в ханы в кочевьях рода Байулы, правителем которого до этого он являлся. В отличие от официальных документов в степи султана Шигая называли ханом. Борьба за власть между двумя султанскими группами временами давала о себе знать, например в период прихода к власти ханского наследника Джангира и после его смерти, однако, не принимала характера открытой и ожесточенной борьбы, поскольку царское правительство успешно справлялось с нею, навязывая группам свои позиции.

В 1822 г. Джангир⁵ выразил желание вступить в ханскую должность. Об этом он поставил в известность

³ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 21.

⁴ Там же, л. 21.

⁵ Джангир Букеев родился в 1804 г., начальной грамоте обучался у домашнего учителя-муллы, затем по воле отца был отдан для дальнейшего обучения и воспитания астраханскому губернатору Андриевскому, в семье которого он жил с небольшими перерывами около десяти лет.

Оренбургскую пограничную комиссию и просил ее официально возвести его в ханы. В письме Джангир также сообщал, что султан Шигай, временно исполняющий обязанности хана, относится к его намерению занять ханскую должность «неблагожелательно, старается лишить его престола»⁶. Действительно, султан Шигай⁷, узнав, что Джангир намерен добиваться ханского сана, пытался добиться своего утверждения ханом. С этой целью он дважды организовывал коллективные прошения с подписями старшин и биев, просивших оренбургского губернатора определить в орду ханом султана Шигая. Впоследствии выяснилось, что многие подписи на этих прошениях оказались подделанными⁸.

Пограничная комиссия, в свою очередь, собирала сведения о Джангире, опросила многих торговцев, чиновников, знающих его, в результате выяснилось, что основная масса султанов, биев и старшин стояла за возведение в ханы Джангира⁹. Оренбургское начальство с самого начала стояло за кандидатуру Джангира, считая его по-русски образованным и воспитанным в духе преданности России, царскому правительству.

22 июня 1823 г. император собственноручно написал «быть по сему» на представлении Министра иностранных дел об избрании Джангира ханом Внутренней орды¹⁰, а 24 июня 1824 г. в г. Уральске в присутствии высших чинов пограничного управления Оренбурга Джангир официально был провозглашен ханом.

Период ханствования Джангира был относительно продолжительным и конструктивным в плане осуществленных преобразований в ряде областей жизни общества. Он умер 11 августа 1845 г. на 22 году правления. 6 декабря 1840 г. хан через министра государственных имуществ получил уверение императора в покровительстве его наследникам и соизволение на утверждение сына Сахиб-Гирея наследником ханского достоинства¹¹. После его смерти вначале был учрежден для управления ханст-

⁶ Оренбургский облархив, оп. 1, д. 2800, л. 1—2.

⁷ Султан Шигай Нуралиханов «переходным ханом» состоял фактически с 1812 г. — с тех пор, как хан Букей в связи с нездоровьем поручил ему исполнение своих обязанностей.

⁸ ЦГАДА СССР, ф. 186, оп. 1, д. 11, л. 48.

⁹ Там же, л. 109.

¹⁰ Там же, л. 285.

¹¹ Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, д. 5365, л. 14—15.

вом опекунский совет во главе с одним из родственников покойного хана, а затем — Временный совет по управлению Внутренней ордой во главе с русским чиновником.

В Оренбургской пограничной комиссии возобладало мнение о нецелесообразности назначения нового хана вместо умершего Джангир-хана, хотя в это время в высших правительственных кругах еще не было принято окончательного решения по этому вопросу. После смерти Джангира из Оренбурга один за другим были командированы во Внутреннюю орду чиновники с целью разузнать отношение местной знати и населения к бесханскому управлению. Один из них доносил: «Неоднократно стороною доходили до меня слухи, что киргизы вообще более имеют доверие к русскому правлению, нежели к своему народному; даже завидуют зауральским киргизам, что они, заплатив по 1 р. 50 к. серебром с кибитки, пользуются всеми привольями и всякою свободой на землях, им указанных»¹². Другой чиновник пришел к выводу, что «в управлении вверенными Джангиру киргизами действовал он не как подданный императора, не как правитель, поставленный от царя русского, а как владетель самостоятельный и никакой властью не ограниченный»¹³. Далее он писал, что хан Джангир допускал значительные злоупотребления во вред интересам России. Вопрос о нецелесообразности назначения в орду нового хана был почти решен.

По завещанию хана, его наследником должен был стать сын Сахиб-Гирей. В год смерти хана Джангира ему шел шестнадцатый год. Он заканчивал курс в Императорском кадетском корпусе в Петербурге. Ханская семья, особенно Фатима и ее брат Гусейнов, хотели как можно скорее передать власть Сахиб-Гирею. С этой целью они прервали его учебу в Петербурге. Правительственные органы, узнав об этом, приняли решение отозвать Сахиб-Гирея обратно из орды. 30 сентября 1845 г. Министр государственных имуществ известил оренбургского губернатора Обручева о том, «что ханскому сыну признает необходимым возвратиться для окончания наук в Пажеском корпусе»¹⁴. Оренбургский губернатор 27 ок-

¹² ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2350, л. 82.

¹³ Оренбургский листок, 1889, № 38.

¹⁴ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2350, л. 126.

тября того же года еще раз напомнил об этом и предписал коллежскому советнику Бикмаеву, находившемуся во Внутренней орде «настоять на скорейшем отъезде ханского сына Сахиб-Гирея в С-Петербург для продолжения наук в Пажеском корпусе, если он на дальнейшее проживание в Ставке не имеет особого разрешения своего начальства»¹⁵. Но только после настоятельных требований пограничных властей Сахиб-Гирей отбыл в Петербург.

На начальном этапе при назначении опекунского совета, временного совета по управлению имуществом¹⁶ хана и ордой не исключалась возможность передачи власти Сахиб-Гирею. В записках чиновников Оренбургской пограничной комиссии, относящихся к этому периоду, встречается выражение «до утверждения Высочайше назначенного по нем (по ханству) наследника Сахиб-Гирея»¹⁷. В июле 1847 г. он был возведен в княжеское достоинство, но вскоре по пути из Петербурга в казахскую степь таинственным образом скончался. После этого в утешение ханской семьи другой сын Джангира—Ибрагим, который был моложе Сахиб-Гирея на 4 года, был возведен в княжеское достоинство. Министерство государственных имуществ намеревалось назначить Ибрагима председателем Временного совета по управлению Внутренней ордой, однако против этого возражал Оренбургский генерал-губернатор Перовский. Так официально была упразднена ханская власть во Внутренней орде.

В истории развития ханской власти во Внутренней орде следует различать два периода. В первый период — начало XIX в.—власть хана ничем не отличалась от власти ханов зауральской степи, Средней орды. Она была слабой, а страна раздробленной. Султан Шигаи, вступивший на ханский престол после смерти Букей-хана, откровенно признавал, что, если отдельные коллективы вздумают перекочевывать обратно, в Зауралье, что

¹⁵ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2350, л. 131.

¹⁶ После смерти жены Джангира Фатимы остались дети: от первой жены Юзум — 2, от Фатимы — 7. Самому старшему из них Сеид-Гирею было 16 лет, но он не обладал правом на ханское имущество, а старшему из детей Фатимы Сахиб-Гирею было всего 15 лет. Поэтому был учрежден опекунский совет над наследством хана, оцененным на 221 381 руб. серебром.

¹⁷ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 73.

наблюдалось, то «он не в силах будет сохранить в ней порядок и действовать в пользу службы его Императорского Величества»¹⁸. В свое время и султан Букей, не надеясь на свою власть, просил правительство прислать к нему вооруженный отряд для его охраны. В одном из писем астраханскому губернатору в 1806 г. он писал: «Родитель мой Нурали-хан и дядя Ишим-хан были убиты за то, что в подданство Всероссийской империи вступили. По сим причинам просил я у г. генерал-майора Завалишина казаков 100 человек для предосторожности и умирения легкомысленных»¹⁹. Что касается Джангир-хана, то некоторые современники рисовали его как самовластного хана, управляющего ордой, присущими восточному деспоту методами²⁰, а его власть — как неограниченную²¹. А. Рязанов по этому поводу писал: «Здесь хан считал себя самовластным ханом, казахи не могли помышлять об ограничении ханской власти; кочуя на землях, отведенных русским правительством султану Букею, они считали себя подданными хана»²². Такую же оценку дал М. П. Вяткин. Он указывал, что в «отношениях своих подчиненных он (Джангир.— С. З.) держался как восточный деспот, несмотря на то, что функция его как хана царским правительством была весьма ограничена»²³.

В решении внутренних вопросов власть хана не была ограниченной. Существовавший ханский совет, члены которого были кооптированы по воле самого хана, не поднимался выше совещательного органа. Джангир-хан проводил отдельные преобразования в областях налоговой и земельной политики по своему усмотрению, устанавливал в интересах ханской казны постоянные и временные повинности (зякет, согум, сбор кошм и сена и др.). Он осуществил централизацию власти путем ослабления власти родовой знати и усилил роль ханских

¹⁸ Материалы по истории Казахской ССР, ч. 4. М.—Л., 1940, с. 274.

¹⁹ Там же, с. 267.

²⁰ *Алекторов А.* Очерки Внутренней киргизской орды. — Известия, оренб. отд. РГО, 1893, вып. 2, с. 25.

²¹ *Иванов М.* Указ. соч., с. 30.

²² *Рязанов А.* Сорок лет борьбы казахского народа за национальную независимость. — Труды общества изучения Казахстана. Т. 7, вып. 2. Кызыл-Орда, 1926, с. 188.

²³ *Вяткин М. П.* Очерки по истории Казахской ССР, с. 247.

наместников, частью вербуемых из числа служилой местной знати, частью назначаемых центральной властью в ханстве. В социальном смысле деятельность хана была ограничена и детерминирована волей и интересами господствующего класса, в особенности той его части, которая ориентировалась на союз с колониальными органами царского правительства.

Букеевское ханство полностью зависело от русского государства, было его марионеткой. Территория, на которой находилось ханство, была собственностью России, а хан считался находящимся на службе у русского государства. Ему присваивались военнослужебные чины России. Так, Джангир-хан имел звание генерал-майора русской армии. Ханство вначале находилось в ведении Министерства иностранных дел, а затем указом царя от 5 февраля 1838 г. было повелено «сопричислить к управлению Министерства государственных имуществ»²⁴. Этим Букеевское ханство превращалось из внешней территории государства во внутреннее колониальное владение, что отражало его фактическое положение. Джангир-хан отнесся к этому очень спокойно, как к должному. Оповещая родоправителей об этом, он писал, что это постановление есть не что иное, как «новый залог внимания Его Императорского Величества к подвластному мне народу... изображенное постановление состоялось для пользы ордынцев»²⁵.

Внутренняя орда, занимавшая территорию, находившуюся в сфере влияния астраханской губернской власти, в первое десятилетие больше была связана с астраханским губернатором, в особенности с командованием астраханского казачьего полка, осуществлявшего непосредственный надзор по всей западной и южной линиям расселения казахских переселенцев. 17 июля 1808 г. царь Александр I подписал новые правила «О переходе степных киргизцев на внутреннюю сторону Урала». В них был специальный раздел «О Букее султани», который устанавливал, по существу, двойное подчинение орды. В правилах говорилось: «Султана Букея с подвластными его и со скотом... подчинить наравне со всем киргизским народом Оренбургской пограничной комиссии». В то же время признавалось, что Внутренняя орда занимает

²⁴ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 64, л. 1.

²⁵ Там же, л. 3.

земли Астраханской губернии, и хан Букей «должен во всяких случаях относиться прямо к астраханскому губернскому начальству»²⁶, а последнее, в свою очередь, обязано было ставить в известность о всех важных делах казахов Оренбургского военного губернатора и его Пограничную комиссию.

Со временем утвердились три понятия и соответствующие им три инстанции управления Букеевским ханством: «общий надзор», «ближайший надзор» и «главное местное управление». Общий надзор осуществлялся официально Министерством иностранных дел и его азиатским департаментом, а с 1838 г. — Министерством государственных имуществ. Органами ближайшего надзора являлись Оренбургский военный губернатор и Оренбургская пограничная комиссия, а главное местное управление было возложено на хана.

Букеевское ханство не несло какой-то прямой повинности в пользу царского правительства. Это компенсировалось превращением орды в сырьевую базу и рынки сбыта товаров России.

Ханская власть и царское правительство

Между ханской властью и царским правительством, его органами на местах сложился прочный союз, и это предопределило то, что во Внутренней орде ханское правление существовало почти до середины XIX в., тогда как в других частях Казахстана было отменено еще в начале 20-х гг.

Безоговорочная ориентация ханов на царское правительство была обусловлена несколькими факторами, и прежде всего тем, что ни один хан орды не мог продержаться во власти без поддержки правительства, в том числе военной. Против хана действовали три оппозиционные группы. Группа влиятельной старой знати Младшего жуза пыталась помешать переходу части казахов в пределы России и обвиняла султана Букея и его сторонников в стремлении расколоть Младший жуз. Вторую группу составляли в основном султаны, которые боролись за власть на новом месте, но, не получив поддержки со стороны пограничных органов, пыталась

²⁶ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 214, л. 4—5.

создать свое микровладение и игнорировать власть хана. Наконец, среди казахского населения также были сильные антиханские настроения.

Ханы Внутренней орды всегда чувствовали себя в опасности и не скрывали этого. Хан Букей 28 ноября 1810 г. в письме к Оренбургскому губернатору, называя своих противников «злоумышленными киргизами», писал: «Под покровительством Вашего сиятельства получаю от них избавление... Высокостепенного Джантюрю-хана умерщвили, также и меня едва не убили, а я имею надежду... на всевышнего бога. При всем том злые киргизцы ищут случай, чтобы сделать мне несчастье, от каких-то воров киргизцев, теряющих тишину и спокойствие, удаляюсь внутрь, в дальние места, где надеюсь иметь для меня безопасное пребывание»²⁷. В таком же плане писал и султан Шигай, занимавший ханский престол после смерти Букея. При ханской ставке постоянно находился двухсотенный русский военный отряд с офицерами, прикомандированный оренбургским и астраханским губернаторами.

Бесконфликтному взаимоотношению ханской власти с пограничными органами в известной мере содействовала продуманная политика оренбургского губернатора и Оренбургской пограничной комиссии. Они отказались от постоянной опеки, надзора, предоставив значительные возможности хану. Так, хотя было установлено, что окончательное утверждение старшин родовых отделений, родоправителей и членов ханского совета, представляемых ханом, входит в полномочие Оренбургской пограничной комиссии и оренбургского военного губернатора, на деле не было случая, когда бы губернатор и его управление не согласились с кандидатурой хана. Большие полномочия хан имел и в правовой области. Было установлено, что казахи «Внутренней орды судятся по общим уголовным законам по делам об измене, неповиновении власти, возмущении, побеге за границу, за участие в злодеянии, смертоубийстве, делании монеты, похищении казенного и общественного имущества, поджигательстве, насилии, грабеже, барымте и воровстве до 30 руб. серебром более двух раз, по всем же другим преступлениям маловажным, не исключая и кражи до

²⁷ Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, д. 513, л. 7.

30 руб. серебром менее трех раз, судятся ханом»²⁸. По изъятым из ведения хана делам в качестве судебной инстанции выступали военный суд в Уральске и Оренбургская пограничная комиссия, которые производили следствие и творили суд по общим уголовным законам России. В действительности судебная власть хана была гораздо шире. Многие дела, отнесенные к компетенции пограничных властей, решались самим ханом. Как правило, это были те дела, которые по каким-либо соображениям хан передавал сам. Так как деятельность хана прямо не контролировалась, он был в состоянии квалифицировать всякое преступление как маловажное или вовсе не сообщать пограничным судебным органам.

Недовольные решениями хана могли жаловаться в пограничные власти. «Те лица, которые по решению его (хана.— С. З.) в претензиях своих киргизов законного удовлетворения не получают,— записано в Своде законов империи,— имеют право приносить жалобу, куда по порядку следует»²⁹. Оренбургское же губернаторство, проводя политику укрепления ханской власти, не принимало жалоб на хана, а если были таковые, то они, как правило, оставались без решения.

В известной мере сращению ханской власти с властью пограничных органов в немалой степени способствовал сам Джангир. Он был сторонником русского самодержавия, помещичьей системы хозяйства, дворянского образования и культуры.

М. П. Вяткин справедливо указывал, что Джангир «в орду приехал с навыками и претензиями русского помещика-крепостника. Он даже стремился закупить в Оренбургской губернии около 500 душ крепостных крестьян»³⁰. Вместе с тем он обладал определенными данными местного деятеля и был властолюбив. Все это при полной поддержке царского правительства создало некоторый ореол вокруг него. Царские чиновники, довольные его отношением к политике пограничных органов, в своих донесениях и записях часто называли его человеком «во многих отношениях замечательным»³¹,

²⁸ Свод законов России, 1842, т. 15, ст. 179.

²⁹ Там же.

³⁰ Вяткин М. П. Указ. соч., с. 247.

³¹ Солдатенков К., Щепкин Н. Очерки зауральской степи и внутренней, или Буксеевской, орды. М., 1859, с. 84, 89.

ханом, «который весьма заботится о благосостоянии киргизов»³² и т. д.

Джангир-хан поддерживал регулярную связь с высшими органами правительства, несколько раз бывал при дворе. В 1827 г. летом он посетил Москву и Петербург, был представлен царскому двору и присутствовал при коронации императора. В 1839 г. Джангир-хан ходатайствовал об аудиенции у царя «для сообщения некоторых сведений в отношении управления его народом»³³. В начале августа он прибыл в Петербург в сопровождении поручика Амиржана Гусейнова (брата жены), служилых родственников султана Медеткалия Чукина и султана Менлигирея Букейханова, а также члена ханского совета Чумбала Ниязова, старшины Насанбая Ходжабекова, тархана Сердали Сеитова. Одним из вопросов, поставленных ханом перед Императором, как это видно из отношения пятого отделения «собственной Его Императорского величества канцелярии», оренбургскому военному губернатору от 8 августа 1839 г. было ходатайство о награждении чинами и знаками 23 лиц из числа местных правителей и служилых людей, «отличившихся преданностью ханской службе и царскому правительству, каковое по докладу Император соизволил благосклонно рассмотреть»³⁴. Другим вопросом, которому придавал хан особое значение во время пребывания в столице, было назначение наследника престола и одобрение его царем. В январе 1841 г. Джангир-хан представил в Оренбургскую пограничную комиссию официальное уведомление Министра государственных имуществ о том, что «Государь император вследствие всеподданнейшего прошения хана об утверждении в роде его ханского достоинства, изъявил предварительно Всемиловитвейшее соизволение на утверждение сына его Сахиб-Гирея наследником ханского достоинства по окончании им курса наук в Пажеском корпусе»³⁵.

Правительство обласкало хана Джангира. «За постоянные труды по управлению Букеевскою ордою и неусыпное попечение о благе ея» он был награжден ме-

³² Есипов Г. Указ. соч., с. 299.

³³ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2228, л. 3.

³⁴ Там же, д. 2126, л. 6—8.

³⁵ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2350, л. 14.

далью на Андреевской ленте, алмазными знаками ордена Святой Анны первой степени, орденом Святой Анны первой степени. В 1831 г. ему был пожалован воинский чин генерал-майора³⁶. Русский император подарил хану карету и коней, а его супруга была удостоена «высочайших подарков»³⁷.

Джангир-хан поддерживал тесные связи с образованной, культурной частью царского чиновничества. Он посещал Казанский университет, переписывался с его ректором и некоторыми профессорами, передал университету фольклорные материалы, за что был избран его членом.

Царскому правительству казалось, что Джангир-хан тот человек, которому можно было доверить проведение государственной политики в казахском обществе и вместе с тем отвечающий требованиям культурного русского общества, влияние которого все больше возрастало в аппарате государства, в том числе и в правительственных органах.

В течение первых двух десятилетий после образования Внутренней орды астраханское и оренбургское губернаторства вплотную занимались ее делами, требовали регулярного отчета от правителя орды и согласования с ними основных вопросов внутренней политики. Так, 12 ноября 1818 г. астраханская войсковая канцелярия потребовала от султана Шигая, исправлявшего обязанности хана, «ежегодно представлять в нынешнем лице главному начальству о всех вообще в Астраханской губернии обитающих разного звания людях, в число сие входят и кочующие киргизцы»³⁸. Несколько раньше, когда султан Шигай стал выдавать от ханского имени отпускные билеты казахам-беднякам для найма на работу в пограничных русских селениях, Оренбургская пограничная комиссия 30 марта 1818 г. сделала ему предупреждение: «что Вы подведомственным вам киргизцам в противность сделанного пограничным начальником постановлению, выдаете от себя билеты на поступление к астраханским рыбопромышленникам в работники». Комиссия сообщила, что оренбургский военный губернатор «запрещает ему выдавать впредь билеты. В таких случаях спраши-

³⁶ Там же, ф. 78, оп. 1, д. 26, л. 232.

³⁷ Там же, оп. 2, д. 99, л. 2—3.

³⁸ Там же, оп. 1, д. 1, л. 4.

вать разрешение у линейных начальников»³⁹. Султан Шигай свой ответ на это требование ограничил изложением просьбы о предоставлении ему такого полномочия⁴⁰. Так было и в первые годы ханства Джангира. В письме председателю Оренбургской пограничной комиссии от 12 декабря 1830 г. хан писал: «Прошу разрешить — могу ли давать султанам и старшинам участки земель в исключительное их владение»⁴¹.

Положение значительно изменилось с 30-х гг., когда Джангир-хан был обласкан лично царем и царским двором, завоевал доверие и пользовался поддержкой оренбургского губернатора и Оренбургской пограничной комиссии. Политика контроля и опеки над ханом сменилась политикой невмешательства во внутренние дела Букеевского ханства и в деятельность хана. Именно к этому периоду относятся слова одного из ответственных царских чиновников: «Русское правительство с самого начала отклонило от себя всякое вмешательство во внутренние дела киргизов по предмету разверстания земельных угодий между различными родами»⁴². Один из дореволюционных исследователей не без основания указывал, что во второй четверти XIX в. ханская власть в орде была «весьма сильной»⁴³.

Ханская власть во Внутренней орде стала почти бесконтрольной, хотя формальное ограничение полномочий хана не было снято. Когда хану стало известно, что приказчики русских приморских владений привлекают казахов к разным работам, в том числе к сенокосению, Джангир отреагировал на это письмом в Оренбургскую пограничную комиссию от 19 апреля 1834 г., в котором просил сделать предупреждение этим приказчикам о недопустимости подобного действия, ибо, как писал хан, этак «без моих согласий могут оскорблять меня»⁴⁴. Честолюбие хана со временем стало столь высоким, что он на просьбу самого оренбургского губернатора Перовского, интересовавшегося ежегодными ханскими сборами с

³⁹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 11, л. 3.

⁴⁰ Там же, л. 4—5.

⁴¹ Приводится по кн.: *Шахматов В. Ф.* Указ. соч., с. 48—49.

⁴² *Медведский Т.* Внутренняя киргизская орда в хозяйственном и статистическом отношении.— *Журн. МГИ*, 1862, № 8, с. 286.

⁴³ *Харузин А.* Киргизы Букевской орды. М., 1889, вып. 1, с. 90.

⁴⁴ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 6, л. 44.

населения, послужившими одной из основных причин крестьянского восстания в орде в 1836—1837 гг., ответил, по существу, отказом. Хан писал губернатору: «Подробной записи о числе получаемого мною с киргизов разного скота в зякет и согум сообщить Вашему превосходительству не имею возможности, так как не вел расчета»⁴⁵.

Хан пытался снять с себя некоторые, во многом формальные, ограничения, наложенные на его власть русскими законами. Так, 10 июля 1837 г. он представил губернатору докладную о расширении его судебных прав, в которой писал: «Дела следственные о производимых киргизами кражах как междоусобных, так и у посторонних лиц представить разбирательству хана в Ханском совете на праве дел исковых, гражданских с тем, чтобы претендателям доставляемо было, в случае справедливости претензии, удовлетворение, а виновным производилось бы наказание в Орде по нашим обычаям и законам»⁴⁶. Однако правительственные органы не собирались снимать существующие законные ограничения на власть хана. При помощи этих и других изъятий из сферы ханской власти в необходимых случаях осуществлялось давление на нее и контроль над внутренней жизнью ханства.

Самостоятельность деятельности хана несколько не тревожила правительство и его пограничные органы. Хан оставался верным слугой царизма и ревностным проводником его политики подчинения казахского общества интересам империи. А это было важнее всех других частных проявлений в деятельности хана. Открытое вмешательство правительства во внутренние дела казахских ханов почти всегда приводило к нежелательным результатам — к потере авторитета местных начальников, которые состояли в союзе с царизмом. Этот урок был учтен: лучшим средством проведения колониальной политики в Букеевском ханстве правительство считало не прямое вмешательство, а действие через надежного ставленника.

Правительство в знак полной поддержки внутренней политики хана и желая укрепить его позицию временами оказывало ему финансовую и другую помощь, в которой он нуждался. Оно полностью финансировало строитель-

⁴⁵ Алекторов А. Указ. соч., с. 259.

⁴⁶ Цит по кн.: Рязанов Л. Указ. соч., с. 47.

ство ханской резиденции в урочище Жас-Кус, а также плотины на р. Торгунь.

Свое зависимое положение от царского правительства и его поддержку хан стремился использовать для укрепления своей власти внутри ханства. Об этом он открыто писал в Пограничное управление и губернатору. «Желательно, — писал он губернатору Перовскому, — чтобы права мои были поддержаны Вашим превосходительством, как крепкую опору попечительской власти»⁴⁷.

Правительственные органы во многом шли навстречу хану. По его представлению, наиболее преданным ханской власти представителям знати присваивались офицерские звания, выдавались подарки, они награждались медалями, наоборот, «ослушников» изолировали от общества, передавая их в руки пограничных властей, как мятежных. Нередко правительственные органы отказывались принимать жалобы от трудящихся без предварительного рассмотрения их ханом.

Джангир-хан, опираясь на поддержку правительства, стремился к единовластию во внутренних делах. В его руках была сосредоточена высшая административная, судебная и законодательная власть в ханстве. Он сам разбирал судебные дела, считался судом второй инстанции по делам, решенным родовыми начальниками и ханскими биями; устанавливал новые налоги, ввел телесное наказание, новые виды штрафов за неуплату долгов, понятие «ослушание воли начальства» и т. д. Такая нормотворческая функция не входила в деятельность прежних казахских ханов. Начиная от указных мулл и кончая членами ханского совета, все эти и другие должностные лица, по существу, назначались ханом и непосредственно подчинялись ему. Власть в ханстве была централизована. Прежняя самостоятельность султанско-бийских владений была ликвидирована, а сопротивление старой родовой знати, тяготевшей к независимой внутренней политике, сломлена. Административная и судебная власть была изъята из ведения родовых предводителей и передана назначаемым ханом наместникам.

В усилении ханской власти имело значение и то обстоятельство, что в результате передачи лучших земельных участков во владение отдельных категорий знати, освобождения части местной знати от несения общих

⁴⁷ Астраханский листок, 1892, № 259.

повинностей и налоговых сборов путем присвоения звания тархана и представления на награждение русскими чинами части знати хану на определенном этапе удалось создать более или менее стабильную социальную опору власти.

При всем этом «своеволие» хана Джангира имело свои пределы, которые он старался не переступить. Джангир был достаточно хитер и опытен, чтобы не вызывать раздражение, тем более недовольство царского правительства.

Открытый союз ханской власти с колониальными органами и политика хана, направленная на усиление угнетения трудовых масс путем закрепления земель за знатью и установление новых налогов в пользу ханской казны и наместников, рост злоупотребления служебным положением со стороны ханских чиновников, вызвали протест народных масс, вылившийся в мощное вооруженное выступление в 30-х гг. XIX в.

Основные направления в деятельности ханской власти

В первой четверти XIX в. по инициативе хана был осуществлен ряд важных мероприятий, задевших кочевой быт и земельные отношения, систему сборов и повинностей населения, организацию власти и управления в обществе. Этими мерами хан и стоявшие за ним органы царского правительства стремились упрочить свое влияние на кочевые и полукочевые коллективы, создать социальную опору для проведения такой политики и расширить источники пополнения ханской казны и обогащения в первую очередь султано-старшинской служилой знати.

Впервые в истории Казахстана ханская власть кроме решения традиционных вопросов внутренней жизни казахского общества, таких, как распределение кочевьев и кочевых путей между родами и разбирательство споров и конфликтов между ними, сношение с соседними народами, стала интересоваться хозяйственной, социальной, культурной и политической жизнью подвластного общества, пыталась реформировать отдельные области и стороны общественной жизни в угоду интересам ханской власти и тех социальных сил, организацией которых она была.

Раздачей земель султанам, биям, старшинам, знати в кочевых коллективах в их исключительное владение преследовалась цель создания социальной опоры в лице крупных и средних землевладельцев-скотовладельцев, закрепления крестьян-шаруа на определенной местности и тем самым усиления их зависимого положения от знати, ориентировавшейся на центральную власть. Эти меры были рассчитаны также на расширение влияния ханской власти на внутреннюю жизнь кочевых коллективов, на создание дополнительного источника пополнения ханской казны за счет поступлений от раздачи, распределения и перераспределения земельных угодий, сдачи их в аренду.

Хан Внутренней орды проводил продуманную социальную политику, сориентированную на ослабление родовой знати и утверждение позиций новой знати, одобряющей внутреннюю и внешнюю политику хана. Кроме преобразований в земельных отношениях он осуществил ряд мер, направленных на укрепление своей власти, в частности, возродил институт тарханства⁴⁸, практиковавшийся в раннее средневековье в странах среднеазиатского Востока, в том числе в Казахстане, ввел титулы: ханский султан, ханский бий, ханский служащий, отмечая и заслуги знати перед ханом и как доверенных лиц, выполняющих волю верховной власти в ханстве.

Титул тархана жаловался ханом представителям местной знати. Он давал его носителям льготы, установленные центральной властью, особое положение в обществе. В руках хана это было средством приблизить к себе влиятельную часть знати, которая поддерживала бы политику царского правительства в этом регионе. За короткое время число тарханов достигло нескольких сотен. Только в одной таловской части орды (а таких частей было 5) к середине XIX в. по официальным сведениям насчитывалось 125 тарханов. Среди них были крупные скотовладельцы и землевладельцы. С вручением тарханского свидетельства хан Джангир наделял тарханов лучшими земельными угодьями, что освобождало их от ханских налогов и общественных повинностей, телесного наказания и т. д. Тарханское звание объявлялось наследст-

⁴⁸ Царское правительство в XVIII в. практиковало присвоение титула тархана влиятельным в казахском обществе биям и батырам, однако сами казахские ханы таким полномочием не обладали.

венным, переходило по мужской линии⁴⁹. Личные права тарханов охранялись ханской грамотой.

Казахские ханы во все времена нуждались в поддержке местной знати, которая непосредственно управляла кочевыми коллективами. Власть ханов во многом зависела от их поддержки. Во внутренней орде хан нуждался в ней еще в большей степени, поскольку задуманные им преобразования не могли быть проведены без активной поддержки влиятельной части родовой знати. В привлечении на свою сторону все большей части местной знати хан наряду с введением для нее звания тарханов установил ряд льгот и привилегий для старшин и аульных предводителей, перешедших на службу к хану, поручал им сборы с населения ханских обложений и предусматривал при этом их долю с этих обложений в зависимости от размера поступлений в ханскую казну. Служилая знать освобождалась от налогов и повинностей, наделялась полномочиями наместников центральной власти.

Составной частью социальной политики хана были подготовка и умножение числа духовных лиц, мулл, подчиненных хану, и насаждение их в кочевых коллективах для идеологического влияния на отсталое аульное население в интересах политики хана. «До вступления в управление ордою хана Джангира Букеева, — читаем мы в одном из местных сообщений, — киргизы, за исключением весьма немногих султанов и ходжей, не имели почти никаких религиозных убеждений и были очень плохими магометанами»⁵⁰, а число мулл во всем ханстве в это время было не больше 15.

Для приучения казахского населения к уважению религии хан прибегал к различным, порой насильственным мерам. Так, хан, прежде чем рассматривать тяжёбые дела сторон, всех участников этого дела, прибывающих нередко значительными группами в Ханскую ставку, водил в специально устроенную мечеть и организовывал в ней богослужение. Дело доходило до того, что во время ярмарочной торговли вдруг появлялась команда русских казаков из личного конвоя хана, которая нагайками

⁴⁹ С ликвидацией ханской власти перестал существовать и институт тарханов. В 1869 г. Правительствующий сенат, давая разъяснение о правах тарханов, отметил, что тарханы являются «ныне почти совершенно исчезнувшим званием» (*Крафт И.* Из киргизской старины. Оренбург, 1900, с. 82).

⁵⁰ Оренбургский листок, 1887, № 26.

и плетью загоняла толпу в мечеть на совершение религиозных молитв.

К началу 40-х гг. не только старшины тайфы, но и отдельные аульные коллективы имели уже своего духовного наставника. Духовная деятельность превратилась в государственную службу. Заметно увеличилось число ходжей, именовавшихся потомками сподвижников пророка Мухаммеда. Они образовали кастовую организацию — род ходжей, которая состояла из 40—50 семей.

По мере укрепления своей власти и ее социальной базы хан видоизменял и реформировал старую систему повинностей и обложения населения: увеличивал их размеры, вводил новые виды налогов и обложений с целью приумножения своих доходов, с большой тщательностью устанавливал налоги для каждого подразделения рода и старшинств, порядок сбора и отправки в Ханскую ставку.

Среди ханских сборов на первом месте стоял зякет, первоначально освященный религией и существовавший во всех мусульманских странах. Хан Джангир писал, что «зякет есть принадлежность ханского достоинства повсюду, где только киргизский народ имеет ханов»⁵¹. На первом этапе зякет взимался натурой, в основном в виде сороковой части скота, по строго установленной раскладке: а) с 5 голов верблюдов — 1, с 10 — 2, с 15 — 3, с 20 — 4 барана, с 25 верблюдов — тайлак (верблюжонок по второму году), с 36 — 1 верблюд по третьему году, с 46 — 1 верблюд-четыrehлетка, с 61 верблюда — 1 верблюд пятилетний и т. д.; б) с каждых 30 голов крупного рогатого скота — полугодовалый теленок, с 40 — 1 трехгодовалый, с 60 — 2 полуторогодовалых, с 70 — трехгодовалый и 1 полуторагодовалый, с 80 — 2 трехгодовалых, с 90 — 3 полуторагодовалых и т. д.; в) с 40 голов овец, коз и баранов — 1 баран, с 121 головы — 2 барана, с 201 — 3 барана и т. д. Лошади оценивались в деньгах — взималась сороковая часть их стоимости. Такая раскладка ставила в более выгодное положение зажиточную часть населения, крупных скотовладельцев и была очень обременительной для трудовых масс. Шаруа-скотовод, владевший 40 баранами, отдавал в зякет одного, а богач, имевший 400 баранов, т. е. в 10 раз больше — только 4 баранов. Чем круп-

⁵¹ Цит. по: Небольсин Г. Очерки волжского низовья. — Журн. МВД, 1852, т. 39, с. 232.

нее было скотоводческое хозяйство, тем меньше оно облагалось. Эта привилегия знати охранялась центральной ханской властью.

Бунты и крестьянское восстание в орде, достигшее своего апогея к середине 30-х гг., создали реальную угрозу хану и стоящим за ними колониальным органам. Под напором выступления масс, пытаясь смягчить их удары, хан в 1834 г. внес изменения в систему повинностей. По новому правилу лица, имевшие скота менее чем на 300 руб. ассигнациями (1 лошадь стоила 30 руб. ассигнациями), освобождались от зякета. Судя по некоторым документам, хан советовал старшинам брать с богатых больше, а с лиц среднего достатка — сообразно их состоянию. Однако эта «реформа» не облегчила экономического положения трудящихся масс, но заинтересовала местные власти, в руки которых теперь переходила основная власть по распределению и обложению налогом населения. Это привело к новым злоупотреблениям. В начале 40-х гг. был переведен на денежную форму натуральный зякет. Постановлением хана устанавливались твердые цены на каждый вид скота по всей орде. Ежегодно хан определял размер зякета в деньгах для каждого отделения рода. Старшины отделений по получении предписания хана совместно с предводителями и почетными лицами подотделений и аулов производили перераспределение зякета по семьям в соответствии с численностью скота. Сборы от зякета составляли огромную сумму. Местные начальники обосновывали это необходимостью оплаты и возмещения дополнительных издержек, связанных с расходами, поездками, ходатайствами родоправителей, мулл и разных категорий местных правителей, включая их самих. Сверх ханских они устанавливали также свои сборы.

По сообщению М. Иванина, зякет, «постоянно увеличиваясь, доходил до 70 и более тыс. руб. серебром»⁵². По А. Евреинову, ежегодное поступление хану от зякета составляло от 72 000 до 92 000 руб. серебром⁵³. Другой автор определяет его до 80 000 руб. серебром⁵⁴. По всей вероятности, эти данные приблизительно верно отражают действительность. По данным М. П. Вяткина, в 1844 г. размер зякета достигал 95 361 руб. серебром, что в пере-

⁵² *Иванин М.* Указ. соч., с. 9.

⁵³ *Евреинов А.* Указ. соч., с. 79.

⁵⁴ *Терещенко А.* Указ. соч., с. 64.

воде на скот составляло 40—50 тыс. баранов или 8 тыс. лошадей⁵⁵.

Другим официальным ханским доходом был согум — натуральная повинность, предназначенная для обеспечения мясом хана в зимнее время. Хан Джангир учредил в конце 30-х гг. так называемые согумные участки, состоявшие из 15 кибиток или семей, подлежащих обложению. Каждый такой участок должен был поставлять хану 40 руб. ассигнациями или натурой — одну 5-летнюю корову или жирную кобылицу. Четыре согумных участка, соединяясь, должны были внести хану также две кошмы — одну белую, ценой 3 руб. серебром, и одну серую, ценой 2 руб. серебром, каждая длиной от трех-четырех сажень и шириной около сажени⁵⁶. От этого сбора хан в 1836 г. собрал до 500 штук кошм. Согум приносил ежегодно хану до 10 000 руб. серебром или от 800 до 1000 голов скота⁵⁷.

Развитая налоговая система, а также поборы местной знати еще больше усилили процесс разорения трудовых слоев населения. Достаточно сказать, что на каждый согумный участок, по официальным данным, приходилось 5 кибиток бедняков, не облагаемых налогами. Согум взимали с населения и султаны, и крупная родовая знать. «Согум производился осенью, обыкновенно это имело основанием то, дабы хан или султан мог прожить всю зиму на иждивении народа и тоже мог бы видеть готовность ордынцев в жертвовании своего имущества в пользу своего начальства»⁵⁸, — писал чиновник Д. Андре. На это указывал и Г. Загряжский: «Каждый ордынец, кочующий в соседстве с султанскими аулами, должен доставить султанам согум или какую-либо скотину на зарез для продовольствия султанов»⁵⁹.

В архиве сохранились ханские раскладки сборов⁶⁰. Самым крупным управлением была приморская группа родов. Население этой части ханства только в один год поставляло ханскому двору в счет зякета 3353 голо-

⁵⁵ Вяткин М. П. Указ. соч., с. 250.

⁵⁶ Иванов М. Указ. соч., с. 9.

⁵⁷ Евреинов А. Указ. соч., с. 80.

⁵⁸ Материалы по обычному праву казахов. Алма-Ата, 1948, сб. 1, с. 139.

⁵⁹ Загряжский Г. Юридический обычай киргиз. — Материалы для статистики Туркестанского края, 1876, вып. 4, с. 118.

⁶⁰ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 22, л. 10.

вы баранов, согума — 141 голову крупного рогатого скота и 141 кошму размером 4 м×3 м, из них белых 25. В ханских ведомостях по раскладке обложений по тайфам — старшинствам — 1842—1847 гг. зякет уже исчислялся не в натуре, а в денежном выражении.

Кроме указанных постоянных ханских сборов населению приходилось нести и сезонные, и разовые повинности, и налоги в пользу ханской казны. Так, в 1839 г. хан обратился к родам, кочующим на приморском участке, сделать сбор средств, необходимых ему для поездки к императорскому двору. В этом обращении хан наметил собрать из родов: берш — 4000, исык — 2200, алаша — 2000, байбакты — 800, жетыру — 700, жаббас — 4500 руб.⁶¹ Подобные сборы проводились в период поездок хана в Астрахань и Саратов, Оренбург и на Кавказ. В 1835 г. хан обложил некоторую часть аулов налогом жабагы (шерсть) по 5 пудов с участка или деньгами по 4 руб. серебром за пуд шерсти. Неоднократно взималось осенью для содержания ханского скота с каждой кибитки по верблюжьему выюку сена. Существовал специальный налог, предназначенный для содержания некоторых категорий служащих в аппарате хана. Так, каждый род платил 128 руб. серебром ежегодно для продовольствия ханских вестовых. Ханские депутаты за время нахождения в кочевьях по предписанию хана пользовались «нужными жизненными припасами по своему произволу».

Ханская казна пополнялась также солидными поступлениями от ярмарок и торговых пунктов. Только от одной ярмарки при Ханской ставке в виде налога за право торговли ежегодно поступало от 6000 до 7000 руб. ассигнациями. Немаловажное значение в финансовой политике хана имела и судебная пошлина — ханлык, — составлявшая $\frac{1}{10}$ часть иска.

По мере роста доходов росли расходы ханского двора, а увеличение расходов, в свою очередь, требовало роста доходов. Эта развертывающаяся система ханских обложений, дополненных сборами и злоупотреблениями местных наместников и знати, тяжелым бременем ложилась на плечи трудящихся масс. «Сам Букей, равно как его приемник, — указывал Л. Мейер, — сделались столько

⁶¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 22, л. 6.

же усердными русскими чиновниками, сколько притеснителями своего народа»⁶².

Со второй четверти XIX в. в деятельности хана появились новые элементы. Он попытался вкладывать часть общественных средств в сооружение небольших плотин и артезианских колодцев, в сохранение древесных насаждений в песках и разведение небольших лесных участков, на улучшение породы местных лошадей путем приобретения породистых жеребцов из российских конных заводов, в строительство общественных зданий.

Деятельность хана определяли три основных фактора: стремление хана в союзе с царским правительством превратить ханство в «пример совершенного подчинения русской державе»; пополнение ханской казны и служилой знати; борьба с противниками ханской власти и подавление народного движения.

Ханская власть и структура аппарата при ней, подбор придворного окружения хана и смысл активной деятельности верховной власти в орде определялись главным образом этими тремя задачами и были продиктованы ими. В своих планах ханская власть кое в чем преуспела, но имела и просчеты.

Ханско-султанский дом

При хане существовал своеобразный теневой кабинет, состоящий из влиятельных султанов, преимущественно ханской фамилии. Все основные вопросы внутренней и внешней политики страны хан обсуждал и согласовывал предварительно с ними, хотя многие из них по своему официальному положению не имели прямого отношения к выработке политики в ханстве.

Формирование и значение этого неофициального, но влиятельного органа при ханской власти связаны с социальным институтом султаната, его весом в экономической и политической жизни общества. Русские ученые и путешественники, побывавшие в Букеевском ханстве, писали, что султаны здесь занимали «главные места по управлению народом, освобождены от податей, избавле-

⁶² Мейер Л. Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, с. 24.

ны от телесного наказания и некоторые произведены в штаб- и обер-офицерские чины»⁶³.

Султаны, проживавшие в Букеевском ханстве, делились на 6 династий. Наиболее влиятельной и крупной из них была династия Нурали-хана — отца хана Букея и деда хана Джангира.

На положение султанов накладывало отпечаток то обстоятельство, что в общественном сознании они утвердились как особая каста, призванная править обществом. Видимо, первоначально султаны прокладывали себе путь к власти в казахском обществе насилием и мечом, как ставленники и сподвижники татаро-монгольских золотоордынских ханов и их потомков. На определенном этапе истории как носители верховной власти они были выделены из остальной массы населения и идеализированы. Такое положение наблюдается в политической истории многих восточных народов.

Султанская группа, обосновавшаяся в Букеевском ханстве, в основном пришла из Младшего жуза вместе с султаном Букеем в качестве его сподвижников. Многие из них надеялись получить власть в новом ханстве и поправить свои дела.

Хан считался первым султаном и покровителем султанства. Устроить султанов, столь многочисленных, на доходные должности было трудно в небольшой орде. Наиболее изобретательным в этом отношении был Джангир-хан. Почти во главе всех родов и их объединений он поставил султанов в основном из числа своих ближайших родственников. Такие доходные должности, как ханские уполномоченные на ярмарках и в пограничных с Россией селениях, чиновники по особым поручениям, ханские осведомители, назначались исключительно из султанов.

В XIX в. султаны уже не имели той власти и влияния в обществе, как в XVII и в первой половине XVIII в. Политические и экономические их позиции к этому времени значительно ослабли. Только султанский титул уже не давал привилегий.

Ханы Внутренней орды предприняли попытку, если не вернуть былое положение султанов, то задержать падение их престижа, упрочить позиции в обществе. Султаны объединились в особый султанский род, который во мно-

⁶³ Евреинов А. Указ. соч., с. 65.

гом. напоминал сословную самоуправляющуюся организацию. Во главе рода находился ага-султан, ведавший делами. Тамга (символика) султанского рода была идентична ханской. Каждый султан имел право на именную печать.

Власть султанов силой насаждалась среди населения. В этом хану помогала царская администрация, опекавшая ханство. Народные массы во главе со своими родовыми начальниками выступали против султанской власти и требовали заменить родовой знатью. В этом проявилось падение былого престижа султанов как в глазах масс, так и среди большинства представителей родовой знати, превратившейся в силу, способную бороться за власть на местах. Однако ханская власть, являвшаяся опорой султанов, серьезно сдерживала эту борьбу.

К султанской группе во Внутренней орде царское правительство относилось благосклонно и даже доверительно. Это было связано, в первую очередь, с тем, что она всецело во главе с ханом перешла на службу царизму, была его опорой⁶⁴.

Султаны оставались наиболее богатой и аристократической верхушкой патриархально-феодального казахского общества. Они имели при себе особую группу людей — туленгутов, бывших дворовых служителей и охранников, теперь формально отпущенных, но живущих при султанах.

Султаны династии Нуралихановых, будучи ханствующим кланом, оказывали существенное влияние на политику ханской власти. Как наиболее богатые представители знати они проявляли вместе с тем и особую заинтересованность в социально-экономической политике и направлении деятельности верховной власти. Хан нуждался в их поддержке и потому поддерживал султанов. Многие важные должности при ханском дворе, в особенности в группе уполномоченных хана, были отданы родовитым султанам, что позволяло им повседневно влиять на политику хана.

Наибольшим влиянием пользовались совет султанов и ага-султан. Крупные султаны, в основном представляющие клан Нуралихановых, составляли костяк теневого

⁶⁴ После смерти Джангир-хана правительство поручило временное управление ордой трем султанам и одному русскому чиновнику.

кабинета хана. Этот неофициальный орган, однако, не являлся органом ограничения власти хана, политика которого отражала их интересы.

Совет двенадцати биев

Бии в истории казахских ханств играли значительную роль. Перед султанами и ходжами они имели то преимущество, что более тесно были связаны с родовыми коллективами, формировались в их среде, управляли ими, выступали их «естественными» представителями и «защитниками» в межродовых, внешнеродовых связях и отношениях. В то же время бии были выходцами из наиболее богатой, знатной и влиятельной части родовой знати.

Ханы, в том числе и во Внутренней орде, всегда стремились привлечь верхушку бийской группы на свою сторону, заручиться ее поддержкой. Ни один казахский хан не обходился без совета биев, созываемого в особых и экстренных случаях для согласования и решения важнейших социально-экономических и военно-политических вопросов. Пренебрежение мнением биев всегда приводило к падению престижа и изоляции ханствующей династии.

Царское правительство в своей политике также опиралось на наиболее влиятельных биев и придерживалось линии лавирования между султанами и биями в конфликтных между ними ситуациях.

Бийская прослойка не имела своей сословной организации. Ее представители были разбросаны по отдельным кочевым коллективам и жили в значительной мере интересами отдельных, слабо связанных между собой, обособленных мирков. Однако это не мешало им периодически объединяться для совместных действий.

Последовательная политика, направленная на государственное влияние влиятельных биев, на тесный союз хана и царизма с ними, постепенно отрывала часть из них от родовых подразделений и кочевых общин и превращала в проводников и служителей официальной политики. Этот процесс заметно усилился с конца XVIII в. Именно к этому периоду относится образование двух прослоек в бийской группе: биев нового направления, ставших почти

наместниками ханской власти на местах, и ортодоксальных биев-старорежимцев. Число первых было ограниченным, и в начале XIX в. они, переходя на позиции ханов и царского правительства, теряли былое влияние в кочевых коллективах.

Султаны Букей и Шигай официально учрежденного при себе совета биев не имели. По мере необходимости они призывали влиятельных биев как предводителей кочевых коллективов для разбора тяжб между родовыми группами и рассмотрения важнейших вопросов внутренней жизни и внешней политики. Это, однако, не означает, что мнение биев игнорировалось в ханстве. Вероятно, в тот период не возникала необходимость в создании совета биев.

Джангир, сторонник диктатуры, опирающийся на поддержку оренбургского и астраханского губернаторов, также не хотел делить свою власть с группой биев и руководствоваться их мнением. Разумеется, он не игнорировал родовую знать вообще, но опирался на новорежимную ее прослойку.

Джангир, вынашивал идею превращения орды в степное крупнопомещичье владение с новой системой управления. Однако уже в своих первых преобразованиях он натолкнулся на сопротивление родовой знати — биев и старшин, возглавлявших крупные кочевые коллективы. Хан обвинил их в нежелании прислушаться к голосу нового времени, в противодействии политике русского царя в этом регионе. Опираясь на султанов, ходжей и на часть родовой знати, он начал постепенно вытеснять своих противников, главным образом биев, из системы местного управления, что привело к ослаблению позиций самого хана и пограничных властей. Недовольство большей части местной знати вылилось в 1826—1827 гг. в массовые волнения, наблюдавшиеся в различных частях ханства. Хан был серьезно обеспокоен и встревожен этим событием. Оренбургский губернатор, следивший за развитием событий в ханстве, в письме от 12 апреля 1827 г. рекомендовал хану больше считаться с мнением биев-старшин. Он писал: «В приезд киргизских старшин к Вам прошедшей зимою Вы их заставили несколько дней ждать, пока они были к Вам допущены, почему между киргизами распространяется неудовольствие к Вам». Далее он советовал хану «всегда приглашать их

одних к себе для совещания... не давать им замечать, что советы их у вас меньше значут, нежели у духовных татар»⁶⁵.

Бии и старшины еще имели достаточное влияние на хана. Они были хранителями патриархально-родовых традиций и представляли собой наиболее консервативную часть общества. Само казахское общество еще не было подготовлено для сколько-нибудь крутых изменений даже в рамках патриархально-феодалных отношений, поэтому реформы Джангир-хана натолкнулись на сопротивление части влиятельной местной знати. Ему ничего не оставалось, как пересмотреть свое отношение к бийской группе и стараться привлечь ее видных представителей к управлению ханством, а затем превратить их в придаток ханской власти. В том же 1827 г. он объявил об учреждении Совета биев, в состав которого входили по одному бию от каждого родоуправления⁶⁶. Его члены в официальных донесениях и письмах именовались «ханского совета бий» или «бий и советник хана»⁶⁷.

Еще в 1797 г. в Младшем жузе после убийства хана Ишима также был создан ханский совет. Этой мерой царское правительство пыталось заменить ханскую власть. Но под нажимом проханских группировок она была восстановлена, а ханский совет стал органом при хане. Стремясь превратить членов ханского совета в служилых людей и использовать их в своих интересах, правительство в 1806 г. поставило их на государственное содержание. Однако ханский совет в Младшем жузе не оправдал планов царского правительства.

В других условиях создавался ханский совет в Букеевском ханстве. Царское правительство и состоящая под его опекой ханско-султанская группировка нуждались в поддержке влиятельных людей. Члены ханского совета должны были быть благонамеренными, знать народ и его нужды.

⁶⁵ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4. М.—Л., 1946.

⁶⁶ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 66. В состав Ханского совета вошли Муфат Айдабулов (от рода шеркеш), Шомбал Ниязов (ногай), Балкы Кудайбергенов (берш), Кунажан Сапаков (байбакты), Алтай Досмухамедов (алаша), Кушатыр Мунаков (жаббас), Жантуар Абтанов (нсык), Татан Секенбаев (кзылкурт), Байток Тюменев (адай), Худайшукур Бузаев (тазы), Кендырбай Рысбаев (жетыру), Боз Боздаков (кете).

⁶⁷ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 94, л. 22—24.

Ханский совет не обманул надежд хана и оренбургского губернатора, проявивших достаточную инициативу в его создании. Он стал проводником царской и ханской политики.

Ханский совет был постоянно действующим органом, хотя его члены продолжали жить в кочевьях. Советники хана имели право на деловую и правотворческую инициативу, представляли на рассмотрение хану свои соображения по отдельным вопросам, а иногда и проекты новых правил или поправок к существующим правилам. В разное время они внесли на рассмотрение хана предложения о введении телесного наказания, новых видов штрафов против неисправных должников и неплательщиков зякета и согума, против воровства. В этих рекомендациях ясно просматривается линия на более жесткую охрану имущества и собственности феодалов, усиление влияния центральной власти в жизни местных коллективов. Члены совета были привлечены ханом и для составления сборника обычно-правовых норм, которыми должны были руководствоваться местный и ханский суды при решении тяжёлых дел.

В полном составе члены совета в мирное время собирались не часто. В годы восстания 1835—1837 гг. ханский совет созывался иногда 3—4 раза в год.

В каждом родовом управлении были наместник-родоправитель и ханский бий (член ханского совета). Первый из них, как правило, жил отдельно от рода, которым управлял. Бий со своим аулом и хозяйством постоянно находился в расположении рода, кочевал вместе с ним.

Функции родоправителей и родовых биев разграничивались довольно четко. Ближе к хану находились родоправители. Они проводили на местах финансовую и земельную политику хана, собирали налоги, следили за порядком и выполнением ханских распоряжений и указаний царских чиновников из Пограничной комиссии. Через родоправителей пополнялась ханская казна.

Ханские бии в основном осведомляли центральную власть о нуждах и состоянии кочевых коллективов, были проводниками общей воли и политики верховной власти на местах. В годы восстания под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова ханский совет был верным оплотом хана.

Аппарат управления при хане

При казахских ханах традиционно не было отделенного от двора аппарата управления, следовательно, не было отраслевого или функционального управления, при котором отдельной сферой ханской власти занимались бы специально для этих целей поставленные или назначенные люди. Окружение хана составляли его семья и приближенные султаны из других фамильных ветвей, тулентугты, вольные служители или просто примкнувшие общинники. Они привлекались для выполнения различных поручений, служили ближайшими помощниками и охраной хана. В лучшем случае из их среды выделялись так называемые шабарманы — гонцы — связные и исполнители судебных решений хана.

Ханскую канцелярию, как правило, представлял какой-нибудь выходец из мусульманских земель, исполнявший одновременно обязанности писца, переводчика и муллы. Поскольку часто его рекомендовала хану царская администрация, то он был и агентом-осведомителем, а хан советовался с ним как со знатоком русских дел.

Такое положение сохранялось в Букеевском ханстве и при султанах Букее и Шигае, правивших ордой в первой четверти XIX в. Изменения в системе управления наметились лишь со второй четверти XIX в.

Джангир-хан, приступая к осуществлению новой экономической и налогово-финансовой политики в обществе, направленной на усиление роли землевладельцев как опоры власти и на резкое увеличение доходной части ханской казны путем установления целой системы обложения населения, одновременно взялся за создание центрального аппарата, призванного обеспечить осуществление этих планов и удовлетворить возросшие интересы царского правительства в ханстве.

Созданный при хане аппарат управления состоял из ряда функциональных подразделений, перед каждым из которых ставилась определенная задача. Наиболее влиятельной была группа ханских депутатов.

Пограничные зоны ханства, примыкающие к Астраханской, Саратовской губерниям и Уральской военизированной линии, делились на 10 пограничных участков,

Ханский совет не обманул надежд хана и оренбургского губернатора, проявивших достаточную инициативу в его создании. Он стал проводником царской и ханской политики.

Ханский совет был постоянно действующим органом, хотя его члены продолжали жить в кочевьях. Советники хана имели право на деловую и правотворческую инициативу, представляли на рассмотрение хану свои соображения по отдельным вопросам, а иногда и проекты новых правил или поправок к существующим правилам. В разное время они внесли на рассмотрение хана предложения о введении телесного наказания, новых видов штрафов против неисправных должников и неплательщиков зякета и согума, против воровства. В этих рекомендациях ясно просматривается линия на более жесткую охрану имущества и собственности феодалов, усиление влияния центральной власти в жизни местных коллективов. Члены совета были привлечены ханом и для составления сборника обычно-правовых норм, которыми должны были руководствоваться местный и ханский суды при решении тяжёлых дел.

В полном составе члены совета в мирное время собирались не часто. В годы восстания 1835—1837 гг. ханский совет созывался иногда 3—4 раза в год.

В каждом родовом управлении были наместник-родоправитель и ханский бий (член ханского совета). Первый из них, как правило, жил отдельно от рода, которым управлял. Бий со своим аулом и хозяйством постоянно находился в расположении рода, кочевал вместе с ним.

Функции родоправителей и родовых биев разграничивались довольно четко. Ближе к хану находились родоправители. Они проводили на местах финансовую и земельную политику хана, собирали налоги, следили за порядком и выполнением ханских распоряжений и указаний царских чиновников из Пограничной комиссии. Через родоправителей пополнялась ханская казна.

Ханские бии в основном осведомляли центральную власть о нуждах и состоянии кочевых коллективов, были проводниками общей воли и политики верховной власти на местах. В годы восстания под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова ханский совет был верным оплотом хана.

Аппарат управления при хане

При казахских ханах традиционно не было отделенного от двора аппарата управления, следовательно, не было отраслевого или функционального управления, при котором отдельной сферой ханской власти занимались бы специально для этих целей поставленные или назначенные люди. Окружение хана составляли его семья и приближенные султаны из других фамильных ветвей, туленгуты, вольные служители или просто примкнувшие общинники. Они привлекались для выполнения различных поручений, служили ближайшими помощниками и охраной хана. В лучшем случае из их среды выделялись так называемые шабарманы — гонцы — связные и исполнители судебных решений хана.

Ханскую канцелярию, как правило, представлял какой-нибудь выходец из мусульманских земель, исполнявший одновременно обязанности писца, переводчика и муллы. Поскольку часто его рекомендовала хану царская администрация, то он был и агентом-осведомителем, а хан советовался с ним как со знатоком русских дел.

Такое положение сохранялось в Букеевском ханстве и при султанах Букее и Шигае, правивших ордой в первой четверти XIX в. Изменения в системе управления наметились лишь со второй четверти XIX в.

Джангир-хан, приступая к осуществлению новой экономической и налогово-финансовой политики в обществе, направленной на усиление роли землевладельцев как опоры власти и на резкое увеличение доходной части ханской казны путем установления целой системы обложения населения, одновременно взялся за создание центрального аппарата, призванного обеспечить осуществление этих планов и удовлетворить возросшие интересы царского правительства в ханстве.

Созданный при хане аппарат управления состоял из ряда функциональных подразделений, перед каждым из которых ставилась определенная задача. Наиболее влиятельной была группа ханских депутатов.

Пограничные зоны ханства, примыкающие к Астраханской, Саратовской губерниям и Уральской военизированной линии, делились на 10 пограничных участков,

в каждом из которых был депутат, назначенный ханом. На отдельных участках могло находиться и большее число депутатов в зависимости от сезонного объема работ.

Депутатом от хана «по всем делам на Узенской линии» в 1834 г. был назначен султан Медеткалий Чукин. В характеристике хана, данной ему в 1839 г., было сказано: «С 1827 г. по сие время султан Медеткалий Чукин был бесперерывно употребляем по весьма трудным пограничным делам». Этот султан по ходу выполнения своей обязанности мог «держатъ под караулом» отдельных виновных лиц. Вскоре в связи с увеличением объема работы на этом участке хан назначил Тогжана Мушега-лиева вторым депутатом по Узенской линии. Султан Адил Букейханов был назначен ханским депутатом по Уральской линии по делам пропуска людей «из-за Урала во Внутреннюю орду»⁶⁸.

На ханских депутатов возлагались следующие обязанности: следить за положением на границе и пресекать самовольный переход казахов через нее; участвовать в следствиях, проводимых представителями пограничных властей, когда второй стороной в деле являлись жители русских селений, и представлять при этом интересы ордынцев; сопровождать по орде русских чиновников и оказывать им содействие; розыск виновных лиц на своем участке; разбор дел по спорам внутри рода и между родами, если этого захотят участвующие в тяжбе стороны или по поручению хана.

Власть ханских депутатов не сразу признали на местах, нередко, особенно в начальный период их учреждения, она игнорировалась родовой знатью. К хану поступало много жалоб от султанов-депутатов о невыполнении кочевыми коллективами и старшинами их распоряжений. Хан всегда стоял на стороне своих ставленников. Султан Медеткалий Чукин, состоящий ханским депутатом на Узенской линии, жаловался хану, в частности на старшину Юнуса Жантлина, что тот не выполнил его требование не переходить со своими аулами и со скотом за р. Узень. Джангир-хан 9 февраля 1834 г. выразил свое недовольство в письме: «Старшине Юнусу Жантлину. Предписываю тебе строжайшее требо-

⁶⁸ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 14, л. 3; ф. 4, оп. 1, д. 2426, л. 6, 45; ф. 78, оп. 1, д. 19, л. 13.

вание Султана Медета Чукина без малейшего отлагательства и отговорок выполнить. В противном же случае буде малейшее сделаєте послушание и препятствие, подвергнетесь ответственности по всей силе строгости законов»⁶⁹.

В Букеевском ханстве сложился институт есаулов, по своему составу и задачам не похожий на прежних шабарманов. Есаулами назначались исключительно старшины, стоявшие во главе отделений и подотделений родов. Их было 14. Они привлекались для выполнения специальных важных поручений хана в зонах, в пределах которых имели свои хозяйства и кочевья. Есаулы служили интересам укрепления власти родоправителей, многие из которых навязывались родовым объединениям.

В составе аппарата управления при хане существовала также группа базарных султанов. Ее возникновение тесно связано с ростом товарооборота и товарно-денежных отношений в ханстве. Базарные султаны в отличие от султанов-депутатов не имели постоянных участков и жили в своих кочевьях или в Ханской ставке. Они командировались ханом на ярмарки и в более или менее важные торговые пункты внутри ханства и за его пределами, куда приводили казахи скот для продажи. В основную обязанность базарных султанов входили сбор торговых пошлин внутри страны и отстаивание интересов населения ханства.

Для регулярной связи с родами, родоправителями и старшинами была образована группа ханских вестовых из 14 чел. с постоянным местом пребывания в Ханской ставке. Каждый род выделял по одному вестовому (а более крупные — по два) с конной экипировкой, необходимой для выполнения обязанностей связных между центральной властью и местами. Для продовольствия вестовых каждый род вносил в ханскую казну по 128 руб. серебром на каждого вестового в год.

При хане находилась канцелярия, делившаяся на основную, или русскую, и татарскую. В основную канцелярию входили ее управитель, помощник, специальный следователь, делопроизводитель (часто его обязанности исполнял помощник), переводчик по киргизским делам и 2—3 писца. В состав татарской канцелярии входили

⁶⁹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 14, л. 4.

управитель, его помощник и 1—2 писца⁷⁰. Об объеме работы ханской канцелярии можно судить по тому, что в год число входящих и исходящих документов достигало 6 тыс.⁷¹

Джангир-хан создал при себе подобие органа идеологической обработки населения. Впервые в истории Казахстана он учредил в степи должность ахуна — главного духовного лица в ханстве, исполняющего также обязанности ханского духовного судьи. Эту должность более 20 лет исполнял оренбургский татарин Джабар Хаматов. При нем находились азанши-мулла Губайдулла Башаров и мулла Тажиддин Губдуджалялов — оба из Казанской губернии. Все они были подчинены хану и исполняли его волю. Хан был ими так доволен, что присвоил ахуну титул тархана, а в 1839 г. при аудиенции у царя в числе других представил к награждению Золотой медалью на Анненской ленте⁷². Местными органами ханских духовных советников были указные муллы, назначавшиеся в каждое более или менее крупное кочевое объединение. Число их достигало 130.

Ханское духовенство составляло ближайшее окружение хана и пользовалось поддержкой и покровительством верховной власти. Ахун имел обширные земельные угодья, крупное скотоводческое хозяйство. Сверх того, хан ежегодно делал ему подарки стоимостью до 4 тыс. ассигнациями. Кроме того, азанши-мулла и мечетный мулла получали от хана подарки на 500 руб. ассигнациями ежегодно. Крупной доходной статьей были «добровольные приношения» прихожан и подарки населения за исполнение религиозных обрядов и церемоний. Со временем хан вынужден был умерить их аппетиты.

В аппарат управления можно включить и военную команду, которую хан использовал для устрашения подданных. В ханской ставке были расквартированы 100 казаков астраханского войска во главе со штаб-офицером и двумя обер-офицерами, 25 уральских казаков с обер-офицером и 50 астраханских калмыков, находившихся на военной службе. Один из царских чиновников указывал, что «при содействии этих команд безопасность и порядок

⁷⁰ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2350, л. 184.

⁷¹ Там же, л. 147.

⁷² Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2126, л. 9.

в местном управлении ордою удовлетворительно поддерживаются»⁷³.

Создание структурно разветвленного аппарата находилось в органической связи с политикой укрепления ханской власти, централизации управления.

Это привело к резкому ухудшению положения рядовых кочевников: увеличались и без того большие поборы с населения, злоупотребления со стороны власть имущих. В одной из жалоб, поданной Оренбургской пограничной комиссии в 1843 г., говорилось: «Каждый год были производимы разные разорения, по мнению нашему, происходящие от хана, потому что к каждому роду он назначил по султану, а вред от них, назначенных им султанов, превышает вред от хана. При этом (происходят) поборы от 12 биев и находящихся во всех родах старшин, которых тоже множество»⁷⁴.

В целях предотвращения возможного открытого возмущения масс царское правительство собиралось несколько изменить свою политику в регионе.

В конце 30 — начале 40-х гг. в правительственных органах активно обсуждался проект реорганизации управления ханством⁷⁵. Правительство намеревалось пойти на ограничение ханской власти и усиление влияния пограничных органов. Больше внимание уделялось роли старшинских групп в родовых коллективах. Рекомендовалось хану смягчить земельную и налогофинансовую политику, ограничить влияние ахуна, татарских мулл и торговцев.

После смерти хана надобность в этом проекте отпала сама собой, поскольку управление ордой приняло новое направление.

Местное управление

В основе Букеевского ханства лежала родовая номенклатура. Преобразования в сфере административного

⁷³ Троицкий Н. Указ. соч., с. 106.

⁷⁴ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2655, л. 313.

⁷⁵ По инициативе председателя Пограничной комиссии Генса в 1837 г. был составлен проект Положения о Внутренней орде и представлен им на рассмотрение оренбургскому военному губернатору. Вскоре проект был направлен в Петербург, в Министерство государственных имуществ.

устройства и местного управления проводились в рамках этого сложившегося в течение веков родового деления населения.

В управлении родами существовали две тенденции. Одна была связана с политикой хана и органов царского правительства и направлена на усиление их влияния в родовых подразделениях, другая исходила от родовой знати, прочно сохранявшей связь с кочевыми коллективами и пытавшейся удержать свою власть в рамках этих коллективов.

Структурное совершенствование системы местного управления выразилось в объединении более мелких родов в один крупный — административный род. По решению хана из 17 казахских родов было сделано 15, затем 13, а начиная с середины 30-х гг. 12 административных родов⁷⁶, во главе которых стояли родоправители, чаще всего из султанов. Оренбургский губернатор снабдил родоправителей специальным документом об утверждении в должности и именной печатью. Во главе султанского рода стоял султан, ходжинский род возглавлял ходжа, туленгутский — туленгут.

Кроме родоправителя почти в каждом роде были ханский бий (член Совета биев) и ханский есаул с официальными общеродовыми функциями.

В противовес официальной системе управления родами существовало местное управление. Каждый из родов имел своего влиятельного бия, бая или старейшину, выдвинувшегося внутри рода и признаваемого им в качестве главы. Таких лиц могло быть несколько. Они образовали неофициальные центры, управляющие внутренней жизнью рода. В официальных документах они именовались мурзами, уважаемыми людьми, и имена их шли вслед за родоправителями и ханскими биями.

Каждый род делился на подроды (отделения), которые служили основанием для организации старшинств, при конструировании которых во внимание брались: число хозяйств в подроде, территория расселения его членов и исторически сложившийся режим управления

⁷⁶ Система административных родов в большинстве своем совпадала с естественно сложившимся родовым делением. Только в двух случаях родовое управление являлось объединением нескольких мелких родов. В начале 50-х гг. XIX в. число административных родов уменьшилось до 10.

внутри подрода, т. е. в основе формирования старшинств лежали принципы кровнородственных и исторических связей между членами рода, расселения и формы хозяйствования. Поскольку более или менее многочисленное подродовое подразделение часто располагалось на участках, отдаленных друг от друга и территориально не связанных между собой, постольку оно делилось на несколько старшинств — отделений⁷⁷.

Во главе каждого отделения стояли старшины, официально признанные ханом и по его представлению утверждаемые Оренбургской пограничной комиссией. Обязанности старшин состояли «в ближайшем наблюдении за порядком в отделениях, в исполнении распоряжений хана и родоначальников и в донесении как об обстоятельствах, заслуживающих сего, так и о нуждах отделений». Как указывает А. Евреинов, кроме обеспечения «тишины и спокойствия» в отделении старшина обязан был «знать места кочевок каждого аула, как для наблюдения за правильностью в этом отношении, так и для немедленного доставления требуемых начальством сведений по делам ордынцев; правильно собирать подати... Советами и убеждениями склонять киргизов к полезным и законным действиям», разбирать споры, «приводя их к миролюбивому концу по народным обычаям»⁷⁸. На нем лежала обязанность сбора согума, зякета и других ханских налогов.

В политической структуре ханства местное управление имело решающее значение, поскольку именно на местах формировалось отношение к официальной политике. Поэтому прочность ханской власти во многом измерялась отношением к ней родовых объединений, в которых проханские настроения всегда были слабы и еще более ослаблялись по мере превращения казахских ханов в марионеток царского правительства. Кроме того, от активности местных органов управления почти всецело зависело материально-финансовое положение хана и его окружения.

При ханах Букее и Шигае каких-либо существенных преобразований в местном управлении не проводилось. Ханы искали у родовой знати поддержку и стремились

⁷⁷ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 139, л. 1—2; Евреинов А. Указ. соч., с. 73—75.

⁷⁸ Там же, с. 76.

укрепить союз с влиятельными лицами в местном управлении. Старшины утверждались Оренбургской пограничной комиссией в редких случаях. Но одна тенденция выступала довольно определенно. Это — назначение родоправителями султанов из ближайшего окружения хана, которые на первых порах в какой-то степени делили власть в родах с местными биями и старшинами.

Положение в местном управлении заметно изменилось с вступлением на ханский престол Джангира, который взял твердый курс на централизацию власти путем огосударствления местных начальников и назначения по инициативе сверху родоправителями султанов, а на менее ответственные посты в местном управлении выдвигал представителей местной знати из числа лояльных к ханской политике или ее сторонников. С укреплением власти султанов в родах одновременно Джангирхан создал ряд административных институтов, служащих целям прямой связи ханской власти с местными влиятельными феодалами, при необходимости минуя родоправителей.

При хане Джангире позиции султанов в системе местного управления закрепляются. Накануне его прихода к власти старшин, управляющих родом без султанов, было 4 (в трех родах), в первый же год правления он сократил их число до двух. Так называемых родовых старшин, т. е. управлявших отдельными родами в 1826 г., было еще 6, но почти все они входили в состав султанского управления и были подчинены султанам, стоявшим во главе нескольких родов, куда входили и роды, возглавляемые старшинами.

Процесс султанизации системы местного управления и насаждения в ней указных старшин — ставленников центральной власти — намного усилился в последующие годы и, можно сказать, завершился уже к середине 30-х гг. Однако целиком подчинить кочевые и полукочевые коллективы воле ханской и царской власти не удалось. Как и прежде роль «родовой» власти в них оставалась существенной.

Центральной фигурой в системе местного управления были указные старшины, число которых в начале 40-х гг. XIX в. перевалило за 200. Каждый из них находился во главе более или менее крупного отделения рода, насчи-

тывавшего в своем составе от 100 до 250 кибиток⁷⁹. Указному старшине выдавалась грамота-удостоверение об утверждении его в должности с перечислением основных обязанностей⁸⁰.

Наиболее надежными с точки зрения интересов хана и органов колониального управления были родоправители-султаны, многие из которых принадлежали ханской фамильной династии (Нуралихановы, Букейхановы, Шигаевы) или находились в семейно-родственной связи с ханским домом. Они были наместниками центральной власти. Родоправители-султаны, за отдельными исключениями, имели армейские чины есаула, хорунжего, сотника. Прену преимущественно они получали официальные награды⁸¹. Родоправители-султаны оставались верными хану на протяжении всей истории Букеевского ханства, поскольку их власть на местах держалась на поддержке сверху.

Самой низовой хозяйственной и в какой-то степени административной единицей был аул. Специального учета аулов не проводилось. Принято считать, что их число в ханстве колебалось от 1200 до 1500. По своему положению они резко отличались друг от друга.

Хан Джангир, проводивший политику централизации власти и управления в рамках ханства, понимал, что путь к достижению этой цели лежит через преодоление обособленности родов и родовых подразделений во главе с родовой знатью. Осуществление этой задачи сопровождалось некоторой ломкой традиционного управления по родам и заменой его территориально-родовым и территориальным делением населения. Этому способствовали изменения в административном устройстве ханства. Ханская власть все чаще практиковала организацию новых старшинств по урочищам, в которых собирались отколовшиеся или отставшие от разных родовых групп кочевники. Был выделен новый административный район под названием Болим-Аймак, куда входило несколько родов. Так был образован Приморский участок, правителем которого в 1843 г. назначили Тогума Шигаева⁸².

⁷⁹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1682, л. 21.

⁸⁰ Там же, л. 32—33.

⁸¹ Там же, д. 2126, л. 6—9.

⁸² Там же, ф. 78, оп. 2, д. 126, л. 4.

Организация местной власти и управления по урочищам и территориальным районам не упразднила управления по родам, но в ней выразился новый подход к местному управлению, в перспективе подрывающий родовую номенклатуру как основу деления населения. Она отражала переходный этап в административном устройстве орды и тенденцию к централизации власти в ханстве.

Глава 4

ПРОСВЕЩЕНИЕ И КУЛЬТУРА В БУКЕЕВСКОМ ХАНСТВЕ

Становление культурных связей России и ханства

Букеевское ханство, несмотря на определенные сдвиги и изменения в организации внутренней жизни, оставалось типичным для казахского общества социально-экономическим образованием, в котором господствовали патриархально-феодалные отношения, кочевой и полукочевой образ жизни, родовое деление населения. На этом фоне и развивались культурные связи между Россией и Букеевским ханством.

При всей консервативности внутренней жизни и быта казахского населения, его отсталости, вовлеченное в сферу активной политики русского государства и в структуру метрополии, оно ощущало заметно растущее повсеместное влияние России. Особенно это сказалось на тех регионах Казахстана, которые находились в наиболее интенсивной зоне политики России, более заметно ощущали ее влияние вообще, в области культуры и просвещения в частности. Одним из таких регионов Казахстана было Букеевское ханство.

XIX в.— период становления и развития русско-казахских культурных связей — в России был веком расцвета науки, искусства и литературы, интенсивной общественно-политической жизни, роста национального самосознания. Увеличение сети учебных заведений способствовало распространению образования не только в самой России, но и втягивало в этот процесс национальные окраины.

Подготовка местных кадров русской ориентации в Казахстане также входила в планы царского правительства. В их лице оно намеревалось иметь преданных

престолу проводников политики в крае. Наиболее приспособленными для этих целей учебными заведениями считались кадетские училища в Оренбурге и Омске.

30 июля 1823 г. и 10 ноября 1824 г. Министр иностранных дел России передал оренбургскому губернатору Эссену повеление царя «о склонении (молодых) султанов с отличнейшими умственными способностями, чтобы они посвятили себя к изучению необходимых сведений и поступали для того в Неплюевское училище»¹. В 1833 г. оренбургский военный губернатор Сухтелен напомнил об этом председателю Оренбургской пограничной комиссии Генсу, указав, что до сих пор положительного результата оно не принесло и что необходимо предпринимать действенные шаги в этом направлении. В свою очередь, Оренбургская пограничная комиссия уведомила об этом комендантов ряда крепостей Уральской линии, осуществлявших контроль над прилинейными казахскими аулами, а также хана Внутренней орды и правителей частей Младшего жуза. Вскоре все коменданты ответили, что желающих отдавать детей в училище среди казахской знати не нашлось. Джангир-хан выразил готовность направить в училище своего девятилетнего сына².

Постепенно возникла потребность в грамотных людях и внутри самого казахского общества. Более заметной она была в тех местах, которые были вовлечены в сферу непосредственного управления России и находились ближе к российским губерниям. Среди таких регионов выделялось Букеевское ханство.

В Букеевском ханстве потребность в грамотных людях вначале возникла в системе внутреннего управления, что было связано с введением письменного делопроизводства, и быстрым ростом его значения во всей управленческой деятельности. Меры упорядочения структуры внутреннего управления в ханстве, налаживание учета поголовья скота и земельных владений в каждом старшинстве, родовых подразделений, установление стабильной системы сборов и обложения населения в пользу ханской казны, внедрение письменной формы ведения следствий по ряду категорий дел, возрастание роли документации в торговых делах и хозяйственных отношениях с представителями соседних губерний, введе-

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 310, л. 1.

² Там же, л. 15.

ние периодической отчетности и информации по подчиненности во внутреннем управлении — все это изменило прежнее представление об управлении в казахском обществе.

Потребность если не в образованных, то в грамотных людях обуславливалась также усилением внешних связей ханства с метрополией в экономической и политической областях. Ханы Внутренней орды вели активную переписку с оренбургским губернатором и Оренбургской пограничной комиссией, а также с Министерством иностранных дел, Министерством государственных имуществ, в ведении которых они состояли.

Хан Джангир расширял свои связи. Он неоднократно бывал в столице, участвовал в коронации императора, посещал Казань и Кавказ, имел свой дом в Астрахани, торговый двор в Саратове, стоянку в Оренбурге. В пограничных русских уездных центрах и военных кордонах для связи с ними по казахским делам находились ханские уполномоченные — депутаты. Во всех этих делах были нужны кадры, имеющие определенную образовательную подготовку, ориентирующиеся на политику царского правительства в этом регионе и способные служить интересам ханской власти. Ханская власть при этом преследовала и свои цели. В условиях нарастающего недовольства политикой хана со стороны аульных общин она стремилась сбить волну недовольства через своих ставленников на местах. Предполагалось также, что привлечение молодых и образованных людей к управлению может ослабить позиции старых родовых старшин и биев, являвшихся приверженцами традиционной султанно-бийской системы управления.

Джангир-хан был типичным деспотом-эксплуататором. Но он, может быть, более других ханов понимал требования времени, чему способствовало то, что он был образован, знал языки, по свидетельству русских чиновников, «усвоил себе весьма много из европейской цивилизации»³. Он смотрел на образование как на орудие проведения своей политики.

С целью пропаганды своего «просвещенного» образа жизни хан организовывал в Ставке собрания знати, в

³ Казанцев И. Указ. соч., с. 214.

первую очередь султанов, родоправителей, старшин и биев. Он призывал их строить дома, отдавать детей учиться в русские учебные заведения. Часть крупной степной знати переходила к оседлости, стала строить дома. Элементы нового быта, связанные с переходом к полuosедлости и оседлости, создавали более благоприятную почву, чем кочевничество, для становления и развития образовательного движения в обществе. Однако процесс осознания пользы образования в самой гуще казахского общества происходил очень медленно и находился в самом зачаточном состоянии.

Положительные перемены, происходившие в Букеевском ханстве, дореволюционные авторы нередко относили к результату деятельности Джангир-хана⁴. Однако с такой точкой зрения нельзя согласиться. Это был объективный процесс, происходящий независимо от воли отдельных людей или правителей. Рост политических и хозяйственных связей казахского населения с русским, активное вовлечение их в торгово-рыночные и долговые отношения были теми объективными причинами, которые способствовали развитию этого процесса. Казахи-скотоводы из-за неграмотности нередко терпели материальный ущерб и в торговле и сбыте своей продукции. Постепенно это приводило их к мысли о необходимости образования. Но традиционно-консервативный склад мышления тормозил развитие просвещения в крае.

Существовал значительный разрыв между объективными хозяйственными условиями и бытом казахов. В такой обстановке методы внешнего воздействия и давления приобретали определенное стимулирующее значение. Роль такого внешнего фактора играла «образовательная» политика ханской власти, настойчиво проводившаяся со второй четверти XIX в.

Влияние культуры России на Букеевское ханство более успешно шло по линии получения русского образования детьми из привилегированной части казахского населения. Само по себе это было положительное явление, которое могло перерасти в более высокие формы культурного общения.

Политическая жизнь России первой половины XIX в. развивалась под знаком усиления борьбы с монархиче-

⁴ Евреинов А. Указ. соч., с. 55.

ской системой и за освобождение крестьян от крепостного права. Это был период формирования освободительных идей в среде дворянства, а позднее возникновения революционно-демократического идейного течения. В центре культурной жизни России было дворянское общество. «В этом сословии,— писал А. И. Герцен,— так нелепо поставленном между цивилизацией и правом плантатора, между ярмом неограниченной власти и помещичьими правами над крестьянами, в этом сословии, где можно встретить самую высокую европейскую научную культуру при отсутствии свободы слова, без иного дела, кроме государственной службы,— кипит множество страстей и сил, которые именно вследствие отсутствия выхода бродят, растут и часто вырываются в свет в виде какой-либо блестящей, эксцентричной личности»⁵.

Передовые идеи проникали и в национальные окраины. До казахского населения они доходили чаще всего с наслоениями. Причина этого заключалась в том, что основным связующим звеном между Казахстаном и Россией были чиновники местной царской администрации, солдаты казахских поселений, крестьяне, приезжие торговые люди и путешественники, смутно представлявшие идейно-политическое движение в России, с одной стороны, и нужды казахского общества — с другой. И все же новое проникало в жизнь казахов.

Под влиянием общения с русским населением заметно изменились быт казахов, их отношение к просвещению. «У русских так много хорошего,— писал С. Бабаджанов,— что мы готовы перенять то с душевною радостью»⁶. Правительственные органы относили эти успехи в казахском обществе к политике русского государства. Выразивший мнение высших правительственных органов журнал Министерства государственных имуществ писал в 1841 г., что Букеевское ханство «служит лучшим доказательством благотворного влияния просвещенного правительства даже на быт самих кочевых народов»⁷.

⁵ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 6. М., 1955, с. 215.

⁶ Бабаджанов С. Заметки киргиза о киргизах. — Северная пчела, 1861, № 4.

⁷ Сведения о Внутренней киргизской орде. — Журн. МГИ, 1841, ч. 1, с. 272.

Положительное влияние русской культуры на казахское общество осознавали наиболее прогрессивные его представители, заинтересованные в развитии своего края. В 1860 г. в Петербурге и Москве побывала группа казахской знатной молодежи в составе 15 чел., в том числе 6 из Внутренней орды. Свои впечатления и интересы они изложили сопровождавшим их русским следующим образом: «У вас есть множество училищ, и в Петербурге, говорят, учеников и учениц, развивающих наукой свой ум, насчитывается несколько десятков тысяч. Многим из нас очень было бы желательно понять всю разницу между столичными институтами и нашими степными медресе... Говорят, у вас перед глазами, в полчаса времени, можно видеть, как хлопчатая бумага превращается в ситец и в кисею, лен — в холст и полотно, тряпки от этих материй — в бумагу, а бумага из них — в газету? Все это у нас в степи считается колдовством. Как было бы нам приятно понять эти превращения, самим видеть торжество ума, торжество науки, торжество европейца над природой»⁸.

Мектебы

К началу XIX в. образование в Казахстане как явление общественной жизни находилось в зародышевом состоянии. В редких случаях знать отдавала своих детей на обучение муллам, которые были у них письмоводителями и духовными лицами. Как правило, это были пришельцы из Бухары и Ташкента или Казани и Уфы. Эти «учителя» в большинстве своем сами были малограмотны, умели с трудом читать и писать. Весь багаж их знания состоял в нескольких выученных из корана сурах.

Обучение у таких мулл в большинстве случаев продолжалось не более 3—4 месяцев в году. В каждой такой «школе» обучались 2—4 мальчика без определенного плана, программы, системы. Дети ходили в школу по приглашению муллы в те дни, когда он был свободен от других занятий и занимались столько, сколько было угодно «учителю». Весь курс обучения состоял в изучении арабского алфавита и чтении начального простейшего текста из духовных книг, а также в заучивании не-

⁸ Небольсин П. И. Путешествующие киргизы. — Русский вестник, ч. 29, 1860, № 19, с. 49.

которых текстов. Нередко уже через несколько лет дети не могли толком читать и писать самостоятельно.

Обучение у мулл долгое время не имело заметного общественного значения и считалось частным делом родителей. Казахское общество, в том числе его верхушка, еще не сознавали значения грамотности и образования в обществе, хотя к их услугам особенно местная крупная знать стала прибегать все чаще и чаще. По традиции считалось, что общество может обходиться услугами приезжих мулл-письмоводителей, которых казахи рассматривали как второсортных людей. Русский врач С. Большой, живший среди казахов Младшего жуза в 1813—1814 гг., в своих записках указывал, что у казахов «нет ни школ, ни мечетей, редко кто на своем языке читать и писать умеет»⁹.

Правда, были случаи, когда наиболее дальновидные и предприимчивые представители казахской знати, ближе находившиеся к оседлой и городской культуре, заводили у себя мектебы — начальные школы, в которых обучали приглашенные духовные учителя, или отдавали своих детей на обучение в медресе соседних азиатских городов. И уж совсем редки были случаи обучения казахских детей в русских учебных заведениях.

Усиление экономических и политических связей Казахстана с Россией заметно оживило образовательное дело в крае, которое, однако, оставалось стихийным и не направлялось официальной властью. Исключение составляло Букеевское ханство, где ханская власть, особенно со второй четверти XIX в., довольно ревностно и инициативно выступала за распространение школьного образования в среде зажиточных слоев населения.

Впервые в многовековой истории казахских ханств верховная местная власть покровительствовала просвещению. Несмотря на то, что эта политика была продиктована экономическими и социально-политическими интересами господствующих классов и имела ограниченный характер, в определенной мере она способствовала преодолению отсталости и патриархальщины в отдельных сферах жизни народа.

Один из образованнейших казахов середины XIX в., хорошо знакомый с культурой России, С. Бабаджанов,

⁹ Записки доктора Саввы Большого. — Сын Отечества, 1822, № 49, 80.

воссоздавая картину культурной жизни населения орды, писал: «До 1801 г. киргизам нашим слово «письмо» было совершенно непонятно. Оно представлялось каким-то баснословным действием, как, например, парением в воздухе. С этого времени, т. е. с перехода на эту сторону Урала, у нас стали понимать, что письмо не миф и, что в иных случаях оно могущественнее словесного выражения желания». Далее он описывает, с какими трудностями приходилось сталкиваться первым агитаторам за отдачу детей на обучение в школу, открытую в Ханской ставке, и признает, что в «последнее время... учение наше пошло гораздо быстрее и обширнее»¹⁰.

Джангир первым из казахских ханов понял, что нельзя более или менее эффективно защищать интересы местной феодальной знати без определенного приобщения к знанию, к русскому просвещению и культуре. Должность делопроизводителя, тем более родоправителя и ханского «доверенного» все больше связывалась с умением читать и писать, общаться с русскими торговцами и чиновниками пограничных органов.

Подготовка грамотных людей в системе местной администрации входила в политику хана, направленную на ослабление позиций консервативной части родовой знати на местах, и замены ее новой знатью, преданной хану, а следовательно, и царскому правительству.

В центре образовательной политики хана находилась организация мектебов — начальных школ при мечетях. Была создана сеть духовных пунктов во главе с муллами. Этой мерой достигались две цели. С одной стороны, усиливалась роль ислама, который служил духовным средством обработки населения, а с другой — распространялось начальное образование в аулах.

В исламизации казахского общества определенное влияние на ханскую власть оказывал оренбургский муфтий, на дочери которого женился Джангир-хан, а также его ближайшее окружение, приглашенное из Татарии и Башкирии.

В орду были приглашены муллы из Казани и Оренбурга, казахские юноши направлялись на учебу в духовные школы — медресе — в Казань, Уфу, Оренбург и Астрахань. Джангир-хан издал предписание, обязывающее родоправителей и старших крупных родовых отделений

¹⁰ Бабаджанов С. Указ. соч.

собира́ть средства на строительство мечетей с начальными школами — мектебами. Он объявил о переходе функций местных мулл к муллам, назначенным ханом, которым поручалось содержание мечетей на местах. Деятельность духовных лиц стала централизованной. В Ханской ставке была учреждена ставочная мечеть во главе с ахунм, в обязанность которого входил надзор над сетью местных мечетей и муллами. Под председательством хана была создана комиссия, экзаменующая направляемых на места мулл, решающая вопрос о назначении и перемещении местных мулл и разрабатывающая вопросы, связанные с исламизацией общества. В результате всех этих мер ислам в короткое время стал влиятельным духовным оружием власти. Мусульманская феодальная знать — ходжи, — консолидировавшись, составила один влиятельный род. Со временем они стали претендовать на равное право с султанами, обрели экономический и политический вес в обществе.

К середине XIX в. создалось такое положение, когда каждый род, каждое более или менее значительное отделение рода имели своего муллу. Они уже не были, как прежде, самозванцами или людьми свободной профессии. Это были официально утвержденные духовные служители, проводящие официальную политику господствующих слоев казахского общества. Каждый из них получал особое ханское предписание, называемое указом или открытым приказом, в котором определялись его обязанности по отношению к населению и ханской власти¹¹.

Хан намеревался со временем заменить всех татарских, бухарских мулл при местных мечетях представителями коренного населения. В течение 20 лет своего ханствования Джангир, как писал один из русских чиновников, достиг цели: «природными киргизцами заместил мулл при кибитках и главной мечети»¹². Ханская власть в определенной степени ограничивала деятельность мулл в их «просветительской деятельности», вводя наряду с духовными предметами в программу мектебов начальное естествознание и русскую грамоту. Это нововведение нашло понимание у местного казахского населения¹³.

¹¹ Евреинов А. Указ. соч., с. 72—73.

¹² Оренбургское губернаторство неоднократно просило хана Джангира воспрепятствовать направлению выпускников этих школ для продолжения учебы в медресе Бухары и Ташкента.

¹³ Евреинов А. Указ. соч., с. 65.

В мектебах при мечетях сосуществовали две тенденции. Многие муллы, как и прежде, вдалбливали детям исключительно догмы корана и религиозного учения, оставаясь глухими к запросам времени. К ним по многим практическим соображениям отрицательно относилось пограничное русское начальство, под надзором которого находилось Букеевское ханство. Хан, ориентировавшийся на политику царского правительства, также сдержанно и даже неодобрительно относился к старым муллам. Один из современников так описывал обстановку в подобных мектебах: «У этих мулл мальчики лет по 5-ти и более не могли выучиться читать. Писать же не удавалось многим вовсе: до сих пор многие ученики того времени, умея читать, не могут написать ничего. В глазах мальчиков муллы сделались пугалом. Когда мальчики плачут или шалят, то матери и отцы для удержания их говорят: «мулла идет или мулле скажу». Этого слова боятся мальчики, даже не испытывавшие жестокости муллы. Вероятно, на них действует тон и выражение, с которым оно произносится родителем»¹⁴.

Новая тенденция в мектебах заключалась в более деловом подходе к обучению детей, с учетом системы местной администрации и службы в царско-ханских делах. В таких мектебах преподавались русский язык и начала естественных наук. Причем количество новых мектебов росло.

Официальные источники, архивные материалы говорят о том, что уже к середине XIX в. на территории орды имелось немало первоначальных школ во главе с муллами, в которых преподавался и русский язык. В 40-х гг. «почти у каждого богатого и влиятельного в орде человека образовались домашние школы, — указывает один из современников, — в каждой из них обучалось от 10 до 70 чел. Учение всех заключалось в правилах магометанской религии. А в нескольких местах преподавались и русская грамота, и язык»¹⁵. Как отмечает П. Небольсин, некоторые бии, не довольствуясь муллами, создавали у себя школы с русскими учителями. В качестве примера он ссылается на тархана Губайдуллу Исембаева, организовавшего школу с двумя русскими учителями, в которой

¹⁴ Бабаджанов С. Указ. соч.

¹⁵ Там же.

обучалось до 130 мальчиков¹⁶. Число учеников здесь явно преувеличено, но сам факт существования такой школы показателен. Бларамберг (1848 г.) также отмечал, что в Букеевском ханстве «грамотность и изучение русского языка начинают распространяться ежегодно с большим успехом»¹⁷. В центре орды — в ставке — была открыта ханская школа, в которой в качестве воспитателей наряду с муллами состояли русские учителя, обучавшие казахских детей русской грамоте¹⁸.

Русские гражданские и военные чиновники, по долгу службы тесно соприкасавшиеся с казахским обществом, путешественники, ученые, побывавшие в казахской степи, единогласно выделяют среди всех других частей Казахстана Внутреннюю орду как область заметного распространения образования и относительно интенсивного влияния русской культуры. Тяга к образованию, к русской грамоте и культуре стала особенно заметной в Букеевском ханстве в первой половине XIX в. Это было начало, имевшее важное значение для будущего казахского общества.

Школа

в Ханской ставке

Мектебы, организованные в степи знатью и разбросанные по родовым отделениям и урочищам, в лучшем случае давали предначальное знание, в редких случаях — самое первичное представление о русской грамоте. Обучавшиеся в течение 5—7 лет в этих мектебах юноши мало были пригодны для системы местной администрации и совсем не были пригодны для продолжения учебы в школах российских губерний, тем более в специальных училищах.

Уже к середине 30-х гг. Джангир-хан стал обдумывать возможность организации центральной школы в Ханской ставке. По его замыслу, она должна была готовить к поступлению в российские специальные учебные заведения, в том числе на подготовительные курсы уни-

¹⁶ Небольсин П. Путешествующие киргизы. — Русский вестник, 1860, т. 29, с. 45.

¹⁷ Бларамберг И. Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. Спб., 1848, с. 25.

¹⁸ Островский Э. Указ. соч., с. 3.

верситетов и кадетских военных училищ (корпуса). Кроме того, ее выпускники могли бы нести более или менее исправную канцелярскую службу в местной и ханской администрации.

Получив согласие оренбургского губернатора, хан построил здание для школы на средства, поступившие от сборов с населения. Он предполагал устроить у себя в ставке школу на 40 мальчиков, в которой должны были обучать русской и татарской грамоте, а лучших воспитанников отдавать в различные русские училища¹⁹.

Открытие центральной школы в ханстве состоялось в декабре 1841 г. в день коронации русского императора в присутствии чиновников Оренбургской пограничной комиссии. Этим подчеркивались верноподданнические чувства хана царю и назначение школы. Свидетелями торжественной церемонии и участниками организованного ханом пира по случаю основания школы была влиятельная знать. Но в процессе набора учащихся для школы хан встретил большие препятствия. Знать отказывалась отдавать своих детей в эту школу, не помогали ни личные письма хана, ни увещевания, ни внушения. Открытие школы, намеченное на 1840 г., было отложено на конец следующего года. В 1841 г. первый набор в школу составил всего 12 учеников на 30—40 вакансий. Потребовалось еще два года, чтобы заполнить эти места. Многие родители непрочь были учить своих детей в домашней школе, но категорически отказывались отпустить от себя и направлять в ханскую школу. Хану удалось лишь воздействовать на родственников и ближайших сановников.

Образовательная концепция хана вообще и цель открытия центральной школы в ханстве в частности весьма выпукло выступают в переписке хана с Оренбургской пограничной комиссией²⁰, личных его письмах, направляемых им влиятельной знати на местах, родственникам

¹⁹ Есипов Г. О киргизах орды Джангира Букеева. — Журн. МГИ, 1841, ч. 3, с. 200.

²⁰ В апреле 1842 г., через несколько месяцев после открытия школы, на запрос Пограничной комиссии о целях ее организации хан ответил: «Для приготовления молодых киргизов для поступления в учебные заведения нашел он возможным открыть в ставке своей училище для обучения в нем воспитанников чтению и письму на русском, арабском, персидском и татарском языках и в особенности переводам с русского на киргизский и обратно, грамматике, началам математики, географии и магометанского закона» (ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 386, л. 24).

и султанам накануне открытия школы. В одном из таких писем, адресованном родоправителю и родственнику Чуке Нуралиеву от 10 апреля 1841 г. Джангир писал: «Я уверен, что вы употребите надлежащие старания и вразумления родных и друзей ваших и всех, кого следует, что если и ныне науки приносят столь великую пользу, то внукам нашим и хорошо жить без них нельзя будет, что впредь безграмотных и по-русски не знающих вовсе не будут определять в родоначальники и другие должности, что нам весьма полезно и выгодно иметь лекарей из киргизов, что всякое старание, всякая издержка денежная принесут во сто раз более плода, если они будут употреблены на обучение юношества, нежели на всякое другое доброе и даже милостивое дело, что лучше употребить денег нельзя, как на то, чтобы приобрести знания закона божьего и правды его и через развитие в науках благородной честно служить Великому Государю Русскому и Народу»²¹. Усилия ханской власти, за которой стояло царское правительство, не были напрасными. Из года в год желающих учиться в Центральной школе и в других мектебах увеличивалось.

К середине 50-х гг. в ней обучалось 30 чел.²² До упразднения ханской власти в орде школа содержалась за счет ханских доходов, а впоследствии — за счет отчислений от сборов с населения. В среднем они составляли около 1400—1500 руб. серебром в год.

Занятия в школе начинались с осени (в начале октября) и продолжались до мая. Ежегодно 6 декабря приглашались отцы и родственники учащихся и в их присутствии устраивались экзамены учащимся с целью демонстрации полученных ими знаний. При этом, как правило, участвовал хан. В этот день проходили в Ханской ставке сборы знати и приемы, устраивались увеселительные мероприятия.

А. Евреинов писал, что в этой школе преподавали «татарский, арабский и русский языки, начальные правила арифметики и грамматики, в кратком виде географию и историю и правила оспопрививания... Лучшие из воспитанников поступают отсюда в Оренбургский Неплюев-

²¹ *Алекторов А.* Письмо Джангира Чуке Нуралиеву. — Оренбургский листок, 1892, № 26.

²² *Островский Э.* Указ, соч., с. 3.

ский кадетский корпус для дальнейшего образования»²³.

Русский язык, арифметику и географию преподавал ветеринарный врач Константин Ольдекоп. Он был первым учителем школы, осуществлял также «надзор и попечение за поведением и нравственностью учеников». Первым учителем восточных языков и по вероучению был Садриддин Аминов. В 1852 г. К. Ольдекопа заменил Потанин.

В школе было два класса: русский и татарский. Учащиеся делились на пришкольных и вольноприходящих. Первые содержались на обеспечении школы. Возраст учеников колебался от 9 до 22 лет. В русском классе преобладало изучение русского языка, а в татарском — восточных языков.

Об уровне знаний говорит перечень учебников, которыми пользовались учащиеся. Это — «Краткая русская грамматика» Востокова, «Арифметика» Бурнаковского, «География» Шульгина в 2-х томах, «Краткая хрестоматия» Галахова, «Русская история» Устрялова в 2-х томах.

Это была единственная национальная школа не только в ханстве, но и во всем Казахстане. Успевающие выпускники ее имели право поступать в средние специальные учебные заведения России и кадетские корпуса.

Центральная школа способствовала пробуждению у казахского населения определенной тяги к русской грамоте, к русскому образованию, а следовательно, и к связи с русской культурой. Один из наблюдательных царских чиновников, проводивший обширное описание жизни казахского народа и общавшийся с Внутренней ордой, сообщает, что «грамотность и изучение русского языка начинает распространяться ежегодно с большим успехом. Особенной пользы надобно ожидать в этом отношении от устроенного покойным ханом Джангиром училища для 40 киргизских мальчиков, в котором они обучаются русской и татарской грамоте, грамматике и арифметике»²⁴. Это обстоятельство было позже отмечено и инспектором народных школ А. Алекторовым, который отмечал, что в свое время ставочная школа была основана ханом, исходя из идей пользы для киргиз обра-

²³ Евреинов А. Указ. соч., с. 63.

²⁴ Бларамберг И. Ф. Указ. соч., с. 25.

зования в русском духе, и, что это впоследствии привело к возрастанию «среди киргиз стремления к обучению в русских школах»²⁵.

В дальнейшем эта школа играла важную роль в укомплектовании более или менее образованными кадрами местной администрации. В этом смысле цель, которой руководствовались устроители центральной школы в ханстве, в какой-то степени была достигнута. Выпускники школы, оканчивающие Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, возвращаясь в орду с офицерскими чинами, «составляли класс образованных и самых полезных чиновников и граждан»²⁶.

Эта школа сыграла немаловажную роль в общекультурном движении в Казахстане, в усилении его связей с русским обществом в области культуры и образования.

Казахские дети в учебных заведениях России

В 40—50-х гг. XIX в. в культурной жизни Внутренней орды происходило явление, обратившее внимание исследователей истории и быта казахов, следивших за состоянием казахской степи. Оно заключалось в заметном ослаблении и преодолении традиционно-консервативных общественных представлений, почти исключавших направление казахских детей и юношей в учебные заведения России. Это сыграло важную роль в поступательном развитии казахского общества, его связей с демократической и революционной Россией.

С конца 30-х гг. обучение казахских детей и юношей в русской школе и в учебных заведениях России получило общественное признание в ханстве. Официальная власть оказывала всемерную поддержку и даже выступала инициатором в этом деле. Агитация за обучение части детей казахской знати, в первую очередь султанов и старшин, в российских учебных заведениях стала составной частью политики хана²⁷.

Об этом говорит приводимое нами письмо хана Джангира одному из родоправителей: «Известно Вам, что в

²⁵ Ханская ставка. — Астраханский вестник, 1891, № 732.

²⁶ *Островский Э.* Поездка во Внутреннюю киргиз-казачью орду с ветеринарной целью. — Журн. МВД, ч. 34, 1859, № 2, с. 3.

²⁷ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 26.

нынешние времена необходимо иметь познания не только в чтении и письме, но и в разных науках, без чего нельзя хорошенько выучиться закону правоверному, пророком божьим нам данному, ни в особенности без познания русской грамоты быть хорошим должностным чиновником в орде, а именно — родоправителем или депутатом. Вам известно, что без таковых познаний скорее можно быть обманутым нехорошими людьми; незнание русской грамоты замедляет течение как судебных, так и общественных, и частных ваших исков в обидах. Хотя Великий Государь Всероссийский по несказанной благодати своей и допускает, что поныне должности оные занимают люди и безграмотные, но, это делая по великой добродетели своей и попечению о нас, вместе с тем открыл киргизам, как простым, так и знатным, доступ к образованию в Оренбургском Неплюевском корпусе и в других учебных заведениях в Петербурге и награждает учившихся чинами и разными отличиями, через что не только они, но и дети их могут быть счастливы и причислены к почтенному и благородному сословию дворян русских, пользующихся многими преимуществами и богатством. Я объявляю вам о сем единственно по любви к народу, Богом и Государем мне вверенному и опасаясь худых последствий, сколько я убежден в истине этого служит доказательством того, что и любимого сына своего, наследника ханского достоинства, султана Сахиб-Гирея, несмотря ни на его молодость, ни на слезы высокопоставленной матери его, ни на смерть брата его, ни на значительные денежные издержки, я отдал в обучение в Пажеский корпус его Императорского величества, где будет он находиться, доколе узнает все науки, для доброго управления нужные.

По всеподданнейшему прошению нашему Государь Император кроме Неплюевского училища разрешил принять детей наших в институты лесной, корпуса путей сообщения и в Училище гражданских инженеров, но для поступления в оные необходимо предварительно учиться чтению, письму и другим некоторым наукам. В настоящем году я полагаю открыть при Ставке моей училище, и все желающие отдать детей своих в обучение за умеренную плату могут обращаться ко мне с просьбами»²⁸.

²⁸ К истории развития школьного дела в киргизской Буксеевской орде. — Оренбургский листок, 1890, № 50.

Стремление к военному образованию, которое просматривается в письме хана, объяснялось просто: колониальное управление было военным; военные являлись решающей силой в Оренбургском военном губернаторстве, в Пограничной комиссии, осуществлявшей надзор за Букеевским ханством, местные царские чиновники были также в большинстве случаев военными. Кадетские военные училища (корпуса) были престижными учебными заведениями. Их выпускники получали не только хорошее образование, но и специальную подготовку военно-административного управления.

В таком отсталом, патриархальном обществе, как казахское, новые дела и начинания играли большую роль, чем увещевания и призывы. Пример самого Джангир-хана, отдавшего всех своих детей, в том числе девочек, в русские учебные заведения оказал значительное влияние на богатых родственников, ближних сановников и всю знать орды.

Чаще всего казахские дети из Внутренней орды направлялись в Оренбургский кадетский корпус (Неплюевское военное училище). В первую группу, направленную в 20-х гг. в Неплюевское военное училище, вошли молодые султаны Кушак-Галий Шигаев, Шамсутдин Досказинов и ходжа Кубболсын Караулов, «от которых не столько помогались этого образования родители, сколько на то было желание хана»²⁹. По окончании курса военного училища один из них — Шигаев в чине есаула занимал ответственные посты в администрации хана, был родоправителем и управляющим несколькими родами. Выпускник училища К. Караулов состоял чиновником по особым поручениям при хане, а затем был правителем его канцелярии. Третий оставил учебу досрочно и вернулся в степь. В дальнейшем еще несколько групп казахских мальчиков, преимущественно выходцев из зажиточных слоев населения, были направлены на учебу в Оренбургский кадетский корпус.

Видя, что окончившие курс в Кадетском корпусе и в других российских специальных учебных заведениях выгодно устраиваются в системе местной администрации, становятся в центре внимания общественной жизни в степи, другие также стали отдавать детей сначала в мест-

²⁹ Бабаджанов С. Заметки киргиза о киргизах. — Северная пчела, 1861, № 4.

ные школы или в соседние российские губернии, а затем в русские специальные учебные заведения, в том числе в Кадетский корпус.

Царские правительственные органы сами не проявляли особого стремления обучать казахских детей в учебных заведениях России. Но они не хотели отказывать ходатайствам хана Джангира, преданного престолу и самодержавной политике. По просьбе хана, с которой он обращался к царскому двору и оренбургскому военному губернатору, для казахских детей из Букеевского ханства официально было выделено в 1844 г. 10 мест во 2-м эскадроне Неплюевского кадетского корпуса. До этого казахских мальчиков принимали по разовым разрешениям губернатора.

В течение 20 лет до официального открытия вакансий в нем училось около 30 казахских юношей, из них полный курс обучения окончили только 15³⁰, еще пять выпускников были выходцами из Зауральской степи и Среднего жуза.

Неплюевский кадетский корпус сыграл важную роль в культурной жизни Букеевского ханства второй четверти XIX в. и в последующие периоды. Его выпускники, как правило, были сторонниками русского образования и культуры. Некоторые из них были носителями передовой общественной мысли. Наиболее заметной фигурой среди них был Салих Бабаджанов. Он был одним из образованнейших казахов 60-х гг. прошлого века, работал советником во Временном совете по управлению Внутренней ордой после упразднения в ней ханской власти, а затем управляющим одной из административных частей орды. Он был тесно связан с Россией, с ее культурой и передовой общественной мыслью, постоянно переписывался с некоторыми русскими учеными, востоковедами и путешественниками, сам много печатался в центральных журналах и газетах, затрагивая и ставя хозяйственные и социально-политические проблемы казахской степи. При этом он оставался горячим сторонником добрых отношений казахского и русского народов. Русский ученый П. И. Небольсин, встречавшийся с ним в Петербурге в 1860 г., указывал, что в беседе с ним Бабаджанов отмечал «зловредность невежественной татарской

³⁰ Плотников Л. По поводу статьи «Путешествующие киргизы». — Русский вестник, 1860, т. 30, с. 256.

(имеется в виду муллы из Татарии. — С. 3.) пропаганды между киргизами и развращение народа примесью к учению корана «суеверных поверий и преданий»³¹. Небольсин, в частности, отмечал, что Бабаджанов «владеет изящной русской речью, говорит бойко и красноречиво»³².

Были предприняты шаги по получению мест и в других российских учебных заведениях, в том числе в университетах. Переписка по этому вопросу между правительственными учреждениями и ханской канцелярией началась в 1839 г. Хан, пользуясь благосклонностью императора, просил выделить вакансии для молодых казахов в Лесном институте, в Корпусе путей сообщения, в Училище гражданских инженеров, а также в Петербургском кадетском корпусе. В августе 1839 г. Министр государственных имуществ уведомил хана Джангира о том, что государь Император дал разрешение на принятие молодых казахов в указанные учебные заведения, однако для этого нужно «чтобы ...молодые люди предварительно были приготовлены в губернских гимназиях или в Казанском университете»³³.

В одном из писем хан Джангир указывал, что «во исполнение сего Высочайшего соизволения я склонил некоторых из киргизов Внутренней орды отдать сыновей своих, всего до 6 человек, для обучения в институтах и в училище гражданских инженеров... что дети киргизов, о которых идет речь, от 10 до 12 лет от роду и предварительно в орде могут быть обучены только чтению и письму русскому и татарскому и начальным правилам арифметики; дальнейшего же образования в орде им доставить я не могу»³⁴. Вопрос о дополнительном обучении этих и еще нескольких казахских детей и губернских гимназиях, дающих право на поступление в высшие и специальные инженерные учебные заведения, рассматривался и решался в течение 1840—1843 гг. в Казанском учебном округе, Казанском университете и в Астраханской губернской гимназии. В письме хана, адресованном астраханскому губернатору в 1841 г., содержалась сле-

³¹ Небольсин П. И. Путешествующие киргизы. — Русский вестник, 1960, т. 29, № 10, с. 44.

³² Там же.

³³ К истории развития школьного дела в Киргизской Букеевской орде. — Оренбургский листок, 1890, № 49.

³⁴ Там же.

дующая просьба: «Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство к числу оказываемых Вами благодеяний киргизскому народу присоединить еще заботливость по выделении нам средств к воспитанию означенных детей в ближайшей к нам Астраханской гимназии на казенном иждивении, так как родители этих детей, по бедности своей, не имеют средств для их воспитания. Если же в виде казенных воспитанников при Астраханской гимназии киргизов мальчиков поместить нельзя, то войти, по усмотрению Вашему, в переписку с высшим начальством учебных заведений Казанского округа о назначении для сего другой гимназии, в сопредельных или ближайших нам губерниях находящейся»³⁵. На это астраханский губернатор ответил хану: «Насчет помещения шести киргизских мальчиков в Астраханской гимназии на казенный счет для подготовки их к поступлению в высшие учебные заведения я имел переписку с господином директором Астраханских училищ, но когда получил от него отзыв о невозможности принять мальчиков в гимназию на казенное иждивение, потому что при этой гимназии казенных воспитанников нет, я обратился с вопросом к г. попечителю Казанского учебного округа, нельзя ли поместить этих детей в 1-ю казенную гимназию на казенный счет и на каком основании. Г. тайный советник Мусин-Пушкин от 26 апреля уведомил меня, что помещаются дети азиатские по особому Высочайшему повелению или по предписаниям Министра просвещения». В конце письма астраханский губернатор писал: «Не рассудите ли Вы, милостивый государь, поместить детей киргизов в здешнюю гимназию с принятием на себя их содержания на два или на три года — тем более содержание их в Астрахани не составит особенных расходов, когда для жительства можно будет уделить им помещение в собственном доме Вашем»³⁶.

21 февраля 1841 г. хан обратился к оренбургскому военному губернатору Перовскому «о помещении 3-х киргизских мальчиков на казенное содержание в какой-либо из подведомственных Казанскому университету первоначальных учебных заведений, с тем чтобы по окончании здесь курса они могли быть переведены в Казанский

³⁵ К истории развития школьного дела в киргизской Букеевской орде. — Оренбургский листок, 1890, № 49.

³⁶ Там же.

университет на казенное содержание»³⁷. В числе специальностей, по которым намечалась подготовка молодых кадров, предусматривались и медики. В письме к оренбургскому губернатору, в частности, хан отмечал, что «...склонил некоторых киргизов в русское медицинское учебное заведение». В 1844 г. четыре мальчика, пройдя предварительную подготовку, получили направления в высшие гражданские учебные заведения России. Так было положено робкое начало инженерно-техническому и медицинскому образованию в Казахстане.

Определенным новшеством в области образования была также практика обучения казахских детей в начальных и приходских русских школах соседних уездов³⁸. Хорошо знакомый с жизнью Внутренней орды П. Небольсин отмечал, что здесь «..иные отсылают ребятишек своих учиться в окрестные русские селения и — вещь для меня доселе неслыханная — мухамедьяне отдают добровольно и с большою охотою детей своих к русским священникам для выучки русскому языку и русской грамоте... Киргизята живут у наших попов по целым зимам; по целым зимам не видятся с родными. И, говорят, порядочно успевают»³⁹.

Несмотря на то что обучению казахских детей все еще мешали предрассудки, бытовавшие в казахском обществе, местная знать постепенно приходила к мысли о необходимости обучать своих детей не только татарской, но и русской грамоте. Это давало положение в обществе, укрепляло их позиции. Чиновник М. Киттары сообщает, что «в 1846 г. богатый старшина Акбулат устроил большой той (праздник) по случаю отъезда его сына в Неплюевский кадетский корпус и провожал сына с большим удовлетворением»⁴⁰.

«Положение об управлении оренбургскими киргизами» от 14 июня 1844 г. предусматривало открытие при Оренбургской пограничной комиссии школы для казах-

³⁷ Там же.

³⁸ С начала XIX в. учебные заведения России подразделялись на приходские, уездные, губернские (или гимназии) и университеты. Начальные, или приходские, школы обслуживались и руководились местными помещиками и приходскими священниками.

³⁹ *Небольсин П. И.* Путешествующие киргизы. — Русский вестник, ч. 29, 1860, № 10, с. 45.

⁴⁰ *Киттары М.* Киргизский туй. — Журн. МВД, т. 25, 1849, № 1, с. 25.

ских детей, которая приняла первых 30 воспитанников в 1850 г. В 1859 г. приняли решение допустить к бесплатному обучению наряду с казахскими детьми и 10 русских мальчиков «с целью дать киргизским детям больше средств к упражнению в разговорном русском языке»⁴¹. Так включилось и царское правительство в дело подготовки образованных кадров в Казахстане, надеясь сделать из них чиновников, преданных интересам монархии и империи.

Оружейная комната

Среди примечательных явлений в культурной жизни Букеевского ханства особое место занимала так называемая «оружейная комната». Это было подобие музея, в котором собраны в основном образцы оружия. Мысль об организации оружейной комнаты возникла у хана после посещения Петербурга и осмотра музеев столицы в 1827 г. После этой поездки он разослал письма своим родственникам с просьбой передать ему редкие вещи, в особенности оружие, представляющие семейно-династическую и историческую реликвии и ценность. Отец Джангира, Букей-хан, как старший в фамильной ветви хранил у себя немало семейных реликвий и ценных подарков, которые и составили основу «оружейной комнаты» в Ханской ставке.

В наших руках еще нет полного описания этой коллекции, хотя, по отзывам современников, в ней было немало уникальных предметов, свидетельствовавших о высоком мастерстве казахских ремесленников и восточных оружейников. После смерти хана его имущество переходило от одного опекуна к другому, разгорелась борьба за овладение им между родственниками по линии жены, отца и чиновниками Пограничной комиссии, в результате которой многие личные бумаги хана исчезли бесследно, в том числе и сведения о музее.

Какое-то представление об этом «музее» дают современники хана. Так, Л. Терещенко, встречавшийся с ханом Джангиром и бывавший в орде после его смерти, писал следующее: «Собирая вещи почему-либо редкие или изящные, он любил собирать оружия, которые поме-

⁴¹ Приводится по кн.: *Тажигаев Т.* Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии. Алма-Ата, 1961, с. 5.

щаются в особой комнате, называемой оружейной, и состоят большей частью из восточных пистолетов, ружей, саблей, шашек, ятаганов, топориков, булав, кольчуг, щитов и шишаков, крытых серебряной, золотой чернью и украшенных дорогими камнями. Иные с надписью арабскою, иные с куфическою. В числе саблей суть дарственные роду его от царственного нашего дома, а именно: от императриц — Анны, Елизаветы и Екатерины II, императоров Павла и Александра Благословенного. Между восточными ружьями хранится клинок сабли, похожей более на шашку, которая жалована царем Михаилом Федоровичем, неизвестно кому из ханов»⁴². Далее автор пишет, что в свое время императрица Анна преподнесла хану Абулхаиру «богатую, золотом оправленную саблю, которую он должен обнажать против врагов России... И эта сабля хранится в доме последнего хана Внутренней орды Джангира»⁴³.

Другой автор, осмотревший ружейную комнату через год после смерти хана в 1846 г. оставил такое описание: от гостиной залы, по ее левой стороне находилась дверь, ведущая в небольшую, освещенную двумя окнами, комнату. «Висел на стене дорогой ковер и на нем симметрически располагались богатые шашки, сабли и ружья, по бокам окон развешаны были дорогие седла и другие принадлежности конской сбруи. У боковых стен возвышения и теперь стоят два узкие, но высокие, красного дерева шкафа, в которых за стеклом помещались различные азиатские кольчуги, налокотники, шлемы и другие воинские доспехи; между этими редкими и ценными вещами более всего бросался в глаза прекрасный стальной шлем, в виде тибетейки, с красивою золотою насечкою.

В остальной части этой комнаты, которую называют здесь оружейною, вдоль стен идут широкие шкафы, красного же дерева, в которых за стеклом красиво расположено множество различных сортов ружей, винтовок, шашек, сабель, кинжалов и пр., между ними было вещей весьма ценных, как, например, две сабли — подарки царские, украшенные золотою отделкою и драгоценными

⁴² Терещенко Л. Следы Дашт-и-Кипчака и Внутренняя киргизкайсацкая орда. — Москвитянин, т. 6, 1853, № 21—22, с. 62—63.

⁴³ Там же, с. 55.

камнями. Из ружей, до которых Джангир был большой охотник, более всего интересовали два: одно — с весьма красивою азиатскою отделкою, ценимое в тысячу рублей серсбром, другое — замечательное своей длиной, достигающей сажени. Вообще эта коллекция, плод многолетних сборов, включает в себе весьма много старинного азиатского оружия, и едва ли — не более всего в Ставке хана заслуживает внимания»⁴⁴.

В 1835 г. немецкий ученый-естествоиспытатель Гельб, путешествуя по югу России, посетил Ханскую ставку и несколько дней был гостем Джангира. В его большом труде, опубликованном в Берлине по результатам поездки, говорится и об оружейной комнате хана. «В оружейной комнате,— пишет он,— которая по восточному обычаю вся была выложена персидскими коврами, у задней стены наложены дорогие подушки вместо дивана, а по обе стороны их и по всем стенам висело оружие, а также все принадлежности верховой езды: украшенные дорогими камнями конские сбруи, седла, уздечки и т. п. вещи»⁴⁵. Побывавший в Букеевском ханстве в 1841 г. по торговым делам и осмотревший ханский музей автор сообщает, что оружейная хана «довольно богата и составляет кабинет его, где он, сидя на персидских коврах, беседует с муллою и занимается чтением алкорана и других священных книг»⁴⁶.

Евреинов А. был в орде в 1846 г., через год после смерти хана. Оружейная комната еще находилась в полной сохранности: «Полное внимание мое остановила на себе оружейная. В этой комнате не было ничего, кроме развешанных по всем стенам плотно, от потолка до полу, оружий разных народов и времен, конских сбруй и других воинских доспехов. Многие из них были драгоценны по древности, добротности и украшающим их самоцветным камням. Джангир был любитель и знаток редкостей в этом роде и доставал их, не щадя денег»⁴⁷.

Эти описания показывают, что коллекция была проду-

⁴⁴ Киттары М. Я. Ставка хана Внутренней киргизской орды. — Журн. МВД, ч. 28, 1849, № 10, с. 118—120.

⁴⁵ Приводится по кн.: Солдатенков К., Щепкин Н. Очерки Зауральской степи и Внутренней, или Букеевской, орды. М., 1859, с. 88.

⁴⁶ Есипов Г. О киргизах орды Джангира Букеева. — Журн. МГИ, ч. 3, 1841, с. 299.

⁴⁷ Евреинов А. Указ. соч., с. 62.

манной, систематизированной. «Музей» создавался в течение ряда лет, образцом для него послужили русские музеи, русские исторические и этнографические общества.

В архиве нами обнаружено письмо, написанное Джангир-ханом в марте 1845 г. председателю Оренбургской пограничной комиссии Ладыженскому, в котором он говорит о своем увлечении сбором документов и реликвий, связанных с историей своих предков: «Собирая и храня у себя разные документы, относящиеся до моих предков и зная, что в Оренбургской пограничной комиссии находятся жалованная на ханство в Малой орде грамота деду моему — Нурали-хану, решаюсь утруждать Ваше превосходительство покорнейшею просьбою о передаче, если возможно, мне грамоты этой в подлиннике или сообщении в противном случае засвидетельствованной с нея копии»⁴⁸.

В архиве имеется «Краткая ведомость имущества, принадлежащая наследникам умершего хана Внутренней киргизской орды генерал-майора Джангира Букеева», составленная Оренбургской пограничной комиссией. В ней приведена стоимость коллекции музея: огнестрельные и холодные оружия — 6415 руб. 75 коп. серебром, «вещи, составляющие принадлежность охоты и наездничества, как-то: колчаны, панцири, кольчуги, кушаки, уздечки и другие сбруи» — 1600 руб. серебром. Сюда не входили сабли и оружия, пожалованные русскими царями казахским ханам и батырам. Основанием для этой ведомости послужила опись движимого и недвижимого имущества хана; привезенная коллежским советником Бикмаевым и майором Ерофеевым из Орды⁴⁹.

За участие в сборе предметов народного быта и материалов по истории казахского народа, которые хан передал Казанскому университету, он был избран почетным членом научного общества при университете. В числе материалов, переданных ханом, были, в частности, варианты эпических поэм казахов, передаваемых из уст в уста в народе в течение ряда веков.

Оружейная комната была одновременно комнатой для бесед, служебным кабинетом хана. В ней собирались приближенные хана. Экспонаты ее, в большей части

⁴⁸ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2336, л. 1.

⁴⁹ Там же, д. 2350, л. 92—93.

посвященные именитым предкам, прославляющие их подвиги и связи с Россией, придавали этим обсуждениям значительность.

Показывая свои коллекции местной родовой знати, хан сам давал пояснения. Два раза в год «музей» посещали ученики ставочной школы, здесь хан иногда экзаменовал учащихся 6 декабря — в день основания школы. Каждому русскому чиновнику, путешественнику, посетившему Ханскую ставку, в первую очередь хан показывал музей, демонстрируя тем самым свою приверженность России, русскому государству.

Однако не следует преувеличивать роль хана в просвещении народа и сохранении исторических памятников. Вся его деятельность была направлена на возвеличивание династии Абулхаира-Нурали-хана и ханской власти.

Существует несколько версий относительно дальнейшей судьбы оружейной коллекции. После смерти хана Джангира и его жены Фатимы музей еще 2—3 года находился в сохранности, его посещали некоторые исследователи. По одной версии, родственники хана, боясь, что многие из фамильных предметов музея могут быть вывезены оренбургским губернатором и его чиновниками, разобрали экспонаты по династической принадлежности. По другой, наиболее ценные предметы, изготовленные народными мастерами, оказались у ответственных чиновников Пограничной комиссии и членов Временного совета по управлению Внутренней ордой, учрежденного после смерти хана, а часть коллекции была передана ими в столичные музейные хранилища. Существует также мнение, что жена хана перед своей смертью завещала многие вещи ханского дома, в том числе и часть коллекции, своему родному брату Гусейнову, состоявшему на службе у хана. Есть и такая версия, что после смерти ханского сына Сахиб-Гирея, в конце 40-х гг. часть оставшихся в музее предметов была увезена старшей дочерью хана Зюлейхой, которая вышла замуж за полковника Тевкелева, жившего в Оренбурге. Есть сведения, что сын Джангира, Губайдолла Букеев, пытался собрать часть коллекции отца, но удалось ли ему это — неизвестно. Такова в общих чертах история создания и судьба оружейной комнаты, созданной в степи в подражание российским музеям.

Русские исследователи и деятели культуры во Внутренней орде

Букеевское ханство вызывало постоянный интерес у ученых, путешественников и других русских деятелей. Причиной тому была близость его к России и более или менее стабильная внутренняя жизнь этого региона, находящегося в сфере активного влияния русских городов Астрахани, Саратова, Оренбурга и Уральска. Оно занимало степные просторы между этими городами.

Определенное значение имело и то обстоятельство, что хан Джангир, имея русское воспитание и русское образование, будучи преданным царскому престолу, всегда оказывал хороший прием, стремясь утвердить себя в их мнении просвещенным ханом.

Иноземцев, посещавших Букеевское ханство, можно разделить на несколько групп. Среди них наиболее многочисленными были торговые люди, затем русские чиновники, среди которых было немало образованных людей, ученые — члены и сотрудники Русского географического общества, научных обществ Петербургского, Московского, Казанского университетов.

Рост интереса русских исследователей к ханству следует рассматривать в едином русле развития связей и контактов казахского общества с Россией.

Одним из первых русских ученых, посетивших Букеевское ханство, по пути в Зауральскую степь, был А. И. Левшин, автор фундаментальной работы «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких орд и степей» в 3-х частях, опубликованной в 1832 г. и принесшей ему всемирную известность⁵¹.

По словам самого Левшина, в 1819—1820 гг. он специально изучал архив Азиатского департамента

⁵⁰ Терещенко Л. Указ. соч., с. 62.

⁵¹ Левшин Алексей Ираклиевич (1799—1879) окончил Харьковский университет, был председателем Ученого совета Министерства государственных имуществ, в ведении которого находилось Букеевское ханство в 1854—1859 гг. Товарищ Министра внутренних дел России был дальновидным правительственным деятелем. Им был

Министерства внутренних дел, а затем два года провел в г. Оренбурге и в Зауральских степях. Об этом периоде работы он писал: «Время сие, по обязанностям звания моего и охоте к изучению, посвящено было мною беспрерывным сношениям с киргиз-кайсаками, поездками к хану Меньшей орды, султанам и знатнейшим старшинам сего народа»⁵². Затем он основательно изучил архив Оренбургской пограничной комиссии.

В период пребывания А. И. Левшина в казахской степи (1820—1822 гг.) во Внутренней орде не было хана: Букей умер, а его законный наследник, сын Джангир, был еще малолетним. Временно правил ордой султан Шигай, брат Букей-хана. Не было и постоянной Ханской ставки, и населенного пункта под этим названием. Казахское население еще только обживало регион и в своей общественной жизни ничем не отличалось от зауральских казахов. Посещение Левшиным аулов и знати Букеевского ханства, Младшего жуза дало ему немало интересных материалов из жизни казахского населения, ставших основой для крупного исследования о казахах⁵³. Его благожелательное и сочувственное отношение к положению и судьбе казахского населения получило впоследствии положительный отклик.

В 1846 г. Внутреннюю орду посетил воспитанник Казанского университета, молодой ученый М. Я. Киттары⁵⁴. Он осмотрел дом хана, мечеть, школу в Ханской ставке, побывал на летней резиденции хана на берегу р. Торгунь, интересовался статистическими материалами о состоянии и развитии торговли и скотоводства в орде.

подготовлен ряд докладов и проектов правительству об освобождении крестьян. Некоторое время А. И. Левшин возглавлял группу по этому вопросу, но вскоре был отстранен от этой работы. Был избран членом ряда научных обществ России и за границей.

⁵² Левшин А. И. Указ. соч., с. 4—5.

⁵³ История полувековой деятельности Императорского русского географического общества. 1845—1895. Под редакцией П. П. Семенова, ч. 1, отд. 1, 2, 3. Спб., 1896, с. 3.

⁵⁴ Киттары Модест Яковлевич (1825—1880) окончил Казанский университет, с 1849 г. — доктор естественных наук. В 1853 г. занял кафедру технологии в Казанском университете, а с 1857 г. руководил кафедрой в Московском университете, автор многих работ по промышленной технологии (Энциклопедический словарь. Брокгауз — Ефрон, т. 15, с. 235—236).

По результатам своей поездки опубликовал две работы⁵⁵.

Автором ценного исследования — описания Внутренней орды первой половины XIX в. — был А. Евреинов. Два года провел он в орде, хорошо изучил жизнь калмыков и казахов Астраханской степи. С большим знанием и любовью описывает А. Евреинов жизнь населения Внутренней орды: «Изучение их нравов и обычаев развили во мне любовь к орде. Воспоминания об орде и поныне для меня усладительны. Часто рисуются передо мною бывшие картины: беспредельная для взора степь, на которую уперлось краями бирюзовое, безоблачное небо; группа кибиток; пасущиеся привольно табуны и стада; перекочевка, так неожиданно оживляющая степь и превращающая ее в картину, полную поэзии... все привлекательно оживает, даря отрадные часы»⁵⁶.

С симпатией рисует он руководителя народного восстания Срыма. А. Евреинов оставил описание неравноправной торговли. На ярмарках при Ставке, по его словам, «здесь казанский татарин захваливает киргиза, стараясь расшевелить его самолюбие и вернуть ему какую-нибудь дрянь за деньги; тут армянин забрасывает покупателя десятками халатов, выхваляя неимоверную доброту, и на худой конец берет вдвое; там цыган, только что обманувший киргиза, проводит немца, сбывая ему лошадь втрое дороже того, что сейчас за нее сам дал; уральский казак-бородач, сам опытный барышник, смотрит и посмеивается, глядя на плутни других»⁵⁷. Он не раз вмешивался в торговые дела, стремясь оградить казаха-кочевника от обмана. «Целые дни бродил я, — пишет А. Евреинов, — на ярмарках и нередко удавалось помешать самой наглой плутне, поймать самый низкий обман. Смешно и досадно видеть иной раз, как мелочные торговцы поступают с киргизами. Киргиз, например, купил 30 аршин ситцу и пристально осмотрел, усердно считал, когда меряли, а получил только 25 аршин, и то на милость, на которую, говорят, образца нет. Дело в

⁵⁵ Киттары М. Я. Ставка хана Внутренней киргизской орды. — Журн. МВД, ч. 28. Спб., 1849, № 10, 11; Он же. Киргизский туй. — Журн. МВД, 1849, т. 25.

⁵⁶ Евреинов А. Указ. соч., с. 49.

⁵⁷ Там же, с. 53—54.

том, что аршин у купца как-то прогнулся и давно уже смотрит спиралью»⁵⁸.

Указывая на некоторые положительные стороны строительства мечети и мектебов, медресе при них, которые содействовали распространению грамотности среди населения, в то же время Евреинов указывает на отрицательные моменты этого явления. «Однако, должен сказать,— пишет он,— это же ослабило народность киргизов, привив им разные свойства татаризма (т. е. религиозности.—С. З.)»⁵⁹. Он имел друзей среди казахов, которым давал положительную характеристику: «А посмотрите, как киргизы живы, проворны при случае, какие усердные работники в нужде, как сметливы, перемчивы. Вообще говоря, они умны»⁶⁰.

Ряд трудов описанию Внутренней орды посвятил и русский ученый-востоковед П. И. Небольсин⁶¹, действительный член Русского географического общества. П. И. Небольсин высоко ценил деятельность Чокана Валиханова и Салиха Бабаджанова, которых знал лично, был сторонником распространения просвещения в казахском обществе. Он отмечал, что у казахов в целом заметно выступала «приверженность к России и стремление сколько можно теснее «сблизиться с русскими»⁶², критиковал правительственную политику натравливания верхушки уральских казаков на казахов. «Уральские казаки,— писал Н. И. Небольсин,— нехристиански, негуманно смотрят вообще на мухамедян, а на киргизов в особенности. Притеснить, опозорить, облаять, обмануть киргиза ему нипочем; уралец исстари смотрел на киргиза, как на предмет, которым можно всячески поживиться»⁶³. Эту политику пограничных властей хорошо выра-

⁵⁸ Евреинов А. Указ. соч., с. 70.

⁵⁹ Там же, с. 73.

⁶⁰ Там же, с. 88.

⁶¹ Небольсин Павел Иванович (1817—1893), воспитанник Петербургского университета, собирал и изучал историю, культуру и этнографию народов Восточной Сибири, печатался в «Отечественных записках». Был избран действительным членом Русского географического общества. Многие годы преподавал в С.-Петербургском коммерческом училище, автор ряда ценных исследований о калмыках и казахах (Состав Императорского русского географического общества. Спб., 1856, с. 24; Энциклопедический словарь, т. 40, с. 786—787).

⁶² Небольсин П. И. Путешествующие киргизы. — Русский вестник, т. 29, 1860, № 10, с. 42.

⁶³ Там же, с. 45.

зила группа казахов, прибывшая в Петербург и Москву в 1860 г.: «Когда нам рано еще было думать об оседлой жизни, нас поощряли обзаводиться домами, а теперь, когда мы чувствуем потребность строиться, нам не позволяют возводить в степи жилых зданий для себя»⁶⁴.

Небольсин постоянно поддерживал молодого казахского общественного деятеля, проживавшего во Внутренней орде, С. Бабаджанова, следил за его трудами, помогал ему печататься.

В период ханской власти и после ее отмены Внутреннюю орду посещал Я. В. Ханыков, член Русского географического общества, картограф⁶⁵. Первый раз он здесь был в 1841 г. Его труды о Внутренней орде имеют фактологическую и историческую ценность⁶⁶.

С историей Внутренней орды и Младшего жуза середины XIX в. связана научная и административная деятельность крупного русского ученого — востоковеда В. В. Григорьева⁶⁷. В конце 1851 г. он получил назначение в Оренбургскую губернию для «исполнения особых по службе поручений» губернатора. С этого времени Григорьев непосредственно знакомится с жизнью, бытом, культурой и языком⁶⁸ казахского населения Младшего

⁶⁴ Там же, с. 47.

⁶⁵ Ханыков Яков Владимирович (1818—1862), член Русского географического общества (с 6 января 1846 г.), действительный статский советник, был причислен к Министерству внутренних дел, жил в Петербурге, входил в состав групп, выезжавших в казахскую степь с исследовательской целью.

⁶⁶ Ханыков Я. В. Очерки состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г. — Записки ИРГО, 1847, кн. 2; *Он же*. О населении киргизских степей, занимаемых Внутреннею и Малой ордами — Журн. МВД, 1844, ч. 8.

⁶⁷ Григорьев Василий Васильевич родился в 1816 г. в Петербурге, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. После двухлетней практики в Министерстве иностранных дел был переведен в университет для совершенствования в восточных языках и преподавания персидского языка. В 1838 г. избирался исправляющим обязанности профессора восточных языков в Одесском Ришельском лицее; в 1842 г. Московский университет удостоивает его степени магистра исторических наук, затем становится действительным членом Русского географического общества (1846), избирается единогласно членом-корреспондентом Императорской Академии (1853 г.). Умер в 1881 г. в Петербурге.

⁶⁸ За сравнительно короткое время овладел казахским языком настолько, что написал специальную работу о передаче звуков киргизского языка буквами русского азбуки (Казань, 1862).

жуза и Внутренней орды. С 1854 по 1863 г. он был председателем Оренбургской пограничной комиссии. О нем Н. И. Веселевский сказал, что «какой бы пост не занимал В. В., он постоянно и неутомимой энергией служил науке»⁶⁹. В. В. Григорьев общался с казахскими прогрессивными общественными деятелями и учеными Ч. Ч. Валихановым⁷⁰, С. Бабаджановым. По своим взглядам он был гуманистом, боролся против злоупотреблений казахской феодальной знати и русских чиновников. Как указывал один из его биографов, отправляясь на службу в Оренбург, «он знал уже, что такое провинция. Там, если человек по своим понятиям о жизни и службе имеет дерзость не покоряться общему мнению, он непременно, не вмешиваясь даже в чужие дела, наживет себе массу врагов, которые будут наносить ему оскорбления при всяком удобном случае»⁷¹.

Относительно длительная поездка В. В. Григорьева во Внутреннюю орду была связана с выполнением поручения оренбургского генерал-губернатора по производству следствия о злоупотреблениях султанов-родоправителей Орды, в частности Медеткалия Чукина и его братьев Ибрагима и Искандера, — всего по 16 делам. Он пробыл в Орде с 25 июня по 20 сентября 1852 г.⁷² «Киргизы не ожидали никакой пользы от следствия, — говорится в одном описании этой его поездки. — Давно уже Медет обнаруживал самовластие и корыстолюбие, и не в первый раз собиралась туча над ним. «Откупится», — рассуждали киргизы, составившие высокое понятие о значении и могуществе родоправителя, который и сам верил в свою силу»⁷³. Неподкупность В. В. Григорьева способствовала раскрытию значительных злоупотреблений этого родоправителя, и он был посажен под арест, что «произвело необыкновенный эффект на подчиненных Медету киргизов»⁷⁴.

⁶⁹ *Веселевский Н. И.* Некролог В. В. Григорьева. Спб, 1883, с. 3.

⁷⁰ В личных делах Ч. Валиханова сохранилась записка В. В. Григорьева, приглашавшего его на один из приемов столичного вельможи.

⁷¹ *Веселевский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам, с. 111.

⁷² ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2875, л. 20—22.

⁷³ *Веселевский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам, с. 115.

⁷⁴ Там же.

В. В. Григорьев изучал и собирал материалы об обычаях и быте, о социальной и политической жизни, языке местного населения. В одном из писем своему другу в Петербург, написанном в период нахождения во Внутренней орде, он писал: «Как кончу следствие, месяца через два, то опять поеду в орду с целью изучать ее во всей потребности для того, чтобы потом дать свое мнение, как устроить ее окончательно, сообразно с видами правительства и ко благу самых ордынцев. Как следствие, так и поручение изучать орду, познакомят меня, надеюсь, с киргизами, их нравами, и вообще степным бытом весьма основательно, что пригодится, если бог веку продлит, и для разных исторических писаний о Средней Азии» ⁷⁵.

Из поездок в казахскую степь В. В. Григорьев сделал для себя главный вывод — о недобросовестности султанов-правителей и необходимости строгого контроля над их деятельностью ⁷⁶. Он считал, что Джангир-хан сделал много зла для народа, и его злоупотребления довели население «до бедственного состояния». Им был разработан ряд мер по ликвидации отрицательных последствий его ханствования. Иное отношение было у него к трудовой части казахского населения. Н. И. Веселевский писал: «Зато киргизы произвели на В. В. (Григорьева. — С. З.) самое отрадное впечатление. Он увидел, что киргизы народ хотя буйный, но добрый, понятливый и восприимчивый ко всему хорошему, так что, если бы правителями были бы люди мало-мальски порядочные, степь удивила бы правительство быстрым развитием своего благосостояния» ⁷⁷.

В ряде своих записок, поданных правительственным органам, в том числе и оренбургскому губернатору, В. В. Григорьев высказывал смелые мысли, затрагивающие проблемы политики управления казахской степью. В одной из них (1860) он пытался вскрыть причины «неудовольствий киргизов» западной части Младшего жуза. «Главный и давний повод заключается в том, — писал В. В. Григорьев губернатору, — что Уральское казачье войско, не имея на то никакого законного права, единственно под предлогом недостатка в сенокос-

⁷⁵ Там же, с. 117.

⁷⁶ Там же, с. 120.

⁷⁷ Там же.

ных местах по правому берегу Урала... заняло мало-помалу весь этот левый берег, и хозяйничает там, как дома»⁷⁸. Это, по его мнению, привело к значительному земельному стеснению кочевых аулов и создало условия для их неудовольствия политикой правительства. Далее он указывал, что захваты пастбищных земель у казахов Средней и Восточной частей Младшего жуза приняли «еще более значительный размах в зоне их кочевания — более 4-х миллионов десятин отрезано от киргизской степи и отдано под Оренбургское казачье войско в 1835 году»⁷⁹, на которых до этого находилось 10—12 тыс. кибиток казахских семей. Кроме того, командиры укреплений и отрядов часто сами устанавливали повинности для кочующих аулов. «Такого рода насильственные подряды,— отмечал В. В. Григорьев,— повторяясь ежегодно, могут поселить в прилинейных киргизах Восточной части такое неудовольствие на русское управление, которое может при случае выразиться весьма невыгодным для правительства образом»⁸⁰. В другой записке В. В. Григорьев нелестно отзывался о деятельности самого Областного правления оренбургскими киргизами, председателем которого он был. Приведя ряд конкретных фактов, он сделал заключение о том, что «Областное правление мало оказывало заботливости к удовлетворению нужд подведомственных ему киргизов»⁸¹.

В 1855 г. профессор Харьковского ветеринарного училища Э. Островский с двумя окончившими курс воспитанниками совершил в течение нескольких месяцев поездку во Внутреннюю орду и по результатам этой поездки написал большую работу, печатавшуюся в нескольких номерах журнала Министерства внутренних дел⁸².

С научной целью в первой половине XIX в. Внутреннюю орду посетили немецкий ученый Гебель (1835), профессор Казанского университета Вагнер (1846), Сабанщиков (1830) и другие.

Интересные труды о Внутренней орде рассматриваемого периода оставил полковник генерального штаба,

⁷⁸ *Веселевский Н. И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам, с. 10.

⁷⁹ Там же, с. 13.

⁸⁰ Там же, с. 12.

⁸¹ Там же, с. 28.

⁸² *Островский Э.* Поездка во Внутреннюю киргиз-кайсацкую орду с ветеринарной целью. — Журн. МВД. Спб, 1859, ч. 34, № 1, 2, 5.

действительный член Русского географического общества Михаил Игнатьевич Иванин, в течение трех лет (1853—1856) непосредственно участвовавший в управлении ордой⁸³.

Букеевское ханство избрал постоянным местом жительства прапорщик артиллерии Г. С. Карелин, занимавшийся научными изысканиями. Хан выделил ему один из флигелей в своем доме. Он был «человек весьма ученый и образованный. По собственной склонности, имея достаточные сведения в разных частях естественной истории, а преимущественно в ботанике, он собирает множество трав и цветов, растущих в сем крае, отправляет оные в Петербург и другие места; а взамен их получает оттуда неизвестные здесь породы. У него многие шкафы наполнены отличными произведениями растительного царства»⁸⁴.

Каждый случай посещения Внутренней орды русскими учеными, путешественниками и деятелями просвещения вызывал определенный резонанс в казахском обществе. Как правило, они знакомились с бытом, обрядами, хозяйством, социальной жизнью казахов, разъезжая по кочевьям родов и родовых подразделений, беседовали с жителями, гостили у знати. При этом в том или ином объеме, как правило, затрагивались вопросы обучения детей и образования, подъема культуры местного населения, улучшения управления Казахской степью и др.

Посещение орды и казахских аулов деятелями русской культуры и науки оказывало благотворное влияние на развитие связей казахского и русского народов, на процесс проникновения русской культуры и передовой общественной мысли в казахское общество.

Открытие первого врачебного пункта и аптеки в степи

В кочевых ставках никогда не было врачей и уж тем более — аптекарей с образованием. Как правило, их заменяли астрологи (жулдузшы), знахари (баксы),

⁸³ Наиболее известная и весомая из его работ «Внутренняя, или Букеевская, киргизская орда».

⁸⁴ *Сабанчи́ков*. Рын-пески. — Заволжский муравей, 1832, № 12, с. 671—672.

костоправы (сыныкшы), травники (смші), внушающие (ушыкшы), жившие в кочевьях.

После отмены ханской власти в Среднем и Младшем жузах, в первой половине XIX в. положение с медицинским обслуживанием аульного казахского населения не изменилось. Лазареты и аптечные пункты, которые были в городах и населенных пунктах, основанных царским правительством, русскими и иноземными промышленниками, казачьими войсками и переселенцами-крестьянами, казахское аульное население не обслуживали.

Первым врачом в ханстве был штаб-лекарь Александр Андреевич Сергачев. Он окончил медицинский факультет Казанского университета и весной 1832 г. прибыл в Ханскую ставку. Через три года он получил назначение уездного врача в Саратовскую губернию, а в 1838 г. — снова врачом хана Внутренней киргизской орды⁸⁵. В начале 40-х гг. его заменил лекарь Евланов. В 1848 г. врачом в Ставке стал А. Г. Пупорев. Так сложился первый врачебный пункт со стационарным условием пребывания в Казахской степи.

По ходатайству хана в 1840 г. в Букеевское ханство был направлен ветеринарный врач Константин Петрович Ольдекоп, только что окончивший полный курс наук в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. С его именем связаны многие хорошие начинания в истории просвещения и ветеринарного обслуживания хозяйства кочевников в ханстве. На ветеринарного врача кроме несения ветеринарной службы в ханстве возлагалось и наблюдение за скотом и скотоводческой продукцией, привозимых на ярмарки и вывозимых оттуда внутрь России.

Администрация орды в письме от 1848 г. следующим образом оценила его деятельность: он «оказывал достойную похвалы заботливость и усердие в исполнении обязанности ветеринара с полным знанием своего дела... и сверх этих обязанностей, по приглашению хана... было поручено ему в 1841 году преподавание в учрежденном при Ставке училище русской грамоты, начальных правил арифметики, русской грамматики и истории и самый надзор за училищем, что Ольдекопом исполняемо было также с отличным усердием, пользою и успехом»⁸⁶.

⁸⁵ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2179, л. 3—4.

⁸⁶ Там же, д. 2483, л. 23.

В том же году хан пригласил из Астрахани оспопрививателя татарина Абдумалика Юсупова, который, кроме того, обучал казахских юношей, приставленных к нему, оспопрививанию.

А. Терещенко, неоднократно посещавший Внутреннюю орду при хане и после его смерти, указывает, что врач, живущий в Ханской ставке, немало сделал и делает в медицинском просвещении казахского населения, ему приходилось преодолевать многие трудности, предрассудки. Постепенно отчужденность и страх местных жителей, особенно аульных, перед русским врачом ослабевали⁸⁷. Чиновник Матвеев, находясь в орде в 1846 г., донес оренбургскому губернатору, что «к оспопрививанию киргизы уже частью приготовлены распоряжениями покойного хана — у детей его и многих ближних в Ставке киргизов привита оспа»⁸⁸.

В 1843 г. в Ханской ставке была открыта аптека. В пополнении ее медикаментами значительную помощь оказали оренбургский и астраханский губернаторы, расположением которых пользовался Джангир-хан. Начиная с 1845 г. врач орды приобрел статус государственного служащего с жалованьем. В 1852 г. в Ставке была официально открыта больница с двумя отделениями: одно — «для арестантов», а другое — для ордынцев.

Профессор Харьковского ветеринарного училища Э. Островский, посетивший Внутреннюю орду в 1855 г., указывал, что «в врачебном отношении у них есть аптека в Ханской ставке: медик и ветеринар»⁸⁹.

Открытие первого врачебного пункта и аптеки в казахской степи находится в тесной связи с влиянием культуры России на казахское общество. Проявленная инициатива в этом деле со стороны хана была результатом этого влияния. В рамках своих ханских интересов, возможно, он более ясно сознавал необходимость и неотложность постепенного перенимания культурного опыта России и русского общества. Только в этих пределах следует оценивать его роль в культурной жизни Внутренней орды.

⁸⁷ Терещенко А. Указ. соч., с. 73.

⁸⁸ ЦГА КазССР, оп. 1, д. 2359, л. 409.

⁸⁹ Островский Э. Поездка во Внутреннюю киргиз-казахью орду с ветеринарной целью. — Журн. МВД, т. 34, 1859, № 2, с. 79.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная цель нашего исследования — воссоздание целостной истории Букеевского ханства, его народа, приходящейся на первую половину XIX в. Методом ее раскрытия мы избрали системное рассмотрение важнейших сторон социально-экономической, политической и культурной жизни общества с последующим их сведением к общим факторам. Такой подход позволяет выделить общее и особенное в истории Внутренней орды.

Общее в развитии Букеевского ханства заключалось в том, что в нем, как и во всем Казахстане, господствующими были патриархально-феодалные отношения, основанные на экономической системе, в которой ведущая роль принадлежала кочевому и полукочевому скотоводству. В политической области сохранялись ханская власть и султано-бийское управление с традиционными формами их организации в рамках колониальной зависимости.

Специфическими факторами истории Внутренней орды, сыгравшими большую роль, являлись: юридическое оформление мелкой крестьянской и крупной собственности на пастбищные угодья в пределах феодального верховенства и развитие на этой основе полуоседлого образа хозяйствования и быта среди кочевых и полукочевых скотоводов; почти равномерное проникновение товарно-денежных отношений и повсеместное распространение в нем долговых отношений; антифеодальный характер освободительного движения казахских шаруа; попытка создать в специфических условиях отсталого казахского общества централизованную «просвещенную»

монархию — ханство, опирающуюся на специальный аппарат, отделенный от двора, и письменное делопроизводство; основание первой стационарной национальной гражданской школы в степи со своей базой и обучением детей на двух языках — на казахском и русском и получение вакансий в высших гражданских учебных заведениях России для казахских юношей; создание в регионе коллекции (оружейной комнаты) с уникальными экспонатами, повествующими о творениях оружейников, местных умельцев и ремесленников, учреждение первого врачебного пункта в степи и появление на исторической арене видного представителя передовой общественной мысли Салиха Бабаджанова и др.

Каждое из этих событий имело свои мотивы и причины. Вместе с тем они выросли и развились на общей почве, имели общие корни в конкретных условиях развития Букеевского ханства. Более глубокое изучение этих событий и фактов в их связи и в системе конкретной социально-политической структуры этой части казахского общества дает возможность определять их как порождение той среды, которая сложилась в Букеевском ханстве.

Особенностью Букеевского ханства было то, что его развитие в силу ряда объективных обстоятельств, главным из которых было расположение во «внутренней стороне» России, происходило под воздействием растущего влияния экономики, культуры и просвещения России, образа жизни и быта ее народа, с одной стороны, и колониальной политики царизма — с другой. Причем этот процесс проходил здесь более активно, чем в других частях Казахстана. Казахское общество этого региона в большей степени испытывало и аккумулировало прогрессивное влияние России первой половины XIX в., нежели другие политические объединения, входящие в Казахстан.

Значение Внутренней орды, изучение ее истории периода ханской власти и последующих этапов развития выходят за рамки локального, историко-познавательного интереса. Во Внутренней орде ряд социально-экономических и политических явлений институтов выступал четче и в более зрелых формах, как бы в «очищенном» от патриархальных оболочек и примесей состоянии, чего нельзя было сказать о других частях Казахстана. Именно

поэтому она представляла, можно сказать, во многих отношениях уникальный объект для исследователей дореволюционной истории Казахстана и для изучения структуры и особенностей феодального способа производства у кочевых народов вообще.

В этой связи нельзя не указать на ошибочность взглядов отдельных авторов о том, что влияние России на Букеевское ханство якобы в значительной степени изменило и деформировало привычный, традиционный быт и социальный режим кочевых коллективов, а поэтому этот регион стоит особняком в дореволюционном казахском обществе. На наш взгляд, особенности развития и само возникновение Букеевского ханства тем и интересны для истории Казахстана, что в нем наиболее концентрированно проявились процессы, которые позднее захватили весь Казахстан.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Букеевское ханство на «внутренней стороне» России	10
Россия и Младший жуз во второй половине XVIII—	
начале XIX в	—
Образование Букеевского ханства	16
Букеевское ханство: его место в политике русского	
государства и в истории Казахстана	29
Глава 2. Социально-экономическая жизнь казахского обще-	
ства и влияние на нее России	36
Экономические связи России и ханства	—
Тенденция к оседанию кочевого аула	43
Новое в земельных отношениях	54
Ослабление патриархально-родовых учреждений и	
связей населения	66
Расширение торгово-рыночных отношений	71
Социальные отношения и их обострение	82
Накал освободительного движения	87
Глава 3. Политическая система ханства	91
Букеевское ханство как зависимое феодальное го-	
сударственное образование	—
Ханская власть и царское правительство	99
Основные направления в деятельности ханской	
власти	107
Ханско-султанский дом	114
Совет двенадцати биев	117
Аппарат управления при хане	121
Местное управление	125
Глава 4. Просвещение и культура в Букеевском ханстве	131
Становление культурных связей России и ханства	—
Мектебы	136
Школа в Ханской ставке	141
Казахские дети в учебных заведениях России	145
Оружейная комната	152
Русские исследователи и деятели культуры во	
Внутренней орде	157
Открытие первого врачебного пункта и аптеки в	
казахской степи	165
Заключение	168

Салык Зиманович Зиманов

РОССИЯ И БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии и права
Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: член-корреспондент АН КазССР *А. Еренов*,
доктор исторических наук *В. Я. Басин*

Зав. редакцией *А. Г. Поздеев*
Редактор *Л. И. Дробжева*
Худ. редактор *А. Б. Мальцев*
Оформление художника *С. С. Слабоспицкого*
Техн. редактор *В. М. Муромцева*
Корректор *Г. И. Тимошенко*

ИБ № 833

Сдано в набор 21.10.81. Подписано в печать 21.12.81. УГ10134.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Типографская № 1. Литературная
гарнитура. Высокая печать. Усл. п. л. 9. Уч.-изд. л. 9,4.
Тираж 2000. Заказ 189. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
Адрес издательства и типографии: 480021, г. Алма-Ата, Шевченко, 28